

Извлечения:

Глава вторая. Истоки поведения

За исключением лишь некоторых элементарных рефлексов, человек появляется на свет, не обремененный врожденными стереотипами поведения. Ему еще предстоит им обучиться. Новые формы поведения вырабатываются на основе как непосредственного личного опыта человека, так и его наблюдений за поведением окружающих. В процессе осваивания поведения, без сомнений, важную роль играют и биологические факторы. Гены и гормоны оказывают воздействие на физическое развитие, которое в свою очередь способно влиять на поведение. По мере того, как углубляются человеческие знания о бихевиоральных процессах, дихотомическое отношение к поведению — либо как к исключительно заученному, либо как к исключительно врожденному — становится все менее распространенным.

Хотя еще и поныне находятся убежденные сторонники теории, гласящей, что поведение определяется исключительно наследственностью и внешним окружением, в наши дни уже широко признается тот факт, что личный опыт и физиологические факторы также вносят весомый вклад в формирование поведения. Однако они взаимодействуют меж собой каким-то неуловимым образом — и поэтому их не так-то просто разделить.

Даже тогда, когда ответные реакции, казалось бы, всецело формируются на основе опыта научения, воздействие физиологических факторов все равно сказывается. Таким образом, определенная модель поведения складывается преимущественно из компонентов, приобретенных на основе жизненного опыта, но, как часть природного наследия, в ней присутствуют и рудиментарные элементы. В качестве примера можно указать на тот факт, что дети рождаются с умением произносить весьма ограниченный набор элементарных звуков, из которых они со временем учатся компоновать множество вариантов слов и предложений. Исходные фонетические элементы кажутся тривиальными по сравнению с теми сложными вербальными конструкциями, которые осваиваются позднее — и, тем не менее, роль их существенна. Было бы, однако, явным заблуждением считать поведение инстинктивным только на том основании, что оно несет в себе некоторые врожденные элементы. Многие виды так называемого инстинктивного поведения, даже у низших видов, содержат значительную долю опыта научения.

Поведение не возникает как некая единая модель, оно формируется посредством интеграции многочисленных составляющих — различных видов деятельности самого разного происхождения. По этой причине более плодотворный путь изучения поведения: не делить его на категории приобретенного или врожденного, чтобы потом пытаться выяснить относительную значимость каждого из этих факторов, а проанализировать детерминанты бихевиоральных процессов.

Научение через ответные последствия

Самый элементарный способ научения, уходящий корнями в непосредственный личный опыт, основан на результатах тех или иных действий — положительных или отрицательных. Переживая повседневные события своей жизни, люди очень скоро начинают понимать, что одни из их реакций, как правило, всегда ведут к успеху, другие — безрезультатны, а иногда даже имеют весьма печальные последствия. Благодаря процессу такого дифференцированного подкрепления постепенно отбираются эффективные формы поведения, в то время как неэффективные — отбрасываются.

Научение через подкрепление обычно изображается как механический процесс, в котором

реакции автоматически и бессознательно формируются их непосредственными последствиями. Простые действия могут подвергаться модификации даже без осознания взаимосвязи между ними и их последствиями. Однако когнитивные способности человека позволяют ему извлекать гораздо больше пользы из своего личного опыта, чем это доступно организмам, не обладающим разумом.

Ответные последствия выполняют несколько функций. Во-первых, они несут в себе информацию. Во-вторых, они служат мотивацией, если благоприятны для организма. В-третьих, — и это, по-видимому, самая противоречивая их функция — они осуществляют автоматическое подкрепление реакций. Для полного понимания научения, основанного на ответных последствиях, требуется подробнейшим образом рассмотреть все три перечисленные функции.

Информативная функция

В ходе научения люди не только определенным образом реагируют, они также замечают произведенный ими эффект. Наблюдая за различными результатами своих действий, они вырабатывают гипотезы о том, какие реакции в данном случае являются более уместными, а какие — менее. Усвоенная таким образом информация в дальнейшем служит руководством к действию. Правильные гипотезы дают шанс совершать правильные действия, тогда как ошибочные ведут к действиям неэффективным. Сведения, получаемые в процессе познания, таким образом, избирательно или подкрепляются, или не подкрепляются (Dylany & O'Connell, 1963).

Результаты изменяют поведение человека в основном благодаря вмешательству мышления. (Такое заявление, безусловно, противоречит механистическим воззрениям.) Подкрепляющие последствия служат своеобразным каналом передачи человеку информации о том, как следует поступить, чтобы получить желаемый результат и избежать неприятностей — правда, информации довольно-таки неотчетливой. Поскольку научение через ответные последствия по большей части является процессом когнитивным, в тех случаях, когда нет осознания того, что же конкретно подкрепляется, последствия вносят лишь незначительные изменения в общее поведение. Даже если определенные реакции и получают положительное подкрепление, фактически это мало что меняет, если люди, исходя из другой информации, сохраняют уверенность в том, что в последующем подобные действия вряд ли будут вознаграждаться (Estes, 1972).

Мотивационная функция

Антиципирующая способность позволяет человеку мотивировать свои действия, опираясь на их возможные последствия. Прошлый опыт формирует ожидания того, что определенные действия принесут ощутимые преимущества, другие не приведут к существенным результатам, а третьи будут отдалять будущие неприятности. Представляя в уме, какими могут быть последствия совершаемых ими действий, люди способны превращать их в мотивационные факторы своего поведения. Таким образом, можно сказать, что большая часть человеческих действий находится под предварительным контролем. Так, домовладельцы вряд ли станут дожидаться момента, когда им по-настоящему придется пережить ужас пожара, они заранее запасаются страховым полисом; люди, отправляющиеся в дальние путешествия, как правило, не стремятся подвергать себя невзгодам, причиняемым тропическими ливнями или снежными бурями, а предупреждают эти события, подбирая для себя подходящую одежду; точно так же и водитель не ждет остановки двигателя, чтобы заправить свой автомобиль бензином.

Способность предвидеть отдаленные последствия и переносить их на текущее поведение помогает выработке предусмотрительного поведения. Это достигается путем обеспечения человека стимулами и подкрепляющими мотивами для осуществления определенных

действий. Побуждения, превосхищающие само действие, повышают вероятность проявления того вида поведения, которое снова и снова получает подкрепление, — вот почему побудительная функция последствий играет исключительно важную роль.

Подкрепляющая функция

При объяснении подкрепления, как правило, исходно предполагается, что последствия подкрепляют поведение автоматически, то есть без участия сознания. Однако такой подход часто представляется весьма спорным — например, при ознакомлении с результатами исследований по вербальному научению, в ходе которого проводился анализ: при каких условиях и с какой частотой произносятся слова, получающие подкрепление, и в каких случаях они игнорируются. Параллельно отслеживалось, в какой мере частота применения тех или иных слов зависит от того, осознают или нет участники эксперимента, произнесение каких именно слов вознаграждается. На протяжении всего сеанса через определенные промежутки времени Спилбергер и Де Нике (1966) оценивали степень осведомленности участников. Выяснилось, что до тех пор, пока участникам эксперимента ничего не известно об условиях подкрепления, последствия никоим образом не изменяют их поведение; однако, как только они начинают понимать, какие именно реакции вознаграждаются, их поведение резко меняется в нужную сторону. Чуть позже другие исследователи (Dulany, 1968), используя уже иные задания и подкрепления, пришли к аналогичному наблюдению: при отсутствии знаний о том, какое поведение получает подкрепление, оно подвергается лишь незначительному воздействию последствий. Однако и после проведения всех этих исследований многие вопросы остались открытыми.

Свои ранние исследования Постман и Сассенрат (1961) посвятили изучению временного соотношения между осознанием людьми происходящего, и изменениями их реакций. При проведении экспериментов обнаружилось следующее: когда участники эксперимента не осознают смысла происходящего, подкрепление приводит лишь к незначительному улучшению показателей; однако после того, как испытуемые приходят к правильному решению, они начинают демонстрировать весьма заметное закрепление соответствующих реакций. Ученые пришли к выводу, что, хотя научение может происходить и неосознанно, в таких случаях оно крайне замедленно и малоэффективно. Однако нарастающее число правильных реакций в конце концов помогает распознать, что обостряется; и как только это открытие делается, люди с готовностью демонстрируют соответствующее поведение — разумеется, при наличии значимых побуждений.

Можно получить совершенно различные результаты относительно взаимосвязи между осознанием происходящего и изменениями поведения: все зависит от того, насколько адекватно осведомленность измеряется. Если это происходит после выполнения многочисленных попыток, то к этому моменту участники эксперимента способны уяснить, какая реакция является правильной, а какая — нет, лишь на основе многократного подкрепления, и при отсутствии осведомленности. Имеются свидетельства, со всей очевидностью подтверждающие правильность такого предположения. Когда степень распознавания подкрепляющих условий измеряется спустя длительное время от начала эксперимента, то кажется, что осознание происходящего предшествует изменению поведения; но если измерения проводят через короткие промежутки времени, создается впечатление, что люди начинают действовать нужным образом еще до того, как осознают суть происходящего, до того, как отчетливо распознают, какие реакции являются правильными (Kennedy, 1970, 1971). А что, если участники экспериментов еще до изменения своего поведения отчасти осознают суть происходящего, но никоим образом не выражают этого знания? Так ли это? На этот вопрос еще предстоит дать ответ.

Процедуры, используемые в подобных исследованиях, вполне уместны для наглядной демонстрации того, что осознанное восприятие происходящего способствует изменению поведения, но они совершенно непригодны при рассмотрении таких основополагающих

моментов — как, например, решение вопроса: является ли осознание происходящего непременным условием процесса научения и изменения поведения. Так как реакции и их последствия наблюдаемы, при выяснении вопроса, насколько это делается осознанно, исследователям приходится полагаться лишь на слова участников эксперимента.

В тех же случаях, когда дается задание без возможностей узнать правильный ответ — поскольку взаимосвязь между действием и его последствием является ненаблюдаемой — безусловно, можно дать более уверенный ответ на вопрос: должно ли научение непременно происходить при участии сознания. Ведь осознание происходящего в принципе исключается, если наблюдаемой является лишь реакция, но не ее последствия, или, наоборот, когда подкрепление очевидно, а какая из реакций его вызвала — непонятно.

Хефферлайн и его коллеги (Hefferline, Bruno & Davidowitz, 1970) путем подкрепления успешно модифицировали внешне ненаблюдаемые реакции. В проведенных ими экспериментах мышечные сокращения, визуально незаметные, выявленные с помощью электронного усилителя, получали либо положительное подкрепление — в виде денежного вознаграждения, либо заканчивались неприятной стимуляцией. При наличии подкрепления эти реакции усиливались, а после прекращения его воздействия ослабевали — причем никто из участников так и не смог выявить, какие из реакций вели к подкрепляющим последствиям, хотя каждый из них выдвигал собственную гипотезу.

Осознание происходящего в данном случае отнюдь не представляет собой альтернативу «все или ничего». Можно изменить поведение в нужную сторону и на основании ложной гипотезы, если она каким-то особым образом связана с правильным решением задачи. Если, к примеру, участники эксперимента по вербальному научению считают, что их комментарии о предметах домашнего обихода являются вознаграждаемыми реакциями — в то время как правильными на самом деле являются замечания о кухонной утвари — они вполне могут «сгенерировать» несколько правильных реакций. Аналогично, при исследованиях, в которых используются невербальные задания, некоторые наблюдаемые виды деятельности, которые сами по себе являются отнюдь не идеально подходящими, время от времени также могут активизировать ненаблюдаемые реакции, которые можно назвать оптимальными в данной ситуации. В таких случаях присутствует не полное осознание, а осознание с некоторой степенью точности, зависящей от того, насколько близка к правильному ответу выбранная гипотеза. Те незначительные изменения поведения, которые происходят без вмешательства сознания, отчасти можно отнести на счет выдвигаемых гипотез.

Данный вопрос вряд ли можно назвать решенным, так как имеющихся в наличии фактов явно недостаточно для доказательства того, что подкрепление автоматически формирует поведение. Даже в тех случаях, когда применяются какие-то сверхусовершенствованные методики и в ходе их устанавливается, что обучать элементарным реакциям можно без уточнения, какое именно поведение получает подкрепление, и тогда отсюда вовсе не следует, что таким образом можно научить поведению в целом. В качестве примера рассмотрим случай, когда участникам эксперимента выдают задание, в котором предполагается, что их поведение будет регулироваться определенными правилами. Допустим, что вниманию участников эксперимента предложены слова различной длины; задание заключается в том, чтобы правильно назвать число, соответствующее каждому слову. Давайте сформулируем произвольное правило, согласно которому «правильное число» получается в результате вычитания из 100 количества букв в слове, деления остатка на 2 и умножения полученного результата на 5. Для того чтобы получить правильный ответ с учетом этого сложного правила, требуется трехступенчатый расчет, то есть испытуемый должен выполнить несколько мыслительных операций, причем в строго определенной последовательности. Организм, лишенный способности мыслить, не в состоянии выполнить правильные действия, сколь долго бы его реакции не подкреплялись.

Можно привести не одно доказательство в пользу достоверности той точки зрения, согласно которой подкрепление выступает скорее в роли информативного и мотивирующего начала, нежели в роли механического «усилителя» реакций. Понятие «усиление реакций» в

лучшем случае является метафорой. После того как реакция усваивается, вероятность того, что она будет использована в той или иной ситуации, может с легкостью варьироваться путем изменения воздействий, которые она производит, но сама по себе эта реакция уже не может усиливаться. К примеру, люди водят автомобили, поскольку это дает им определенные преимущества, но эти преимущества ничего не добавляют к реакциям, связанным с вождением. Сомнительное само по себе упоминание об автоматизме и усилении реакций приводит к тому, что говорить о регуляции поведения становится уместнее, нежели о подкреплении поведения своими последствиями. Но в этой книге мы в первую очередь будем говорить именно о подкреплении.

К счастью, последствия усиливают автоматически не каждую реакцию, их вызывающую. Если бы поведение подкреплялось любым произведенным им мгновенным эффектом, то люди оказались бы до такой степени перегружены взаимоисключающими тенденциями различных ответных реакций, что вскоре вообще бы потеряли способность действовать. Прикладное значение имеет лишь ограниченное научение на основе отдельных, довольно выдающихся событий. Для низших организмов, обладающих ограниченными символизирующими способностями формирования символов, эволюционные преимущества заключены в биологической структуризации, так что ответные последствия формируют длительные эффекты механически, без символической обработки собственного опыта.

Подкрепление представляет собой эффективное средство регуляции уже заученного поведения, но в то же время оно является относительно малоэффективным способом его формирования. Следует отметить, что люди редко усваивают новую форму поведения в естественных условиях, если у них нет возможности пронаблюдать подобное поведение у окружающих. К тому же, поскольку воздействие подкрепления обычно происходит одновременно с наблюдением многочисленных примеров различных видов поведения, которые можно использовать, бывает очень нелегко определить, какую же миссию выполняет подкрепление: формирует оно новое поведение или лишь активизирует то, что уже было усвоено посредством наблюдения.

Научение через моделирование

Научение было бы исключительно трудоемким — не говоря уже рискованным — процессом, если бы люди, получая информацию о том, что делать, полагались бы исключительно на результаты собственных действий. К счастью, в большинстве случаев человеческое поведение подлежит научению через моделирование. На основании наблюдений за окружающими у человека формируется представление о том, каким образом должно реализовываться новое поведение, и в дальнейшем такая закодированная информация служит для него руководством к действию. Прежде чем осуществить на практике то или иное поведение, люди могут обучаться на примерах, хотя бы приблизительных, и благодаря этому они избегают многих ненужных ошибок.

Основные процессы научения через наблюдение

В соответствии с теорией социального научения моделирование влияет на научение главным образом через его информативную функцию. Во время наблюдения человек приобретает в основном символическое представление о поведении модели, которое впоследствии служит для него руководством к действию. В данной концепции, схематически представленной на рис. 1, научение через наблюдение управляется четырьмя процессуальными компонентами.

Люди мало чему научаются при наблюдении, если не будут реагировать на стимулы и внимательно воспринимать существенные особенности моделируемого поведения. Процессы внимания определяют, что избирательно наблюдается и что конкретно отбирается из множества модельных влияний. Существует определенное количество факторов,

регулирующих результат и типы визуального опыта, некоторые из них связаны с характеристиками наблюдателя, другие относятся к моделируемой деятельности и все остальные включают структурное оформление личностных взаимоотношений.

Среди различных детерминант, определяющих степень внимания, самое важное значение, очевидно, имеет образ жизни человека. Рамки того поведения, которое многократно наблюдаются и, следовательно, тщательно заучивается, определяется окружающими, с которыми человек чаще всего общается, — либо в силу своих предпочтений, либо в силу обстоятельств. Так, человек, наблюдающий за членами бандитских групп, имеет несравнимо больше возможностей изучить агрессивное поведение, чем человек, общающийся исключительно с людьми, предпочитающими мирное времяпрепровождение.

Рис. 1. Процессуальные компоненты, управляющие обучением через наблюдение в анализе социального научения.

Воздействие моделей поведения различается по своей эффективности. Внутри любой социальной группы встречаются отдельные личности, которые привлекают к себе большее внимание окружающих, чем остальные. Много зависит от того, на чье поведение человек ориентируется и какие модели поведения игнорирует. Внимание направляется в нужное русло и благодаря личной привлекательности модели. Человек склонен подражать тем моделям, которые обладают привлекательными для него качествами, и игнорировать или даже отвергать те, которые ему мало симпатичны.

Некоторые формы моделирования оказываются настолько привлекательными, что в течение долгого времени сильно притягивают к себе внимание людей различных возрастов. Это наиболее ярко иллюстрируется примерами воздействия телемоделей. Пришествие телевидения необычайно расширило диапазон моделей, доступных для наблюдения и детям, и взрослым. В отличие от наших предков, моделью поведения для которых служил лишь круг представителей их субкультурного слоя, современные люди могут наблюдать и изучать различные стили поведения, комфортабельно устроившись в домашнем кресле и по праву пользуясь всеми богатствами символического моделирования, предоставляемого средствами массовой информации. Влияние телемоделей оказывается настолько эффективным, герои экрана так привлекают к себе внимание, что зрители обучаются многому из того, что видят, даже если и не испытывают побуждений к обучению (Bandura, Grusec & Menlove, 1966).

Интенсивность и уровень научения через наблюдение также частично определяются природой моделируемого поведения — как, например, его значительностью и сложностью.

Кроме того, следует отметить, что и способности самого наблюдателя обрабатывать информацию также определяют, насколько он может обогатиться в результате опыта наблюдения. Что именно выносят люди из своих наблюдений и как они интерпретируют то, что видят и слышат, во многом зависит от их перцептивных установок, выстроенных на основании прошлого опыта и продиктованных требованиями конкретной ситуации.

Процессы сохранения

Наблюдение за моделями не в состоянии оказать на людей сколько-нибудь заметного влияния, если они не будут запоминать наблюдаемое поведение. Вторым важнейшим процессом научения через наблюдение является запоминание. Для того чтобы наблюдатели смогли извлечь для себя какую-то пользу из поведения моделей, когда те уже отсутствуют и не могут задавать соответствующего направления, типы реакций должны быть в символической форме представлены в памяти. Опыт кратковременного моделирования сохраняется в долговременной памяти посредством символов. В первую очередь именно способность мыслить символами позволяет человеку путем простого наблюдения изучить большую часть элементов типового поведения.

В основе научения через наблюдение лежат главным образом две репрезентативные системы — образная и вербальная. Некоторые типы поведения запоминаются в виде образов. Сенсорная стимуляция активизирует ощущения, которые дают толчок восприятию внешних событий. В результате повторяющегося воздействия модельные стимулы со временем вырабатывают стойкие и легко воспроизводимые образы моделируемого поведения. Так, можно вызвать в памяти живую картину событий, которые на данный момент физически отсутствуют. В самом деле, если явления тесно связаны? — к примеру, имя человека постоянно ассоциируется с какой-то конкретной личностью, то, услышав это имя, практически невозможно не представить себе образ именно того самого человека. Аналогично, простая ссылка на некое занятие, которое неоднократно наблюдалось (например, вождение автомобиля), как правило, вызывает в памяти соответствующий образ. Зрительные образы играют особо важную роль в научении через наблюдение в период раннего развития человека, когда вербальные навыки еще слабо развиты, а также при изучении типов поведения, которые не столь легко поддаются вербальному кодированию.

Вторая репрезентативная система, которая, вероятно, отвечает за быстроту научения через наблюдение и запоминание модели, включает в себя вербальное кодирование моделируемых событий. Большинство когнитивных процессов, регулирующих поведение, являются в первую очередь вербальными, а не визуальными. Например, подробности маршрута, пройденного моделью, можно воспринять, запомнить и затем воспроизвести более точно, если обратить визуальную информацию в вербальный код, описывающий последовательность правых и левых поворотов, а не полагаться на удержание в памяти визуального изображения пути. Такое символическое кодирование способствует научению через наблюдение и запоминание модели, так как оно в простой и удобной форме для хранения несет значительную информационную нагрузку.

После превращения моделируемой деятельности в образы и готовые к употреблению вербальные символы, закодированная таким образом в памяти информация может служить руководством к действию. Важность символического кодирования для научения через наблюдение подтвердилась в исследованиях, проведенных как на детях (Bandura, Gruces & Menlove, 1966; Koates & Hartup, 1969), так и на взрослых (Bandura & Jeffery, 1973; Bandura, Jeffery & Bachicha, 1974, Gerst, 1971). Наблюдатели, кодирующие моделируемое поведение либо в слова, либо в емкие по смыслу ярлыки или живые образы, изучают и запоминают поведение значительно лучше тех, кто просто наблюдает, и уж тем более лучше тех, кто во время наблюдений занят собственными мыслями.

Помимо символического кодирования важным подспорьем для памяти служит повторение. Когда люди про себя репетируют или даже на самом деле воспроизводят моделируемые типы

реакций, вероятность того, что они забудут пройденное, намного меньше, чем если бы они не думали об этом и не пытались практиковаться. Однако многие виды поведения, изучаемые посредством наблюдения, не могут реализоваться в действие либо по причине социальных ограничений, либо из-за отсутствия возможностей. В таких случаях мысленное повторение, в ходе которого человек зрительно представляет себя осуществляющим соответствующее поведение, усиливает опыт и запоминание (Bandura & Jeffery, 1973; Michael & Maccoby, 1961). Ну и наконец, самый высокий уровень научения через наблюдение достигается тогда, когда моделируемое поведение сначала организуется и репетируется символически, а затем демонстрируется открыто (Jeffery, 1974).

Некоторые исследователи (Gewirtz & Stingle, 1968) проявили особый интерес к условиям, при которых у человека формируются первичные имитативные реакции — предполагая, что именно это поможет уяснить, как происходит научение через наблюдение на более поздних стадиях развития. Нерешенным остается вопрос, эквивалентны или нет детерминанты имитаций в раннем и более позднем периодах развития. В первые годы жизни ребенка его имитативные реакции вызываются напрямую и непосредственно действиями модели. Позже имитативные реакции обычно исполняются в отсутствие модели, довольно долго после того, как поведение наблюдалось. Непосредственная имитация не требует многого от когнитивного функционирования, потому что воспроизведение поведения внешне направляется действиями самой модели. Другое дело: в отсроченном моделировании отсутствующие события должны быть внутренне представлены так, что различие между непосредственным и отсроченным моделированием примерно такое же, как при рисовании автомобиля с натуры или по памяти. В последнем случае рука не просто автоматически воспроизводит внешний вид машины — скорее, она следует указаниям памяти, руководствуясь главным образом в основном воображаемыми репрезентациями.

Процессы моторно-репродуктивные

Третьим этапом моделирования является преобразование символических представлений в соответствующие действия. Для того чтобы понять, каким образом осуществляются реакции, требуется проанализировать, каковы идеомоторные механизмы исполнения. Воспроизведение поведения достигается путем организации реакций во времени и пространстве, в соответствии с образцом, предложенным моделью. В целях анализа реализацию поведения можно подразделить на когнитивную организацию реакций, мониторинг и совершенствование посредством информативной обратной связи.

На начальной фазе реализации моделируемого поведения реакции отбираются и организуются на когнитивном уровне. Уровень научения через наблюдение, который в итоге будет продемонстрирован в виде какого-то конкретного поведения, отчасти зависит от того, насколько сформированы основные компоненты навыков. Если человек обладает всеми необходимыми элементами, то он может легко интегрировать их, формируя новые типы; но, если хотя бы один из компонентов реакции отсутствует, воспроизведение поведения может оказаться несостоятельным. Когда налицо дефицит, тогда основные субнавыки, необходимые для сложного исполнения, сначала должны быть развиты моделированием и практикой.

На бихевиоральном уровне существуют и другие препятствия к реализации того, что было освоено путем наблюдения. Идеи редко безошибочно преобразуются в правильные действия с первой же попытки. Точного совпадения, как правило, добиваются в ходе многократного повторения попыток — благодаря корректирующим усилиям. Несоответствия между символической репрезентацией и исполнением служат подсказкой для корректирующих действий. Общая проблема при освоении сложных навыков — к примеру, при обучении игре в гольф или плаванию — заключается в том, что человек не может наблюдать свои реакции со стороны. Ему приходится полагаться лишь на собственные неотчетливые кинестатические ощущения или же на слова людей, следящих за его игрой. Очень трудно направлять действия, которые только наблюдаемы или определяемы коррекцией, необходимой для

достижения максимально точного совпадения между репрезентацией и исполнением.

Невозможно усовершенствовать навыки в ходе одного лишь наблюдения, равно как и невозможно развить их исключительно методом проб и ошибок. Тренер по гольфу вряд ли ограничится тем, что выдаст новичкам мячи и клюшки, а сам станет дожидаться, когда же они освоят удар. В большинстве случаев повседневного научения люди в первую очередь пытаются максимально освоить новое для них поведение путем моделирования, а затем начинают совершенствовать свои действия, самостоятельно корректируя исполнение посредством информативной обратной связи и фокусируя свое внимание на отдельных элементах.

Мотивационные процессы

Теория социального научения проводит различие между научением и исполнением, так как люди не следуют всему тому, чему они научились, поскольку люди на деле не реализуют на практике все подряд, чему они научились. Человек с большей вероятностью воспримет поведение модели, если оно приводит к полезным результатам, нежели если оно оказывается неэффективным или даже вредным. Среди большого числа наблюдаемых реакций предпочтение отдается реакциям наглядно эффективным, а не тем, которые ведут к негативным последствиям. Оценочные реакции, которые люди вырабатывают по отношению к своему поведению, также регулируют реакции, заученные в процессе наблюдения. Мы стараемся действовать так, чтобы получать самоудовлетворение, и отбрасываем то, что лично не одобряем (Hicks, 1971).

Так как на процесс научения через наблюдение влияет множество факторов, наличие моделей — даже самых выдающихся — автоматически не гарантирует формирования такого же поведения и у других людей. С одной стороны, имитативное поведение можно рассматривать без учета лежащих в его основе процессов. Модель многократно демонстрирует требуемые реакции и тем самым обучает других воспроизводить ее поведение. Если при этом обучающихся подталкивать в нужную сторону, когда они ошибаются, и вознаграждать, когда они преуспевают, то это со временем может привести к тому, что у большинства людей выработаются нужные реакции. Но с другой стороны, если требуется объяснить явление моделирования и получить прогнозируемые результаты, в таком случае необходимо принимать во внимание различные детерминирующие факторы, о которых говорилось выше. В каждом конкретном случае неспособность наблюдателя в точности воспроизвести поведение модели может иметь свою особую причину: может быть, не было возможностей пронаблюдать поведение модели во всех его деталях; может быть, моделируемые моменты были неправильно закодированы для представления в памяти; может быть, при воспроизведении того, что было освоено, человека постигла неудача; может быть, человек физически не способен действовать или у него отсутствуют необходимые побудительные причины для таких действий.

Эволюционный анализ моделирования

Научение через наблюдение влечет за собой появление так называемых подфункций, которые развиваются по мере взросления и накопления опыта — то есть, другими словами, очевидна зависимость человека от всего его предшествующего опыта развития. Моделирование поведения может стать более эффективным за счет соответствующего подкрепления, но такая наглядная демонстрация мало помогает в деле объяснения неудачной имитации или идентификации новых приобретений в процессе научения. Эффективность научения через наблюдение возрастает в ходе приобретения и совершенствования навыков, связанных с избирательным наблюдением, кодированием в памяти, координацией сенсомоторных и идеомоторных систем, а также со способностью прогнозировать возможные последствия воспроизведения чужого поведения. Научение через наблюдение тормозится при дефиците навыков и, соответственно, ускоряется при их совершенствовании.

При изучении источников и детерминант моделирования очень важно разграничить непосредственное и отсроченное воспроизведение. На ранней стадии развития моделирование у детей в основном сводится к непосредственной имитации. Но по мере того, как у них развиваются навыки символического обобщения опыта и трансляции его в моторные средства, возрастает и способность к отсроченному моделированию сложных форм поведения.

В исследованиях, связанных с вопросами эволюции, в качестве показателя когнитивного развития нередко используется хронологический возраст. Но хотя действия, требующие осуществления когнитивных функций, в общем случае действительно совершенствуются с возрастом, соотношения между этими параметрами не всегда являются столь упорядоченными. Некоторые несоответствия возникают потому, что по мере взросления ребенка меняются его личные качества, лежащие вне когнитивной компетенции. Соотношение изменений в функционировании с возрастом имеет нормативное значение, но мало что говорит нам о скрытых процессах, управляющих изменениями в показателях. Не стоит полагаться на возраст как на единственный показатель уровня развития. Скорее можно понять, как влияет развитие человека на его способность к научению через наблюдение, если заняться анализом развития всех факторов, воздействующих на процесс научения.

Исследования, связанные с вопросами развития, не должны ограничиваться только изменениями в поведении исключительно при естественных условиях. Полезно также оценить эффективность научения через наблюдение, проведя исследования детей, получивших различную предварительную подготовку, — то есть уже освоивших те или иные элементы поведения. Этот способ идентификации детерминант развития при научении через наблюдение является особенно эффективным, потому что критические факторы создаются направленно.

В 1951 году Пиаже представил отчет об эволюции имитации; в этом отчете важную роль играют символические репрезентации — особенно при высоком уровне моделирования. На ранних стадиях сенсомоторного развития имитативные реакции возникают у детей только при условии, если модель в альтернативной последовательности непосредственно повторяет предшествующие реакции ребенка. Согласно Пиаже, во время этого периода ребенок не способен имитировать те реакции, которые он сам спонтанно не осуществит, поскольку действие не может быть усвоено, если оно не соответствует уже существующей схеме поведения. Пиаже отмечает, что при введении новых элементов или при реализации реакций, которые уже освоены детьми, но не были ими открыто продемонстрированы, дети, как правило, не имитируют эти реакции. Таким образом, имитация ограничивается воспроизведением тех видов деятельности, которые уже освоены детьми, которые они могут сами видеть, как исполняют и которые они демонстрировали непосредственно перед повторением действий моделью.

Однако далеко не все ограничения имитационной деятельности младенцев, которые описал Пиаже по ходу своего длительного исследования троих детей, были подтверждены последующими исследованиями — например, касательно того, что младенцы посредством наблюдения способны приобретать новые навыки и затем использовать их в различных ситуациях (Кауе, 1971). Пиаже исходит из допущения, что на ранних стадиях дети не отличают самоимитации от имитации действий других людей. Но если они не могут отличить моделируемую деятельность от своей собственной, то для того, чтобы объяснить, почему у ребенка свои собственные действия могут исходно вызывать сочетающиеся с ними реакции, а совершенно идентичные действия других людей — не могут, необходимо ввести в теорию дополнительные допущения.

В ходе тщательно проведенного исследования Валентайн (1930) показал, что в пределах своих способностей младенцы имитируют моделируемые действия, даже если они никогда не выполняли этих действий прежде. Более того, исполнение, сочетающееся с исполнением модели, из которого имитативные способности выводятся, изменяется, вне сомнения, в зависимости от того, кто является моделью, что отбирается для моделирования и как это

делается. Младенцы имитируют своих матерей гораздо чаще, чем других людей. Иногда им удается отреагировать на первую демонстрацию, но они успешно имитируют действие, если его повторяют несколько раз. Таким образом, моделирование на основе повторений раскрывает способности младенцев к имитации лучше, чем при краткосрочном моделировании.

Согласно воззрениям Пиаже, сама схема, которая ссылается на приблизительные планы действия, определяет, какое поведение человек может имитировать, а какое — нет. Критической точкой в научении через наблюдение является не то, как сочетаются планы исполнения, а то, каким образом планы формируются. Формирование схемы, согласно Пиаже, определяется зрелостью и опытом, который умеренно не соответствует существующим ментальным структурам. Моделируемые события, которые чрезвычайно новы, вероятно, не могут быть цельными.

Между теорией социального научения и теорией Пиаже существует нечто общее, оно выражается в подчеркивании роли развития планов действия. Обе эти теории признают важность сенсомоторного и идеомоторного научения. Это значит, что у маленьких детей должны развиваться способности переносить то, что они видели, на свои ответные действия, а также преобразовывать свои мысли в упорядоченную последовательность действий. Однако вышеупомянутые теории различаются в своем подходе к тому, каким образом представления абстрагируются от примеров и каковы ограничительные условия моделирования. Согласно теории социального научения научение через наблюдение не ограничивается умеренно незнакомыми явлениями, а самостоятельные открытия, сделанные благодаря манипулированию поведением, являются не единственным источником информации. В теории Пиаже все с точностью наоборот. Информация о новых реакциях, говорится в теории социального научения, может извлекаться из наблюдений как за поведением людей, которые служат моделями, так и за последствиями собственного поведения. Если сенсорная и моторная системы получили достаточное развитие и уже имеются необходимые навыки, то не существует никаких причин, мешающих детям обучаться новым реакциям путем наблюдения за другими людьми. Хотя, вне всякого сомнения, вещи, приблизительно уже знакомые ребенку, усваиваются им значительно легче, чем абсолютно новые. С точки зрения рассмотренной ранее мультипроцессорной теории, затруднения, возникающие в ходе имитативной деятельности, которые Пиаже относит на счет недостаточной дифференциации схем, также могут являться результатом недостаточного внимания к моделируемой деятельности, недостаточного запоминания, чисто моторных трудностей при выполнении выученных действий или отсутствием достаточных побудительных причин. Такая детерминанта поведения, как побудительные причины, требует отдельного комментария, поскольку при оценке результатов научных исследований она играет особо важную роль.

На точности имитации детьми того, что они видят и слышат, отчасти сказывается то, каким образом реагирует на их поведение сама модель. Маленькие дети довольно точно имитируют действия — правда, если у них имеются достаточные побудительные причины для этого, но качество имитации очень быстро падает, если окружающие не обращают внимания на поведение ребенка (Lovaas, 1967). Если наблюдаются и регистрируются только сами реакции, то все ошибки и недостатки имитации, порождаемые ложными побудительными причинами, могут быть ошибочно отнесены на счет недостатков самих детей. Поскольку большинство исследований включает в себя изучение двустороннего процесса влияния, в них учитывается тот факт, что имитативные действия ребенка отражают не только его компетенцию, но и реакцию на них участвующей в исследованиях модели. Если человек, служащий моделью, пассивно реагирует на действия ребенка, не замечает ни успехов, ни неудач, то ребенок демонстрирует посредственную имитацию; в то же время, если человек, служащий моделью, проявляет интерес, то ребенок очень точно — в рамках, конечно, своих способностей, — воспроизводит поведение.

Тема нашего обсуждения, таким образом, близка к теме ранней стадии развития имитации

в интерпретации Пиаже. По мере своего интеллектуального роста ребенок приобретает способность к отсроченной имитации действий модели, которые он еще не наблюдал сам у себя. Эти изменения, скорее всего, наступают в результате координации визуальных и сенсомоторных схем, а также дифференциации собственных действий от действий других людей. Начиная с этого момента, ведется систематическая отработка реакций методом проб и ошибок — до тех пор, пока не достигается удовлетворительное совпадение с новыми моделируемыми образцами.

На более поздних стадиях развития, которые в основном относятся ко второму году жизни, дети начинают осуществлять репрезентативную имитацию. Схемы координируются внутренним образом, путем воображения, с помощью которого формируются новые образцы моделируемого поведения, без обязательного внешнего осуществления попыток действий. Но изменение, порожденное моделированием, окажется ограниченным, если закодированная информация представлена в рамках воображаемых копий моделируемых действий. В большинстве случаев моделируемое поведение приобретает и запоминается посредством вербальных символов. Если бы Пиаже распространил свои исследования на более позднее детство ребенка, то, несомненно, он отметил бы, что в этот период вербальная имитация проявляется как важное функциональное средство отсроченного моделирования.

Всеохватывающая теория моделирования должна объяснять не только то, каким образом в ходе наблюдений за моделями формируется поведение, но также и то, насколько часто имитативное поведение реализуется на практике и когда именно; и по отношению к каким личностям и в какой социальной среде оно может проявиться с наибольшей вероятностью. Отчеты Пиаже по вопросам имитации содержат только несколько общих утверждений относительно факторов мотивации, регулирующих реализацию моделируемого поведения. Имитация косвенно вызывается внутренней потребностью в действии и знании, желанием воспроизвести действия, которые частично отличаются от существующей схемы, а также уважением, которым пользуется модель. Однако перечисленные факторы являются слишком общими для получения удовлетворительного ответа на вопрос об избирательной имитации различных моделей или одной и той же модели, но в разное время и в разном месте, или о различных реакциях, продемонстрированных одними и теми же моделями (Bandura & Barab, 1971). Ввиду существования многочисленных доказательств того, что имитативное исполнение в значительной степени регулируется своими последствиями, влияние детерминант подкрепления — какова бы ни была их ориентация — также должно включаться в схему объяснений.

Сравнительный анализ моделирования

Роль символических процессов в ходе научения через наблюдение может быть оценена в ходе сравнительных исследований. Если виды, стоящие более высоко на филогенетической лестнице, обладают и более высокой способностью представлять свой опыт в символической форме, то можно ожидать, что между этими видами существуют различия и в возможностях осуществлять отсроченное моделирование. До сих пор не проводилось систематических сравнений между различными видами в научении через наблюдение на задания различной сложности, и на необходимость их репрезентации в памяти. Однако и те результаты, что были получены в ходе исследований, проведенных на различных видах, производят довольно внушительное впечатление.

Низшие виды заучивают простейшие действия путем моделирования в тех случаях, когда они могут реализовать их если не одновременно с моделью, то хотя бы вскоре после наблюдения за ее поведением. Научение через наблюдение становится менее надежным, если между наблюдением и воспроизведением проходит длительное время.

У видов, стоящих на более высоких ступенях развития, превосходство научения через наблюдение над научением через подкрепление является более разительным. Высшие животные благодаря наблюдению могут приобретать и запоминать довольно сложные

последовательности реакций, даже если они не пытаются реализовать их сразу же после первой демонстрации. Наиболее впечатляющие доказательства отсроченного моделирования совершенно новых форм поведения демонстрируют шимпанзе, помещенные в человеческие семьи (Hayes & Hayes, 1952). Они сидят за пишущими машинками и стучат по клавишам; стоя перед зеркалом, они подносят к губам тюбики помады; они открывают консервные банки — то есть без какого-либо предварительного обучения они выполняют самые разнообразные человеческие действия, которые время от времени могли наблюдать. Успех Гарднеров (1969) в обучении шимпанзе языку знаков продемонстрировал выдающиеся способности высших приматов путем наблюдений приобретать общие коммуникативные навыки в самых разных условиях и для самых разнообразных целей. После того как шимпанзе обучили языку жестов, они, чтобы добиться от людей выполнения своих желаний, самостоятельно использовали самые разные комбинации.

Локус ответной интеграции в научении через наблюдение

Новые формы поведения создаются посредством организации реакций в определенные формы и последовательности. Теории моделирования различаются по своему подходу к интеграции компонентов-реакций в новые формы в основном на центральном или на периферийном уровне. В теориях подкрепления (Baer & Sherman, 1964; Gewirtz & Stingle, 1968) предполагается, что подсказки, напоминающие о вознаграждаемом моделируемом поведении, помогают выбрать из всех вариантов внешнего поведения нужные элементы реакций; те же действия, которые не соответствуют поведению модели, попросту игнорируются. Составные компоненты реакции, выделенные таким образом, через подкрепление последовательно объединяются, чтобы создать более сложную форму поведения. Поскольку, согласно такому подходу, поведение организуется в новые формы в процессе исполнения, то научение требует открытого проявления ответных реакций и незамедлительного подкрепления.

Согласно теории социального научения, поведение заучивается символически, посредством централизованной обработки информации о реакциях — до их фактической реализации. Наблюдая за моделью, осуществляющей желаемое поведение, личность вырабатывает собственное представление о том, как и в какой последовательности нужно комбинировать отдельные компоненты реакций для формирования нового поведения. Другими словами, действия человека направляются преимущественно не их последствиями, а его предшествующими представлениями. Научение через наблюдение без реализации на практике богато документировано в различных исследованиях моделирования без последующей реализации реакций (Bandura, 1971a; Flanders, 1968). Человек, наблюдающий за новым поведением модели, позднее может описать это поведение со значительной степенью точности, а при условии наличия у него достаточно сильных побуждений, он нередко оказывается способен безошибочно реализовать это поведение с первой же попытки.

Широко распространено мнение о том, что противоречия, связанные с понятием локуса научения, не могут быть удовлетворительно разрешены, поскольку научение является результатом исполнения. Но это относится только к экспериментам над животными: для того, чтобы определить, освоило ли животное лабиринт, надо прогнать его через этот лабиринт. У людей же можно обнаружить такие показатели научения, которые никоим образом не связаны с исполнением. Для того, чтобы определить, освоил ли человек лабиринт путем наблюдения за успешно действующей моделью, достаточно только попросить его описать правильную последовательность правых и левых поворотов. Кроме вербальных показателей, представления человека можно оценить с помощью измерений распознавания и понимания безмоторного воспроизведения. Результаты экспериментов с использованием многочисленных измерений достижения показывают, что люди учатся с помощью наблюдений задолго до исполнения (Bandura, Jeffery, & Bachicha, 1974; Brown, 1976).

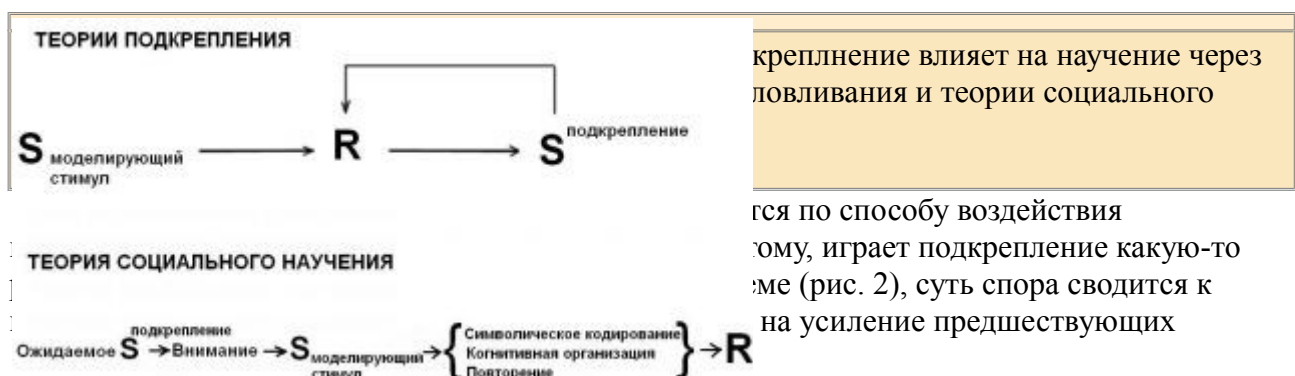
Роль подкрепления в обучении через наблюдение

Другим источником разногласий в контексте обучения через наблюдение является вопрос о роли подкрепления. Теории, ориентированные на подкрепление, предполагают, что ответные реакции, могут быть подкреплены в порядке обучения (Bayer & Sherman, 1964; Miller & Dollard, 1941; Gewirtz & Stingle, 1968). Оперантно обусловленный анализ основывается на стандартной трехкомпонентной парадигме $S^d \rightarrow R \rightarrow S^r$, где S^d обозначает модельный стимул, R — открытое поведение, а S^r — подкрепляющий стимул. Обучение через наблюдение, вероятно, осуществляется посредством дифференцированного подкрепления. Когда реакции, соответствующие действиям модели, позитивно подкрепляются, а отличающиеся реакции не вознаграждаются или даже наказываются, то поведение окружающих людей начинает функционировать как подсказка для осуществления нужной реакции, сочетающейся с поведением модели.

Однако эта схема неприменима к обучению через наблюдение, если наблюдатели на практике не осуществляют ответных моделируемых реакций в тех условиях, в которых они были приведены в качестве примера, или если ни модель, ни наблюдатели не получают подкрепления, или если какая-либо реакция, заученная в результате наблюдения, впервые осуществляется на практике спустя дни, недели или даже месяцы. При таких условиях, которые представляют собой наиболее широко распространенную форму обучения через наблюдение, в парадигме, состоящей из трех элементов, в процессе освоения отсутствуют два фактора ($R \rightarrow S^r$), а третий фактор (S^d , моделирующая подсказка), как правило, отсутствует в той ситуации, когда реакция, освоенная в результате наблюдения, пробуется на практике впервые. Оперантный анализ проясняет, как образом имитативное поведение, которое было ранее освоено человеком, может получить толчок за счет действий других людей и перспективы получения вознаграждения. Однако это отнюдь не проясняет, каким же образом в результате наблюдения приобретает новая реакция.

Согласно теории социального обучения, обучение через наблюдение осуществляется через процессы символизации во время моделируемой активности — прежде чем некоторая реакция произойдет или не произойдет, обязательно потребуется внешнее подкрепление. Это вовсе не означает, что осуществление моделируемой активности, на самом деле, является достаточным для того, чтобы произошло обучение через наблюдение. Не вся стимуляция, воздействующая на индивидуумы, неизбежно наблюдаема ими, и даже если наблюдаема, то все, что отмечается, может недолго сохраняться в памяти.

Подкрепление, безусловно, играет важную роль в обучении через наблюдение. Ожидание подкрепления является одним из нескольких факторов, которые могут оказывать влияние на то, что наблюдается и что остается без внимания. Знание того, что то или иное поведение модели является эффективным с точки зрения получения правильного и полезного или, напротив, вредного результата, делает обучение через наблюдение более эффективным за счет усиления внимания наблюдателя к действиям модели. Более того, ожидаемая польза может способствовать запоминанию того, что было усвоено в результате наблюдения, так как в таких случаях у людей появляется мотивация действовать именно так, а не иначе, растут их побуждения к кодированию и повторению моделируемого поведения, которое они достаточно высоко оценивают.

имитативных реакций и их связи с ключевыми раздражителями или же оно способствует научению благодаря воздействию на процессы, связанные с концентрацией внимания, организацией и повторением? Из теории социального научения следует, что научение через наблюдение осуществляется гораздо эффективнее, если наблюдателей заранее информируют о тех преимуществах, которые они получают в результате освоения модели поведения, чем если бы им пришлось просто дожидаться нужной реакции и последующего вознаграждения за нее.

В теории социального научения подкрепление рассматривается как полезное, но отнюдь не необходимое условие, поскольку на наблюдение — помимо последствий тех или иных реакций — оказывают влияние и другие факторы. Например, человеку не требуется подкрепление, когда он слушает волнующую его музыку или не может отвести взгляд от картины, чем-то поразившей его воображение. Когда сами события привлекают внимание к моделируемой деятельности, то дополнительные позитивные побуждения не повышают эффективности научения через наблюдение. Наблюдатели демонстрируют один и тот же уровень научения, вне зависимости от того, были они заранее проинформированы о вознаграждении правильной имитации или же они не имели никаких предварительных побудительных мотивов к освоению поведения модели (Bandura, Grusec, & Menlove, 1966; Rosenthal & Zimmerman, 1976). После того как способность к научению через наблюдение достигает своего высшего уровня развития, воспрепятствовать человеку уже невозможно: он учится тому, что видит.

Ссылаясь на традиционное допущение, что реакция предшествует научению, исследователи, изучающие оперантное научение, пытались свести наблюдаемое научение к оперантному обусловливанию. Что же касается научения, то здесь, вероятно, более уместным было бы изменить направление такого редукционного анализа. Если люди изучают соответствующее поведение, наблюдая за результатами своих действий, то научение в процессе формирования рефлексов становится особым случаем научения через наблюдение. Символическое представление поведения можно конструировать на основании наблюдения за случайным поведением или же на основании информации о чужом поведении.

Теории подкрепления и социального научения предполагают, что выбор людьми, какое поведение им осваивать в результате наблюдений, существенно зависит от последствий таких действий. Этим, однако, теория социального научения не ограничивается, она охватывает более широкий диапазон влияний подкрепления, включая внешнее, косвенное и самоподкрепление.

Моделируемые процессы и передача ответной информации

Основная функция моделирования заключается в передаче наблюдателям информации о том, каким образом реакции синтезируются в новые шаблоны. Информация о реакции может передаваться посредством физической демонстрации, образного представления или вербального описания.

По большей части социальное научение происходит на основе случайного или целенаправленного наблюдения поведения, демонстрируемого другими людьми в повседневной жизни. По мере развития лингвистических навыков вербальное моделирование постепенно вытесняет бихевиоральное моделирование в качестве более предпочтительного руководства реакций. Люди получают сведения о приобретении социальных, профессиональных или рекреационных навыков, следуя письменным руководствам и пособиям, описывающим, как следует себя вести в той или иной ситуации. Вербальное моделирование применяется довольно широко, так как с помощью слов можно выразить практически бесконечное множество типов поведения, которые было бы неудобно или нереально моделировать, прибегая лишь к наглядным примерам.

Другим влиятельным источником социального научения является богатое и разнообразное символическое моделирование, которое осуществляется благодаря телевидению. Установлено, что как дети, так и взрослые, приобретают определенные установки, осваивают эмоциональные реакции и новые типы поведения путем моделирования поведения кино- и телегероев (Bandura, 1973; Liebert, Neale & Davidson, 1973). Ввиду высочайшей эффективности и широкого распространения телемоделирования средства массовой информации играют чрезвычайно важную роль в формировании человеческого поведения и социальных отношений. Дальнейшее развитие коммуникационных технологий даст людям возможность по требованию наблюдать практически любые виды активности, в любое время суток, по телесети, охватывающей всю планету (Parker, 1970). Столь стремительно возрастающее значение символического моделирования может привести к тому, что родители, преподаватели и прочие традиционные модели будут вытеснены с их ведущего места в системе социального научения.

Важнейшее значение символического моделирования заключается в его постоянно возрастающем влиянии. В отличие от научения действием, которое требует формирования действий каждого индивидуума путем повторения опыта, при научении через наблюдение одна-единственная модель может передать новые формы поведения одновременно огромному числу людей, находящихся в самых разных географических точках. Этот аспект символического моделирования выражается в умножении и усилении эффекта. В ходе повседневной жизни люди осуществляют прямые контакты лишь с небольшим сектором окружающей среды. Следовательно, их восприятие социальной реальности в значительной степени подвержено влиянию косвенного опыта — того, что они видят, слышат или читают в средствах массовой информации. Чем сильнее средства массовой информации воздействуют на представления людей, тем эффективнее их социальное воздействие.

Основной процесс моделирования лишь незначительно зависит от того, каким образом внушается целесообразность нужного поведения: посредством слов, картин или живых действий. Однако различные формы моделирования не всегда оказываются в равной мере эффективными. Очень часто бывает трудно словами донести тот объем информации, который заключается в образах или наглядной демонстрации. Кроме того, некоторые формы моделирования могут быть более сильными, чем другие в управлении вниманием. Детей — равно как и взрослых — никто не принуждает смотреть телевизор, тогда как письменные или устные сообщения тех же видов деятельности не могут надолго задержать их внимание. Более того, символические модели в своем воздействии в значительной степени базируются на когнитивных предпосылках своих результатов. Наблюдатели с неразвитыми концептуальными и вербальными навыками, вероятно, получают больше преимуществ от созерцания демонстрации поведения, чем от вербального моделирования.

Диапазон моделирующих влияний

В большинстве своем поведение, моделируемое в любой конкретный момент времени, является социально предписанным или высоко функциональным — следовательно, оно усваивается практически в той же самой форме, в которой демонстрируется. Например, при выполнении хирургической операции или вождении автомобиля существует лишь узкий коридор правильных, допустимых действий. Однако моделирующие влияния могут порождать эффективное и совершенно новое поведение. Через процесс абстрактного моделирования наблюдатели выводят принципы, которые ложатся в основу определенного исполнения для выработки поведения, выходящего за рамки того, что они могут видеть или слышать (Bandura, 1971b; Zimmerman & Rosenthal, 1974).

Абстрактное моделирование

При освоении абстрактного моделирования человек наблюдает за окружающими его людьми, которые осуществляют различные реакции, воплощающие определенные правила

или принципы. Позднее наблюдатели проверяют увиденное на себе, стараясь, чтобы их поведение походило на поведение модели, но, как правило, они не могут имитировать модели, так как вынуждены применять то, чему научились в новых и незнакомых ситуациях. В качестве примера можно привести ситуацию, когда дети, принимающие участие в эксперименте, должны построить из набора существительных предложения, содержащие конструкции пассивного залога («Собаку гладят»; «Окно открывают» и т. д.). Примеры предложений различаются по содержанию и прочим характеристикам, но все они неизменно обладают одним общим свойством — пассивным залогом. Затем дети получают инструкцию составить предложения из различных наборов существительных с отсутствием модели, и их результаты формирования пассивных конструкций регистрируются.

При абстрактном моделировании наблюдатели выделяют общие атрибуты, представленные в виде примеров в различных моделируемых реакциях, и формулируют правила для выработки поведения со сходными структурными характеристиками. Реакции, воплощающие правила, выведенные на основе наблюдения, напоминают поведение модели, которое могло бы иметь место при аналогичных обстоятельствах, даже если сами наблюдатели никогда не имели возможности наблюдать поведение модели в этих новых ситуациях.

Общие особенности могут быть выделены через многократно повторяющиеся проявления индивидуальных типов, которые обладают общими свойствами. Однако проявления сами по себе не обеспечивают того, что релевантные факторы, которые усиливают видимость и значимость общих особенностей, очень сильно облегчают абстрактное моделирование. Одним из таких факторов являются последствия, следующие за реакциями модели. Как только реакции, воплощающие те или иные правила, приводят к позитивным для модели последствиям, то общие аспекты позитивных примеров могут быть более легко выделены наблюдателями.

При научении через наблюдение сложным идеям абстрактное моделирование усиливается за счет конкретных ссылок в сочетании с концептуальными реакциями. Например, маленькие дети осваивают правила языка с большей легкостью, если грамматические правила вводятся с демонстрацией соответствующих примеров, иллюстрирующих эти грамматические правила, чем если бы эти правила только бы декламировались (Brown, 1976). Относительное моделирование, которое представляет фактическое событие вместе с его абстрактным изображением, играет особенно важную роль на ранних стадиях когнитивного развития.

Моделирование проявило себя как исключительно эффективное средство формирования абстрактного поведения или поведения, регулируемого правилами. На основании правил, выделенных посредством наблюдения, люди среди всего прочего осваивают истинность суждений, лингвистические стили, концептуальные схемы, информационно-процессуальные стратегии, когнитивные операции и стандарты поведения (Bandura, 1971a; Rosenthal & Zimmerman, 1976). Свидетельства в пользу того, что обобщаемые правила мышления и поведения могут быть выведены через абстрактно моделируемые показатели, выявляют широкий диапазон научения через наблюдение.

Роль абстрактного моделирования в изучении иностранных языков позднее будет рассмотрена более подробно. Развитие моральных суждений является другой областью, в которой парадигма абстрактного моделирования широко применяется для проверки прогнозов альтернативных теорий концептуального обучения. Тот факт, что дети склонны менять свои стандарты моральной оценки в сторону, совпадающую с суждениями модели, неоднократно доказывался. Сторонники различных теорий сходятся в том, что моральные суждения могут изменяться под воздействием различающихся взглядов, но не соглашаются в вопросах о том, каким образом и когда подобное моделирование приводит к действительным изменениям.

Ученые, работающие в традициях Пиаже, допускают, что моральные суждения проявляются как интегрированное целое на различных стадиях, формируя инвариантные

последовательности. Пиаже (1948) проповедует двухступенчатую систему перехода от морального реализма, при котором правила считаются неизменными, а наказание соответствует масштабу причиненного ущерба, к релятивистской морали, которая включает в себя мотивационные соображения. Кольберг (1969) постулирует типовую последовательность из шести стадий, которая начинается с послушания, основанного на страхе наказания, затем наступает черед стадий инструментального гедонизма, конформизма в поисках одобрения, уважения к власти, соблюдения законных соглашений, и, наконец, человек достигает своей кульминации развития — личной сознательности. Поскольку эти стадии определяют фиксированные последовательности развития, индивидуумы не могут изучить заданные формы моральных суждений без того, чтобы в первую очередь ни освоить формы, соответствующие предшествующим стадиям. Презумпция заключается в том, что моделирование моральных стандартов, которые так сильно отличаются от доминирующей стадии, имеет очень ограниченное значение, так как эти стандарты не могут быть ассимилированы. Стандарты суждений меньшей сложности отвергаются аналогичным образом, поскольку они уже были замещены при достижении соответствующих уровней. Дивергентное моделирование предположительно создает когнитивную неуравновешенность, которая понижается при освоении более высокой степени моральных суждений. В основе объяснений того, почему люди не сохраняют свое равновесие просто путем следования собственному мнению и отвержения мнений, противоречащих их собственным, лежат врожденные побуждения (Rest, Turiel, & Kohlberg, 1969).

Основная проблема введения любой типологии заключается в том, что очень трудно найти людей, которые укладываются в рамки этой типологии. Это объясняется тем, что различные обстоятельства требуют различных решений и типов поведения. Моральные суждения конкретной личности принимают различные формы, а не выстраиваются по одной универсальной схеме. Со временем приходится вырабатывать новые подклассы, которые должны будут компенсировать разнообразие, проявляемое индивидуумами в их суждениях. Личный опыт и меняющиеся требования общества с возрастом приводят к растущей дифференциации функционирования. Как и в любой активности, которая связана с постепенным усложнением, в моральных суждениях людей с возрастом начинают выявляться различия. Однако даже у индивидуумов с заданным уровнем развития моральные суждения, как правило, выражаются по-разному, в зависимости от обстоятельств (Bandura & McDonald, 1963). Теоретики стадий разделяют людей по типам только с помощью применения простых произвольных правил по отношению к смеси разнообразных, одновременно существующих суждений, охватывающих несколько «стадий». Обычно большинство людей они относят к переходным категориям между стадиями (Turiel, 1966).

В соответствии с теорией социального научения детей разного возраста по-разному учат моделированию; подкрепление, как правило, тоже различное. Поначалу контроль является чисто внешним. Пытаясь предотвратить опасное поведение маленьких детей, еще не научившихся говорить, родители вынуждены прибегать к физическому вмешательству. По мере того, как дети взрослеют, социальные санкции все в большей степени замещают санкции физические. Родители не всегда могут лично направлять поведение детей. Успешная социализация требует, чтобы внешние санкции и требования постепенно замещались символическими и внутренними средствами контроля. После того как под воздействием научения и моделирования будут сформированы моральные стандарты поведения, подлежащие самостоятельной оценке, последствия начинают выступать в роли внутренних запретов на совершение недопустимых действий. Поскольку природа и серьезность возможных нарушений со стороны детей меняется с возрастом, родители также изменяют свои моральные основания. Например, они не ссылаются на юридические аргументы, регулируя плохое поведение детей дошкольного возраста, но объясняют смысл законов и наказаний подросткам, чтобы повлиять на их будущее поведение, которое может привести к серьезным последствиям.

В процессе развития дети учатся находить обходные пути. Они открывают, что можно избежать наказания или хотя бы смягчить его, если найти смягчающие обстоятельства для

своего поведения. В результате разнообразные типы оправданий становятся отличительной ключевой информацией моральных суждений. Позднее дети учатся смягчать последствия предосудительного поведения, изобретая различные оправдания, выставляющие их в выгодном свете. Именно поэтому теория моральной аргументации должна не в меньшей степени интересоваться когнитивными процессами, с помощью которых аморальное превращается в моральное.

Разумеется, родители являются не единственными источниками моральных суждений и поведения детей. Другие взрослые, ровесники и символические модели оказывают не меньшее влияние. Дети усваивают различные стандарты поведения в том случае, если они воспринимают противоречивые стандарты, предоставляемые взрослыми и ровесниками, чего не происходит, когда взрослые просто подают пример (Bandura, Grusec & Menlove, 1967). Этот вопрос усложняется еще и тем, что стандарты, усваиваемые посредством моделирования, подвержены влиянию непоследовательности в поведении той же самой модели, а также несовпадением между тем, как модель ведет себя на практике, и тем, что она проповедует (Bryan & Walbek, 1970). Для развивающегося ребенка модели поведения, демонстрируемые по телевидению, где представлен широкий диапазон моральных конфликтов, составляет неотъемлемую часть социального научения. Символическое моделирование влияет на развитие моральных суждений через то, что оно представляет поведение допустимым или предосудительным и через применяемые к нему (поведению) санкции и оправдания.

Хотя в моральных суждениях определенно присутствуют тенденции развития, условия социального научения оказываются слишком разнообразными, чтобы сформировать единообразные моральные типы. Даже на более высоком уровне одни виды поведения подпадают под действие закона, другие — под общественные санкции, а третьи — только под персональные санкции. Доказательство наличия возрастных тенденций, которое предсказывается практически любой теорией, часто принимается в качестве подтверждения стадийной теории принципов поведения. Однако предположения стадии гораздо шире и не должны ограничиваться только возрастными тенденциями: они допускают (1), что заявление о стадийном развитии говорит о нечто большем, нежели только о возрастных тенденциях: в таком случае допускается (1) что на каждом заданном уровне имеет место единообразие моральных суждений; (2) что индивидуум не может оценить поведение в терминах заданных моральных стандартов без предшествующего усвоения всей последовательности моральных стандартов предыдущих уровней; и (3) что усвоение указанного оценочного стандарта замещает предшествующие способы мышления путем их преобразования. Однако, анализируя результаты эмпирических исследований, нельзя не заметить, что в них приведено очень мало доказательств правильности этих допущений.

Были предприняты некоторые усилия для того, чтобы проверить возможность изменения моральных суждений в рамках теории Кольберга, для чего детям приводились рассуждения различных уровней (Rest, Turiel & Kohlberg, 1969; Turiel, 1966). Исследователи докладывали о том, что дети отвергают мнения, находящиеся ниже их доминирующего образа мышления, с трудом воспринимают слишком передовые идеи и более легко усваивают то, что располагается чуть выше их непосредственного уровня. Однако отдельные методологические недоработки снижают обобщающую ценность представленных результатов. Мера моральных понятий должна включать широкий диапазон факторов, имеющих непосредственное отношение к формированию моральных суждений. В упомянутых же выше исследованиях ответы были получены лишь для немногих морально релевантных параметров.

Как было показано, явные недостатки в моральных суждениях часто относимые к когнитивным ограничениям или невосприимчивости к некоторым моральным последствиям, по крайней мере, частично являются артефактами используемых процедур оценки (Chandler, Greenspan, & Varenboim, 1973; Gutkin, 1972; Hatano, 1970). Одни и те же индивидуумы выражали различные моральные мнения в зависимости от количества измеряемых моральных параметров, включенных в изображаемые события типов возможных

альтернатив, а также от того, оценивали ли они вербальный рассказ или бихевиоральную модель трансгрессивности (нарушений поведения) и демонстрировали ли свои моральные ориентации в виде абстрактных мнений или строгости санкций, предлагаемых для различных действий.

Процедуры, используемые в ходе исследований в стационарных условиях для изменения моральных суждений, являются даже более сковывающими, нежели процедуры оценки последствий. Дети слышат взаимоисключающие оценки, выраженные только для двух или трех гипотетических ситуаций, изображающих моральную дилемму, весьма далекую от их реальной жизни — как например, можно ли украсть из аптеки лекарство, чтобы спасти женщину, умирающую от рака. При слабом воздействии изменений можно и не достигнуть. Теории, основывающиеся на негативном, должны применять влияния более широко, а не только для краткой проверки своей правомочности. Свидетельством того, что моральные суждения различаются в зависимости от возраста, является то, что дети часто не могут адаптировать те мнения, которые они не вполне понимают, и что они неохотно выражают взгляды, которые считаются недостаточно зрелыми для их возраста, могут исчерпывающе объясняться и без привлечения усложненных построений о стадиях.

Теория социального научения рассматривает моральные суждения как принятие социальных решений на основании многочисленных факторов, которые служат для того, чтобы смягчить или оправдать недопустимость поведения. В число многомерных критериев оценки входят характерные особенности нарушителя; природа поступка; его непосредственные и отдаленные последствия; условия, при которых это было совершено; мотивационные условия; степень раскаяния нарушителя; количество и состав пострадавших людей; и еще множество смягчающих обстоятельств. Стандарты оценки усваиваются согласно правилам, на примерах и через переживание непосредственное и опосредованное последствий трансгрессивных действий. Благодаря столь разнообразному опыту люди учатся различать моральные соответствия различных параметров, их вес и значимость.

Моральные ситуации, которые встречаются в повседневной жизни, предполагают наличие множества решений, различающихся по их относительной важности — в зависимости от характерных особенностей происходящих событий. Те факторы, которые обладают значительным весом при определенных обстоятельствах, могут быть просто проигнорированы или сочтены малозначимыми при других условиях. По мере развития моральные суждения изменяются от одномерных правил в сторону многомерных и гибких правил поведения.

Подверженность дивергентному моделированию может изменять моральные суждения несколькими способами. Через благоприятные определенные моральные стандарты модели увеличивают значимость морально релевантных параметров. Выражаемые ими взгляды предоставляют дополнительные оправдания для пересмотра различных факторов при принятии решений о неправомерности тех или иных действий. В тех областях нравственности, которые общество особенно поощряет, общественное мнение может существенно отличаться от личного мнения. Выражение моральных убеждений через звучание сходных мнений обеспечивает социальные санкции. Таким образом, дивергентное моделирование может в действительности изменять моральные убеждения через механизмы внимания, когнитивные и растормаживающие механизмы.

Как и в других областях функционирования, моделирующие влияния не обязательно приводят к изменениям в моральных суждениях. Недостаточный эффект может объясняться затрудненным пониманием или наличием определенных предпочтений. Моделируемые мнения не могут оказать существенного влияния, если люди их не понимают. Именно когнитивные навыки определяют пределы того, что может быть воспринято через краткое изложение взаимоисключающих мнений. Однако существует ощутимая разница между необходимыми условиями развития когнитивных функций и фиксированной последовательностью унитарных мыслей. Большой прогресс может быть достигнут в идентификации развивающихся детерминант сложных способностей, с помощью анализа

необходимых для развития первичных навыков, а не распределением людей по искусственно созданным типам.

Озвучивая мнения, модели передают окружающим свои идеи и предпочтения. Но само по себе моделирование не гарантирует, что заученные взгляды будут отчетливо сформулированы. Например, моделируемые суждения могут заучиваться, но открыто не выражаться, поскольку они могут быть неприемлемыми на социальном или персональном уровне. Та легкость, с которой стандарты суждений могут меняться то в одну сторону, то в другую, зависит от требующихся для этого концептуальных навыков и от тех последствий, которые могут произойти. Кроме того, стандарты суждений варьируются по сложности их освоения. Например, намного проще распознать очевидное нарушение, чем разобраться в предпосылках или намерениях действий. Утверждение, приписываемое теории научения, о том, что различные моральные суждения являются в равной степени модифицируемыми, лишено каких бы то ни было оснований. Очевидно, что одни суждения намного труднее изменить, чем другие.

Проблема взаимосвязи между моральными суждениями и моральным поведением привлекла к себе на удивление мало внимания. То, до какой степени моральные суждения направляют поведение, существенно зависит от социальных условий и обстоятельств. Обычно люди предостерегаются предусмотрительным внутренним цензором от такого поведения, которое нарушает их моральные принципы. Когда трансгрессивное поведение не поддается достаточно легкому самооправданию, то действия, вероятно, все же будут согласовываться с моральными стандартами. Но оправдательные моральные суждения могут быть использованы для ослабления внутренних сдерживающих влияний. Так как найти моральное оправдание можно практически любому виду поведения, то одни и те же моральные принципы могут поддерживать различные действия и одни и те же действия могут защищаться на основе различных моральных принципов (Bandura, 1973; Kurtines & Greif, 1974). Люди могут вести себя предосудительным образом ради встречных обязательств, ради получения социального одобрения, из чувства долга или из принципа. Уровень морального развития может определять типы используемых оправданий, которые требуются для того, чтобы побудить человека совершить проступок, но он не обеспечивает конкретного типа поведения. Различные условия, приводящие к оправдательным моральным рассуждениям, будут в дальнейшем рассмотрены более подробно.

Креативное моделирование

Вопреки общепринятому мнению, новые формы поведения могут сформироваться через процесс моделирования. Под воздействием нескольких моделей наблюдатели редко копируют поведение единственного источника; не усваивают они и все подряд атрибуты даже самых предпочитаемых моделей. Вместо этого наблюдатели комбинируют характеристики различных моделей и объединяют их в новые сплавы, которые существенно отличаются от каждого из индивидуальных источников (Bandura, Ross & Ross, 1963). К тому же, различные наблюдатели усваивают различные комбинации характеристик.

В случае социального поведения, в составе одной и той же семьи у детей могут развиваться совершенно несходные личностные характеристики — на основе различных атрибутов родителей, а также братьев и сестер. Последовательное моделирование, при котором наблюдатели позднее сами выступают в роли источников поведения для новых членов, со временем, скорее всего, вырабатывает постепенную имитативную эволюцию новых форм, мало напоминающих то поведение, которое демонстрировалось исходными моделями. Именно разнообразие моделирования порождает новые формы поведения.

Моделирование, возможно, вносит наибольший вклад в творческое развитие при внедрении новых стилей. Однажды начавшись, эксперименты с новыми формами приводят к дальнейшим эволюционным изменениям. Частичный отход от традиций, таким образом, со временем сам становится новым направлением. Последовательность творческого роста в

различные периоды времени является примечательным примером такого процесса. В своих ранних работах Бетховен следовал классическим формам Гайдна и Моцарта, хотя и с большей эмоциональной экспрессией, которая предвещала направление развития его мастерства. Вагнер осуществил сплав симфонической музыки Бетховена с естественным очарованием Вебера и драматической виртуозностью Мейербера, тем самым выработав новые оперные формы. Новаторы в других областях науки и искусства точно так же сначала основываются на опыте своих предшественников, а затем строят на их достижениях нечто новое.

До сих пор наше обсуждение анализировало творчество как результат инновационного синтеза различных источников влияния. Однако существующая практика, хотя и предоставляет некоторые ингредиенты нововведений, тем не менее тормозит развитие нового. До тех пор, пока хорошо известный заведенный порядок отвечает требованиям, нет и достаточно сильных побуждений для поиска альтернатив. Необычное не только является неисследованным, более того, при попытках внедрения оно наталкивается на негативное отношение. Моделирующие влияния могут ослабить склонность к повторению обычного путем демонстрации примеров нового в обычных ситуациях. Люди, которые подверглись воздействию разнонаправленных моделей мышления, на практике оказываются более склонными к новаторству, чем те люди, которые видели перед собой только примеры стереотипных моделей (Hariss & Evans, 1973). Несмотря на то, что творческое моделирование в общем усиливает творческое мышление у людей, которые его наблюдают, его влияние все-таки ограничено некоторыми пределами. Когда модели отличаются необычной продуктивностью, а наблюдатели обладают лишь ограниченными навыками, то их творческие порывы могут быть самообесценены неблагоприятными сравнениями. Плодотворное творческое моделирование может обескуражить менее талантливых наблюдателей.

Прочие эффекты моделирования

Модели не только учат новым способам мышления и поведения, на самом деле они совершают нечто неизмеримо большее. Моделирующие влияния могут усилить или ослабить торможение в том поведении, которое наблюдатель уже освоил ранее (Bandura, 1971b). Поведенческие запреты наиболее сильно проявляются при наблюдаемых последствиях, переживаемых моделями. Наблюдение за моделью, которая претерпевает наказание, тормозит у других проявления аналогичного поведения. И наоборот, если наблюдатели видят, что участие в опасных или запрещенных видах деятельности не влечет за собой никаких вредных последствий, то торможение у наблюдателей снижается. Такие растормаживающие эффекты наиболее разительно проявляются при психотерапевтическом применении принципов моделирования (Bandura, 1976a; Rachman, 1972). Возможность наблюдать за моделями, которые осуществляют различные опасные действия без каких-либо негативных последствий, снижает чувство страха, подавляет защитное поведение и создает благоприятные предпосылки для изменений в установках.

Действия других людей могут также служить социальным сигналом или подсказкой для выявления уже усвоенного, но еще не демонстрированного поведения. Ответная фасилитация(?) (упрощение) отличается от научения через наблюдение тем, что при этом не происходит усвоение нового; а от снятия запретов оно отличается тем, что поведение в таком случае является социально допустимым и, следовательно, не скованным какими-либо ограничениями. В процессе ответной фасилитации моделируемые действия функционируют просто как социальные подсказки. Замедляющие и растормаживающие эффекты моделирования позднее будут проанализированы в контексте косвенного подкрепления, а социальная фасилитация будет рассмотрена при обсуждении ситуационных предпосылок поведения.

Моделирующие влияния могут иметь дополнительные эффекты — правда, нередко они

оказываются менее важными. Поведение моделей привлекает внимание к определенным объектам, выбранным из целого набора возможных альтернатив. Как результат, наблюдатели могут впоследствии применять такие же предметы довольно долго, хотя и необязательно точно таким же способом. Например, в одном исследовании дети наблюдали, как модель колотит куклу деревянным молотком, а затем не только имитировали именно это конкретное действие, но применяли молоток для самых различных дел гораздо чаще, чем те дети, которые вообще не видели, как другие используют этот инструмент. Наконец, наблюдение аффективной экспрессии вызывает эмоциональное возбуждение, которое способствует повышению отзывчивости. Свидетельства общего характера подтверждают то, что моделирующие влияния могут инструктировать, замедлять, растормаживать, упрощать, стимулировать и эмоционально возбуждать.

Распространение инноваций

Наше обсуждение до сих пор в основном касалось научения через наблюдение на уровне индивидуума. Моделирование также играет первостепенную роль как в распространении новых идей и видов социальной практики в обществе, так и в переносе их от одного сообщества к другому. Успешное распространение нововведений следует некоторому общему образцу: новое поведение внедряется на выдающихся примерах, затем адаптируется со все более возрастающей скоростью, а затем либо стабилизируется, либо приходит в упадок, в зависимости от своей функциональной ценности. Общая модель распространения является аналогичной, но способ передачи, скорость и уровень усвоения, а также срок жизни различных нововведений варьируются для различных форм поведения.

Теория социального научения разграничивает два процесса в социальном распространении нововведений. Это усвоение нового поведения и его применение на практике. Что касается усвоения поведения, то моделирование служит основным средством переноса новых форм поведения. Рассмотренные ранее факторы, определяющие научение через наблюдение, в равной степени применимы и к быстрому распространению нововведений.

Символическое моделирование обычно функционирует как главный проводник нововведений в самых разнообразных областях. Это в особенности справедливо на ранних стадиях распространения. Газеты, журналы, радио и телевидение информируют людей о новых видах практики и связанных с ними возможных преимуществах и опасностях. Естественно, первыми последователями нового становятся те, кто был в наибольшей степени подвержен воздействию источников информации, посвященных данным инновациям (Robertson, 1971). После того как новшества были внедрены на символическом уровне, они начинают распространяться среди членов групп через личные контакты с местными адептами этих новшеств (Rogers & Shoemaker, 1971). Когда влияние оказывается через непосредственное моделирование, адаптивное поведение чаще всего распространяется по каналам уже существующей межличностной коммуникации. Однако, если поведение обращает на себя внимание, то его можно изучить на основании публичной демонстрации людьми, которые даже незнакомы друг с другом.

Моделирующие эффекты влияют на внедрение инноваций различными способами. Они инструктируют людей о новых формах поведения через социальную, образную или вербальную демонстрацию. Сначала наблюдатели неохотно пускаются в новые предприятия, которые могут быть связаны с риском, до тех пор, пока не получают возможности лично убедиться, что те, кто уже реализовал на практике такое новое поведение, обрели определенные преимущества. Преимущества, получаемые от моделирования, ускоряют распространение инноваций путем ослабления ограничений среди наиболее осторожных потенциальных адептов. По мере своего распространения новое обретает все более широкую социальную поддержку. Модели не только подают пример и легализуют нововведения, они также служат проповедниками и защитниками нового, поощряя других людей принять его.

Усвоение нововведений является необходимым, но не достаточным условием внедрения их на практике. Теория социального научения распознает несколько факторов, которые определяют, будут ли люди делать то, чему они научились. Одним из видов активаторов нового являются стимулирующие побуждения. Например, в потребительской области рекламные призывы широко используются для того, чтобы стимулировать потребителей приобретать новые товары. Различные источники средств массовой информации время от времени сообщают о новых технологиях, новых идеологиях и новых видах социальной практики. Чем сильнее воздействие стимулирующих побуждений, тем выше вероятность того, что усвоенные новшества будут испробованы на практике.

Адаптивное поведение в значительной степени восприимчиво к влиянию подкрепления. Люди поддерживают те новшества, которые дают им ощутимые преимущества. Однако поскольку пользу невозможно ощутить до тех пор, пока новшества не испробованы на практике, то продвижение инноваций существенно зависит от антиципации будущего и косвенного подкрепления. Сторонники новых технологий и идеологий ожидают, что они могут предложить лучшие решения при использовании новшеств, чем при традиционных методах. Они полагаются на силу косвенного подкрепления для увеличения вероятности того, что наблюдатели будут реагировать рекомендованным образом. При позитивных призывах усвоенное поведение изображается как результат многочисленных вознагражденных усилий. Коммерческая реклама внушает, что потребление определенных напитков или применение определенного шампуня для волос поможет человеку завоевать восхищение привлекательных для него людей, улучшить качество работы, создать себе позитивный имидж, утвердить свою индивидуальность и уникальность, успокоить расстроенные нервы и вызвать возбуждение у партнера. Негативные призывы изображают вредные последствия игнорирования рекомендованной практики. Косвенное наказание тем не менее является не столь надежным средством распространения адаптивного поведения. Демонстрация неудачных результатов обычно вызывает неприятное чувство, которое может ненамеренно ассоциироваться с известными вопросами или случаями, и в итоге может привести к уклонению от самой коммуникации (Leventhal, 1970).

Многие нововведения являются средством привлечения внимания и обретения статуса. Люди, которые борются за то, чтобы отличаться от всех остальных, как правило, быстро усваивают новые фасоны в одежде, прическе, а также новые виды отдыха и поведения. Таким образом они достигают отличительного статуса. Однако по мере того, как популярность нового вида поведения растет, оно постепенно теряет свою ценность как средство обеспечения статуса — до тех пор, пока, в конце концов, не становится общепринятым. Таким образом широко распространенная имитация подстегивает изобретательность, чтобы обеспечить дифференциацию статуса.

Провести различие между причудой и модой можно в терминах подкрепления, которое поддерживает усваиваемое поведение. Когда инновации служат для того, чтобы в первую очередь обрести социальное признание и положение, что типично для причуд, то наблюдается сначала быстрый рост популярности, а затем резкий спад, связанный с тем, что новшество теряет свою привлекательность в результате широкого употребления. Мода же переживает более длительный период, поскольку дает более ощутимую пользу. Так, автомобиль является примером того, как новшество со временем стало необходимым элементом жизни. Те новшества, которые обладают внутренней функциональной ценностью, выживают и становятся частью общепринятой практики, до тех пор, пока им на смену не приходит нечто лучшее.

Усваиваемое поведение также частично управляется самовырабатываемыми последствиями, которые вытекают из поведения самого индивидуума. Люди с готовностью принимают то, что кажется им достойным похвалы, но в то же время сопротивляются тем новшествам, которые нарушают их социальные и нравственные убеждения. Однако самоподкрепляющие реакции не изолированы от социальных влияний. Часто люди бывают вынуждены вести себя таким образом, который лично для них кажется неприемлемым, за

счет стратегий распространения, обходящих негативные санкции самой личности. Например, в области маркетинга новые товары часто представляются так, чтобы они выглядели сравнимыми с основными ценностями. Бытовые приборы с высоким потреблением энергии рекламируются как энергосберегающие; конформизм потребителя преподносится под маркой индивидуализма. Аналогичные процессы имеют место при распространении нового поведения, сомнительного с моральной точки зрения. Те люди, которые обычно проявляют благоразумие, могут с готовностью продемонстрировать предосудительное поведение после того, как оно получит новое, допустимое с терминологической точки зрения, определение.

Инновации распространяются с различной скоростью и разными способами, поскольку для их восприятия требуются различные условия. Это является дополнительным фактором, контролирующим процесс распространения. Люди не усвоят новое, если для этого им не хватает денег, умения или каких-то других необходимых составляющих. Некоторые новшества в большей степени подвержены социальным запретам, и это усиливает противостояние их освоению.

Среди различных видов инновационного поведения ничто не подверглось такому тщательному исследованию, как поведение в области потребления. Благодаря критической роли, которую играют первые участники процесса распространения, большинство исследований посвящены выяснению вопроса о том, обладают ли какими-то особыми, выдающимися качествами те люди, которые первыми готовы испробовать новое. Если действительно существуют определенные типы личностей, которые первыми усваивают новые идеи и продукты, то можно управлять инициализацией процесса распространения, если адресовать рекламные обращения именно к этим категориям людей. А уж они в свою очередь будут силой примера оказывать влияние на остальных.

В более изощренных исследованиях скорость усвоения представляется в виде временной зависимости, а кривая распространения разбивается на сегменты новаторов, первых последователей, последующих адептов и общей массы отстающих. Затем исследователи приступают к изучению вопроса о том, отличаются ли каким-либо образом друг от друга люди на последовательных стадиях процесса усвоения. Разделить кривую распространения на сегменты очень просто — гораздо труднее объяснить природу их возникновения. В общем случае предполагается, что различия между первыми и более поздними последователями произрастают на почве либо личностных характеристик, либо социальных или экономических обстоятельств. Скорее всего, более поздние последователи и арьергарды, прежде чем самим подвергнуть себя воздействию новых товаров или новой моды, дожидаются, когда и каким образом проявятся преимущества, связанные с инновациями, у тех, кто первым воспринял новое. Фактически же некоторые отклонения во времени усвоения частично объясняются различиями во времени первого контакта людей с новыми продуктами или новой модой. Временной анализ процесса распространения может, таким образом, привести к обманчивым результатам, если индивидуумы не уравниваются во временных и количественных условиях первого контакта.

Как мы уже видели, основными детерминантами усваиваемого поведения являются тесно связанные с ним влияния: стимулирующие побуждения, ожидаемое удовлетворение, наблюдаемые преимущества, функциональная ценность, воспринимаемый риск, самооценочные производные, а также различные социальные барьеры и экономические ограничения. Влиятельные ингредиенты для различных товаров являются различными. Те товары, которые являются общественно заметными, — такие, например, как одежда, — находятся под более пристальным социальным контролем, нежели товары, предназначенные исключительно для внутреннего потребления. В случае с очень дорогостоящими вещами экономические факторы могут перевесить факторы социальные. По этой причине детерминанты усвоения невозможно распространить на все товары, если только они не относятся к одному и тому же классу. Нет оснований полагать, что человек, легко принимающий последние новинки парижской моды, с такой же легкостью будет поддаваться на новшества в области средств для мытья посуды. Таким образом, усваиваемое поведение

подвергается гораздо более достоверному анализу в терминах регулирующих условий, нежели в терминах человеческих типов. Специфические свойства инновации, вне всякого сомнения, связаны с самими товарами. Это в равной степени относится к распространению новых идей, а также к инновации и диффузии общественного мнения в различных местах проживания (Gray, 1973).

Суммируя все вышеуказанное, можно сказать, что моделирование служит основным способом переноса новых форм поведения, но те, кто располагает доступом к средствам воздействия, могут лишь частично контролировать процесс распространения. Далеко не все, что моделируется, становится популярным. Диспозиционные характеристики располагают лишь ограниченным значением для того, чтобы прогнозировать, кто из всего многообразия потенциальных последователей окажется наиболее восприимчивым. Социальные и экономические факторы, которые частично регулируют усваиваемое поведение, устанавливают границы для силы убеждения. И тем не менее маркетологи путем воздействия на те детерминанты, которые они могут контролировать, весьма успешно помогают формировать общественные вкусы и стиль жизни.

Многие из ранее приведенных примеров наглядно демонстрируют, что распространение поведения является не только допустимым с социальной точки зрения, но и всячески подталкивается коммерчески. Процесс усвоения, как показано результатами опросов, аналогичен тем видам деятельности, которые считаются социально неприемлемыми. Распространение новых форм коллективного протеста и агрессии, например, происходит в полном соответствии с общей моделью процесса распространения (Vandura, 1973). Однако при распространении антисоциальных форм поведения, как правило, имеет место более значительное отставание по времени, чем при распространении социально допустимых форм.

Дифференцированные последствия и социальные побуждения, ассоциирующиеся с разнообразными формами поведения, скорее всего, зависят от временных колебаний между появлением первых примеров и последующим усвоением. Как мы уже убедились, раннее усвоение социально допустимых новых форм поведения обычно обеспечивает пользователю определенный социальный статус. Напротив, поведение, которое запрещено законом или обычаем, влечет за собой риск наказания. Следовательно, оно требует кумулятивного воздействия выдающихся примеров для снижения ограничений до такой степени, чтобы инициировать рост моделируемого поведения. Но даже при наличии ослабленных ограничений антисоциальное поведение требует совместного существования сильных авersive побуждений или ожидаемых преимуществ, прежде чем новое поведение получит признание.

Анализ распространения до сих пор в основном касался распространения поведения в обществе. Революционные изменения в коммуникационных технологиях, которые до гигантских пределов расширили области влияния, преобразовали и процесс социального распространения. Посредством спутникового телевидения системы, идеи, ценности и типы поведения в настоящее время моделируются по всему миру. Ожидается, что в ближайшие годы в процессе межкультурного обмена роль электронных средств массовой информации будет всевозрастающей.

Глава третья. Предшествующие детерминанты

События внешней среды, как правило, происходят в определенной регулярной последовательности или парно сопряжены. Такие единообразия порождают ожидания по поводу взаимосвязи событий. Зная причины тех или иных явлений можно с той или иной степенью вероятности предсказывать, чего следует ожидать при данных обстоятельствах.

Если люди стремятся действовать эффективно, то они должны прогнозировать вероятные последствия различных событий или действий, и в соответствии с этим регулировать свое поведение. В противном случае люди были бы вынуждены действовать вслепую и такими способами, которые могли бы оказаться бесплодными или даже опасными. Информация о возможных последствиях тех или иных действий или событий уже некоторым образом содержится в самих стимулах внешней среды. Каждый человек уже знает, чего можно ждать от тех или иных обстоятельств, мест, людей и вещей, а также социальных сигналов, содержащихся в языке, жестике или действиях других людей.

В раннем детстве стимулы внешней среды не оказывают на человека существенного влияния, за исключением тех, которые связаны с врожденным отвращением или удовольствием. И только в ходе процесса научения и обретения жизненного опыта разнообразные стимулы приобретают способность активизировать и определенным образом направлять поведение. Внешние сигналы способны служить показателем наступления определенных событий или индикатором того, к каким результатам приведут те или иные действия. По мере накопления жизненного опыта события, ранее казавшиеся нейтральными, теперь обретают некоторую предсказательную силу. Когда люди начинают различать взаимосвязь между ситуациями, действиями и результатами, они могут регулировать свое поведение на основе таких предсказывающих события предпосылок. Они опасаются и избегают тех вещей, с которыми связан неприятный опыт, и стремятся к тому, что вызывает у них приятные ассоциации. Они подавляют такое поведение, которое при определенных обстоятельствах может привести к неприятным ответным последствиям, но с готовностью реагируют в тех случаях, когда предвидят вознаграждаемые результаты.

Люди не просто реагируют на стимулы они интерпретируют их. Стимулы влияют на вероятность того или иного поведения благодаря своей предсказательной функции, а не потому, что они автоматически привязаны к определенным реакциям. С точки зрения концепции социального научения, определенный опыт порождает, скорее, некоторые ожидания, нежели прямую связь между стимулом и реакцией. События внешней среды могут либо предсказывать другие внешние события, либо служат как предсказывающие определенную связь между действиями и их последствиями. Разнообразные формы обусловленного научения более подробно будут рассмотрены в дальнейшем.

Предшествующие детерминанты физиологической и эмоциональной реактивности

Физиологические реакции осуществляются чаще всего под воздействием стимулов внешней среды, когда события недалеко отстоят друг от друга во времени и отчетливо взаимосвязаны. Если нейтральный в прошлом стимул прочно ассоциируется с другим, способным вызвать определенную физиологическую реакцию, то со временем и сам по себе нейтральный стимул обретает способность вызывать либо данную физиологическую реакцию, либо отдельные ее элементы. Через некоторые типы физиологических реакций, которые являются более приспособленными к предвосхищаемому научению, чем другие, почти каждая форма соматической реакции может быть подчинена контролю внешних стимулов при непредвиденном (случайном) опыте. Так, внешние события могут оказывать воздействие на частоту пульса, дыхание, потовыделение, мышечное напряжение, желудочную и кишечную секрецию, сосудистые реакции и уровень мозговой активности.

В результате серии экспериментов, проведенных Рескорлой (1972), было установлено, что именно степень корреляции между событиями, а не их парность, оказывается наиболее важной для развития предшествующих детерминант. Как правило, все, что понижает предсказывающую силу внешних событий, путем понижения их корреляцией с результатами, уменьшает активизирующий потенциал предпосылок. Мышление, однако, затрудняет процесс ожидаемого научения. Люди могут развить антиципирующие реакции на сигнальные стимулы на основе лишь определенного словесного сообщения, при отсутствии собственного

опыта вероятных последствий того, что данный стимул предсказывает определенные внешние последствия (Grings, 1973) — все зависит от того, на фоне какого рода размышлений разворачивается. Даже когда научение происходит в результате непосредственного взаимодействия с окружающей средой, людям далеко не всегда удается извлечь правильные выводы из собственного опыта. Более того, тщательное рассмотрение событий может привести к совершенно разным антиципирующим реакциям — все зависит от того, на фоне какого рода размышлений разворачивается данный процесс. Впоследствии мы еще вернемся к этому обстоятельству.

Эти процессы ожидаемого научения имеют ряд важных следствий для понимания поведения, содержащего элемент физиологического возбуждения — такого, например, как физиологические дисфункции или защитное поведение. В психосоматической сфере Деккеру, Пельцеру и Гроену (1957) удалось показать, что прежде физиологически нейтральные стимулы способны вызвать астматические приступы, если устанавливается ассоциативная связь между ними и аллергенами, действительно дающими физиологически дисфункциональную реакцию. Тщательное изучение пациентов, страдающих частыми астматическими приступами, показало, что толчком к приступу способны послужить самые разнообразные события внешнего мира: это могут быть и политические речи, и детское хоровое пение, и исполнение национального гимна, а также лифты, аквариумные рыбки, птицы в клетках, парфюмерия, водопады, велосипедные гонки, полицейские фургоны, лошади и т. д. Интересно, что, определив в каждом случае тот или иной конкретный стимул, вызывающий астматический приступ, Деккер, Пельцер и Гроен (1956) могли искусственно его стимулировать, просто предъявляя этот раздражитель пациенту или даже всего лишь его графическое изображение.

Тревога и защитное поведение

Поведение людей в значительной степени активизируется событиями, которые приобретают значение угрозы в результате ассоциации с болезненными переживаниями. Основной функцией большей части защитных механизмов поведения является обеспечение защиты от потенциальной угрозы.

До недавнего времени защитное поведение объяснялось в терминах теории двойственных процессов. В соответствии с этими взглядами ассоциативная связь между нейтральным и аверсивным стимулом порождает тревогу, которая мотивирует защитное поведение; защитное поведение, в свою очередь, подкрепляется редукцией тревоги за счет обусловливания аверсивного стимула. Для того, чтобы подавить защитное поведение, необходимо устранить лежащие в его основе тревожные импульсы. Именно на это должны быть направлены соответствующие терапевтические действия.

Эта теория, получившая довольно широкое распространение, тем не менее была признана несостоятельной (Bolles, 1972; Herrnstein, 1969; Rescorla & Solomon, 1967). Автономное возбуждение, которое, считалось, лежит в основе всего данного процесса, в действительности не является необходимым условием для запуска процесса защитного научения. В самом деле, исходное представление о том, что защитное поведение находится под автономным контролем, опровергается рядом свидетельств. Прежде всего, поскольку для активизации автономных реакций требуется значительно больше времени, чем для реакций бегства и избегания, то последние определенно не могут быть вызваны первыми. Исследования, в которых автономные реакции и реакции избегания измерялись поочередно, показали, что хотя, действительно, оба эти вида активности частично скоррелированы, но причинно-следственной связи между ними не наблюдается. Избегающее поведение, например, может сохраняться в течение длительного времени после того, как подавляются автономные реакции на известную угрозу. Хирургическое вмешательство, целью которого было устранение автономной обратной связи у животных, не оказало существенного влияния на способность выработки реакций избегания. Вообще избегающее поведение меньше всего

зависит от автономной обратной связи. Лишение животных автономного функционирования после научения защитному поведению не приводит к увеличению скорости угасания таких реакций.

Исследование подвергло сомнению правильность определения источников подкрепления и источников активизации защитного поведения. Согласно теории двойственных процессов редукция тревоги случается при избегании угрожающих стимулов, подкрепляя таким образом защитное поведение. Однако данные, служащие доказательством, показывают, что защитное поведение так или иначе снимает угрожающие стимулы, которые оказывают различные воздействия на поддержание поведения. Более того, защитное поведение может проявиться и успешно сохраняться на основании тех обстоятельств, что оно способствует понижению частоты появления аверсивной стимуляции даже в отсутствие угрожающих стимулов, порождающих тревожность и обеспечивающих источник негативного подкрепления.

По всей видимости тревога и защитное поведение связаны не причинной связью, а являются сопряженными событиями. Аверсивные переживания — как собственные, так и опосредованные, — порождают ожидание неприятностей, которое в свою очередь может активизировать как страх, так и защитное поведение. Поскольку эти события являются сопряженными, то не существует строго фиксированного соответствия между автономным возбуждением и действием. До тех пор пока не будут выработаны эффективные способы ответного поведения, любая угроза может вызвать сильное эмоциональное возбуждение и разнообразные защитные маневры. Но, после того как люди адаптируются к данной ситуации, потенциальная угроза уже более не вызывает у них страха. Однако, если привычное поведение по тем или иным причинам не приносит успеха, у человека вновь возникает повышенное возбуждение — и оно будет сохраняться до тех пор, пока не будет найден новый адекватный вариант защитного поведения, которое умиротворит его уязвимость.

Уже известная из прежнего опыта угроза активизирует защитное поведение не столько из-за своих аверсивных свойств, сколько потому, что обладает некоторой предсказательной силой. Ее появление сигнализирует о возможности болезненного исхода, если не будут предприняты адекватные меры защиты. Защитное поведение в свою очередь получает подкрепление в том случае, если таким образом удастся предупредить или сократить вероятность наступления неприятных событий. Будучи однажды сформировано, защитное поведение забывается с трудом — даже тогда, когда реальной угрозы больше не существует. Это происходит потому, что стойкое избегание подобных ситуаций не дает организму возможности убедиться, что обстоятельства изменились и реальной опасности больше не существует. В итоге создается впечатление, что именно данное защитное поведение поспособствовало предупреждению потенциальной угрозы. Подобный процесс субъективного подтверждения удачно подмечен в апокрифическом рассказе о некоем больном, страдающем манией навязчивых действий. Когда врач спросил больного, почему тот непрерывно пощелкивает пальцами, тот ответил, что тем самым он отгоняет свирепых львов. Когда же ему объяснили, что в окрестностях львов нет и в помине и прогонять некого, он радостно воскликнул в ответ: «Вот видите! Помогло!»

Те ожидания, которые имеют очень мало общего с реальностью, должны корректироваться при поступлении точной информации. Но устрашающие ожидания не являются совершенно беспочвенными. Некоторые животные действительно кусаются, самолеты время от времени терпят крушения, инициатива в некоторых случаях оказывается наказуемой. Когда вредные последствия происходят нерегулярно и непредсказуемо, то не так-то просто избавиться от пугающих ожиданий. Если люди, которые во всем сомневаются и всех подозревают, не слишком доверяют тому, что им говорят, они продолжают вести себя в соответствии со своими ожиданиями, и следует отметить, что этим людям не грозят страдания от излишней доверчивости и переживания даже из-за маловероятных болезненных последствий. Таким людям для того, чтобы избавиться от страшных ожиданий, требуется мощный опровергающий личный опыт, который невозможно заменить вербальными уверениями.

Процедуры, проистекающие из принципов социального научения, доказали свою высокую эффективность в деле быстрой реальной проверки (Bandura, 1976a).

Спусковой крючок агрессии

Другим ярким примером обсуждаемого здесь процесса научения является формирование спускового крючка агрессии (Bandura, 1973). Результаты экспериментов над животными показали, что после некоторого количества парных опытов, когда нейтральное событие выступало в роли предвестника нападения, это предвещающее событие уже само по себе порождало схватку. Исследование Тоша (1969), объектами которого были хронически агрессивные личности, документально подтвердило аналогичный процесс формирования спусковых крючков агрессии и у людей. К примеру, известен такой случай, когда человек в юности пережил унижительные побои со стороны более сильного противника и этот болезненный опыт сказался на выборе его будущих жертв: он впадал в ярость при малейшей провокации со стороны крупного человека. Эта характерная человеческая особенность приобрела над его агрессивным поведением такую власть, что очень часто подавляло в нем чувство опасности, связанное с нападением на сильного противника. В более формальных исследованиях было установлено, что спусковые крючки агрессии срабатывают особенно быстро, когда вступают в дело одновременно с другими агрессивными побуждениями — к примеру, с гневным возбуждением, агрессивным моделированием или растормаживающим оправданием агрессивного поведения (Berkowitz, 1973).

Ниже будут кратко рассмотрены исследования, посвященные тому, как предшествующие детерминанты формируются через парные переживания того, что данный стимул предсказывает ответные последствия. Влиятельная роль предшествующих событий в управлении агрессивным поведением наиболее ярко проявляется в экспериментах, в которых создаются необходимые условия для научения. Когда агрессия в одних случаях вознаграждается, а в других — нет, то уровень агрессивной реактивности можно изменять просто путем смены контекста событий, которые сигнализируют о возможных последствиях.

Символически ожидаемое научение

Принципы научения имели бы ограниченную ценность, если бы предшествующие детерминанты могли формироваться только на основе личного опыта. Однако хорошо известно, что индивидуумы эмоционально реагируют на окружающие предметы и других людей на основе стереотипов — личный контакт вовсе необязателен. Такие тенденции нередко развиваются через когнитивные процессы, когда позитивные и негативные символы основных переживаний служат основой для последующего научения.

Слова, вызывающие эмоциональное возбуждение, часто выступают в роли средств ожидаемого научения. Фразы, подхлестывающие чувства отвращения и ужаса, могут породить новые страхи и ненависть — и, напротив, слова, вызывающие положительные реакции, могут использоваться для придания позитивного смысла отдельным взаимосвязанным событиям. В лабораторных исследованиях этого процесса (Gale & Jakobson, 1970) оскорбительные замечания неизменно преподносились в нейтральном тоне. Довольно скоро сам этот тон начинал вызывать заметные эмоциональные реакции, измеряемые физиологически.

Яркие, обладающие возбуждающим потенциалом стимулы также могут способствовать аффективному научению. Гир (1968), например, установил наличие автономных реакций на прежде нейтральные звуки в тех случаях, когда эти звуки сочетались с показом пугающих фотографий. Но нигде роль процесса научения не проявляется столь впечатляюще, как в отмеченных межкультурных вариациях физических атрибутов и пристрастий, которые вызывают сексуальное возбуждение. Людей разных культур могут возбуждать противоположные вещи: округлость форм или худоба, вздернутые полусферические или

удлиненные свисающие груди, правильной формы или деформированные уши, носы или губы, полные или стройные бедра, светлая или темная кожа — то, что нравится одним, может оставлять совершенно безразличными членов другой социально культурной общности или показаться им даже отвратительным.

Смелый эксперимент Рахмана (1966), посвященный формированию фетишей, проливает свет на процесс символического научения в области сексуального возбуждения. После того как фотография женских ботинок регулярно ассоциировалась с сексуально возбуждающими женщинами, мужчины начинали демонстрировать сексуальное возбуждение (которое регистрировалось путем измерения размеров пениса) при виде одних только ботинок, а затем сексуальная реакция распространилась и на остальные виды обуви. (Стоит ли упоминать, что эта необычная сексуальная реакция была тщательно устранена по завершении исследования!) Этим данным вполне соответствуют клинические свидетельства Мак Гвайра, Карлайля и Янга (1965), говорящие о том, что девиантная сексуальность часто развивается через условные рефлексы мастурбации, при которых аберрантные сексуальные фантазии развивают сильную эротическую значимость путем повторяющейся ассоциации с приятным опытом мастурбации.

Косвенное ожидаемое научение

Эмоциональные реакции в равной степени усваиваются как на основе личного опыта, так и путем наблюдений. Многие трудно устранимые страхи порождаются не личным болезненным опытом, а наблюдением за тем, как другие со страхом реагируют на пугающие явления или травмируются ими. Точно так же оценки мест, людей или вещей часто проистекают из наблюдений за действиями и взаимоотношениями людей, служащих моделями поведения.

В косвенном ожидаемом научении события становятся вызывающими через ассоциацию с эмоциональным возбуждением в наблюдателях через аффективную экспрессию других. Демонстрации эмоций, передаваемых посредством голосовых сигналов модели или с помощью мимики и жестов, являются эмоционально возбуждающими для наблюдателей. Такие эмоциональные социальные сигналы, скорее, всего приобретают возбуждающее значение в результате коррелированных межличностных переживаний. Например, если человек пребывает в хорошем расположении духа, он относится к окружающим дружелюбно, и это производит приятное впечатление; напротив, если человек покинут, болен, расстроен или сердит, то и окружающие так или иначе страдают от этого. Результаты исследований Черча (1959) подтверждают мнение о том, что коррелированные переживания способствуют косвенному (опосредованному) возбуждению. Черч обнаружил, что выражение страдания от боли у животного порождает сильное эмоциональное возбуждение у других животных, которые вместе с ним испытывают боль; слабо воздействуют на тех же животных, которые также сами пережили подобный болезненный опыт, но вне связи со страданиями других представителей своего вида, а те животные, которые никогда не переживали ничего подобного, вообще не испытывают никакого возбуждения при виде страдающего сородича.

После того как у индивидуума развивается способность к опосредованному возбуждению, у него могут формироваться эмоциональные реакции на внешнее окружение путем простого наблюдения за эмоциональными переживаниями других. В лабораторных исследованиях этого процесса (Berger, 1962) наблюдатели слышат нейтральный звук и вскоре после этого видят, как другой человек демонстрирует болезненную реакцию (якобы от удара, но на самом деле притворную). Те наблюдатели, которые неоднократно видят эту последовательность событий, начинают эмоционально отзываться на сам звук, даже несмотря на то, что сами они никогда не переживали связанной с этим звуком боли. В повседневной жизни причинами расстройств становятся различные источники. Например, когда мы видели, как другие не справляются с работой или реагируют тревожно на субъективные угрозы, — все это способствует косвенному эмоциональному научению (Bandura, Blanchard, & Ritter, 1969;

Graig & Wemstein, 1965).

Защитное поведение, так же как и эмоциональное возбуждение, может порождаться косвенно промежуточной корреляцией событий. Крукс (1967) измерял, как долго обезьяны контактировали с различными игровыми объектами. Позднее обезьяны-наблюдатели слышали записанные на магнитофонную пленку горестные звуки именно в тот момент, когда обезьяна-модель брала в руки определенный предмет, а всякий раз, когда модель касалась контрольного предмета, та же самая запись прокручивалась в обратную сторону (что уже не воспринималось как звук горя). При последующих контрольных опытах обезьяны-наблюдатели могли свободно играть с различными контрольными предметами, при этом было замечено, что они тщательно избегали прикасаться именно к тому предмету, который, как им казалось, причинял страдание другому животному. Косвенное научение уклонению от опасности имеет важнейшее значение для выживания, особенно когда опасность является вполне реальной. Но поскольку механизмы научения действуют неизбирательно, могут распространяться многие ненужные страхи — и они действительно распространяются через неуместную озабоченность моделей.

Сходство переживаний у различных людей делает пророческими для одних последствия, с которыми сталкиваются другие, что является особенно влиятельным фактором в косвенном эмоциональном научении. Люди, которые часто переживали те или иные сходные события, в большей степени поддаются эмоциональному воздействию от несчастий, постигших других людей, но менее остро реагируют на неприятности тех, чей опыт с ними никак не связан. Этим, в частности, объясняется тот факт, что несчастья или удачи незнакомых людей вызывают более слабое опосредованное возбуждение, чем страдания и радости близких.

В формулировке понятия эмпатии предполагается, что косвенное возбуждение является результатом интуитивного переживания опыта и эмоциональных состояний другого человека. Согласно теории социального научения аффекты, демонстрируемые моделью, вызывают косвенное возбуждение через вмешательство процесса самовозбуждения, при котором наблюдаемые последствия представляются в воображении как якобы переживаемые самим наблюдателем в сходной ситуации. В связи с этим можно предположить, что индивидуум в большей степени возбуждается в результате перенесения на себя наблюдаемых последствий, чем в результате принятия точки зрения другого человека. В соответствии с этими взглядами Стотланд (1969) обнаружил, что наблюдатели реагировали более эмоционально на вид человека, переживающего воздействие болезненной стимуляции, когда они представляли себя на его месте, как бы они себя чувствовали, чем когда они просто пытались представить себе ощущения другого человека.

Воздействие эмоциональных переживаний других людей не обязательно приводит к косвенному научению. Наблюдатели умеют ослаблять эмоциональное воздействие страданий наблюдаемой модели с помощью собственных мыслей и внимания. Практика нейтрализации переживаний освещается в исследовании косвенного научения как функция наблюдаемого уровня эмоционального возбуждения (Bandura & Rosenthal, 1966). Наблюдатели, пережившие умеренное возбуждение, продемонстрировали наиболее быстрое и устойчивое усвоение автономных реакций, в то время как те, кто был слабо или чрезмерно возбужден, получали слабое косвенное научение. Болезненные реакции наблюдаемой модели нарушают спокойствие тех наблюдателей, которые уже переживали сильное возбуждение, что они переключают свое внимание со страдальца и, чтобы избежать неприятной социальной ситуации, находят прибежище в отвлекающих мыслях.

Когнитивные функции в ожидаемом научении

В теории поведения научение через парные переживания, называемое классическим обусловливанием, часто рассматривается как процесс, при котором условные стимулы непосредственно и автоматически связаны с реакциями, порождаемыми безусловными стимулами. Обусловливание — это просто описательный термин для научения, являющегося

результатом парной стимуляции, а не объяснение того, каким образом происходят изменения. Изначально обусловливание было принято сводить к автоматическому результату единовременно происходящих событий. Дальнейшее изучение засвидетельствовало, что обусловливание когнитивно опосредовано.

До тех пор пока люди не осознают взаимосвязь событий, они научаются плохо или вообще не научаются через повторение парных переживаний (Dawson & Furedy, 1976; Grings, 1973). Именно это осознание является детерминантой обусловливания чаще, чем наоборот, как и показано в эксперименте, проведенном Чаттерджи и Эриксоном (1962). У тех участников эксперимента, которые были проинформированы о том, что за определенным словом в цепочке ассоциаций последует удар, быстро выработалась антиципирующая реакция в виде учащенного пульса. Напротив, те, кого убедили в том, что удар никак не связан с вербализацией, не проявили автономных условных рефлексов, несмотря на то, что сами они испытывали воздействие точно такой же парной стимуляции, как и их информированные коллеги.

Наиболее впечатляющим доказательством когнитивного контроля за антиципирующими реакциями является исследование, посвященное угасанию эмоциональных реакций как функции вынужденной информированности. Аффективные реакции тех людей, которые были проинформированы о том, что раздражитель-предвестник больше не будет сопровождаться болезненными ощущениями, сравнивались с реакциями тех людей, которым не сказали, что угрозы более не существует. В итоге оказалось, что у информированных участников возбуждение, вызванное страхом, и поведение, направленное на избегание удара, устранялись очень быстро, тогда как у неинформированных участников чувство страха исчезало постепенно (Bandura, 1969; Grings, 1973).

Функции самовозбуждение

Сила реакций, вызванных эмоциональным возбуждением, вне всякого сомнения, ограничена внешними физическими стимулами. Аффективные реакции могут стимулироваться когнитивно. Люди легко могут вызвать у себя приступ тошноты, если будут представлять себе нечто отвратительное. Они могут прийти в состояние сексуального возбуждения с помощью эротических фантазий. Они могут напугать себя мыслями, порождающими страх. Ну и наконец, они могут буквально ввергнуть себя в гнев, если будут пережевывать мысли о плохом обращении с ними злонамеренных провокаторов. В самом деле, Барбер и Хан (1964) обнаружили, что воображаемая болезненная стимуляция создает субъективный дискомфорт и порождает физиологические реакции, сходные с теми, которые вызываются действительной болезненной стимуляцией. Несравненный Сатчел Пэйдж, выдающаяся бейсбольная карьера которого предоставляла ему множество возможностей для самовозбуждения, живо описал силу воздействия мыслей на сердечно-сосудистую систему, советуя: «Если ваш желудок бунтует, надо спокойно лечь и успокоить его холодными мыслями».

При анализе социального научения так называемые обусловленные реакции рассматриваются в значительной степени как самоактивизирующиеся на основании усвоенных ожиданий, чем вызываемые автоматически. Таким образом, критическим фактором оказывается не одновременность событий, а то, что люди учатся предвидеть их по прогнозирующим стимулам и вызывают усвоенные антиципирующие реакции. Многочисленные свидетельства — некоторые из них уже подвергались пересмотру — придают правомерность интерпретации обусловливания как процесса самовозбуждения.

У тех индивидуумов, которые знают о том, что определенные события предвещают страдания, такие события активизируют мысли, порождающие страх — что в свою очередь, порождает эмоциональные реакции. Если же, в силу тех или иных причин, человек не смог распознать, что antecedentные стимулы предвещают боль, то у него не возникают и возбуждающие мысли. В результате такой стимул-предвестник редко вызывает

эмоциональные реакции, даже если он систематически сочетается с неприятными переживаниями. Когда обусловленная осведомленность и обусловливание измеряются одновременно, стимул-предвестник не вызывает антиципирующих реакций до тех пор, пока не достигается определенная точка информированности (Danson & Furedy, 1976). Внезапное исчезновение обусловленных эмоциональных реакций, которое следует за знанием того, что угроза больше не существует, также объясняется в терминах процессов самовозбуждения. Когда индивидуумы обладают подобным знанием, antecedentes стимулы больше не активизируют поток пугающих мыслей, устраняя таким образом когнитивный источник эмоциональных реакций.

Из теории самовозбуждения следует, что эмоциональные реакции могут развиваться в направлении событий, которые прежде были нейтральными, на чисто когнитивной основе и в отсутствие физически болезненных переживаний. Грингс и др. (Bridger & Mandel, 1964; Grings, 1973) сообщают о своих открытиях, связанных с этой темой. В этих экспериментах испытуемым сообщали, что за определенным стимулом иногда будет следовать шоковое потрясение; однако, за исключением контрольного испытания, этого так и не произошло.

В ходе экспериментов прежде нейтральные стимулы становились возбуждающими через ассоциацию с мыслями, вызванными эмоциональными реакциями.

Роль обусловленного распознавания в антиципирующем научении изучалась довольно широко, но при этом компоненту самовозбуждения было уделено сравнительно мало внимания. Несмотря на то, что очень трудно сформировать антиципирующие реакции на стимул-предвестник без обусловленной осведомленности, эта осведомленность сама по себе еще не гарантирует подобного научения (Dawson & Furedy, 1976). Люди могут быть осведомлены о событиях и в то же время не действовать в соответствии с этими знаниями. Типы познания, которые они вырабатывают, определяют силу и устойчивость антиципирующих реакций. Чем больше люди верят в то, что прежние условия продолжают действовать, чем более суровых последствий они ожидают, тем сильнее будут их антиципирующие реакции (Dawson, 1966).

Классическое обусловливание обычно изображается как форма научения, которое происходит посредством парной стимуляции, не зависящей от поведения субъекта. Это может быть вполне справедливо относительно возникающих в ходе научения моторных реакций. Но как бы то ни было, внутренний отклик — такой, как когнитивная деятельность — является важнейшей составляющей процесса научения. Следовательно, при прогнозировании уровня антиципирующих реакций следует принимать во внимание не только степень информированности человека об условиях окружающего мира, но также и факторы его самовозбуждения.

Степень подверженности ожидаемого поведения субъекта когнитивному контролю может меняться в зависимости от того, каким образом сформировалось это поведение: в результате символического научения или на собственном опыте. Бриджер и Мандель (1964) обнаружили, что научение страхом происходит одинаково — вне зависимости от того, ассоциируются нейтральные стимулы только с угрозой боли или с действительным болезненным переживанием. Реакциям страха, которые развились в результате действительных болезненных переживаний, тем не менее присуща меньшая тенденция к изменениям под воздействием когнитивных средств. Страх, порожаемый мыслями, быстро исчезает, когда приходят знания о том, что физической угрозы больше не существует. Напротив, реакции страха, порожденные собственным болезненным опытом, сохраняются в течение достаточно длительного времени, несмотря на информированность об отсутствии физической угрозы.

Эти открытия можно объяснить по-разному. Одно из возможных объяснений заключается в том, что эмоциональные реакции содержат двойственные компоненты — именно такую трактовку предположили Бриджер и Мандель. Один из компонентов — порожденный самовозбуждением — легко модифицируется при изменении мыслей индивидуума. Второй

компонент может оказаться непосредственно вызванным внешними стимулами — а следовательно, для его угасания требуется такой же непосредственный опровергающий опыт. Например, у людей, страдающих болезненным страхом перед змеями, моментально проявляется реакция страха при одном только виде змеи — еще до того, как они успевают задуматься о потенциальной опасности рептилий.

Альтернативная интерпретация заключается в том, что если люди когда-то пережили собственный болезненный опыт и если существует хотя бы самая отдаленная опасность снова испытать боль, то внешние стимулы превращаются в столь мощные спусковые крючки мыслей, порождающих страх, что они практически не поддаются волевому контролю. Можно рассказать людям, которые страдают акрофобией, что благодаря защитным перилам они могут без опасений посмотреть с крыши вниз, но они все равно будут не в состоянии отключиться от назойливых мыслей о воображаемых ужасных последствиях. В данном случае страх также является когнитивно опосредованным, но индивидуум при таких обстоятельствах не способен контролировать свои мысли, сколь безопасной ни была бы на самом деле ситуация.

Мощный когнитивный контроль за реакциями страха, демонстрируемыми в лабораторных условиях, контрастирует с живучестью защитного поведения. Различие, по-видимому, следует объяснять в терминах серьезности и предсказуемости авersive последствий. В экспериментальных ситуациях относительно слабые угрозы полностью устраняются самими экспериментаторами, которые контролируют возможные болезненные последствия. И наоборот, те явления повседневной жизни, которые обычно вызывают страх у людей, могут быть вполне безобидными, но могут оказаться и очень болезненными, несмотря на уверения в обратном. Иногда при непродуманных экспериментах страх, рожденный в лабораторных условиях, сохраняется и за стенами научного института. Следовательно, вероятность вреда — сколь бы малой она ни была — может отрицательно сказаться на потенциальном влиянии фактического знания на деятельность. По этой причине интенсивные страхи редко удается подавить исключительно за счет разубеждающей информации. Пугающие предчувствия следует подавлять посредством повторяющегося опровергающего личного опыта.

Теории непосредственного ожидаемого научения исходят из предположения, что ассоциируемые события должны регистрироваться в нервной системе организма. Примечательно, что в исследованиях, направленных на снижение информированности за счет привлечения внимания субъекта к посторонним событиям, снижающим осведомленность, стимулы-предвестники регистрируются не в той степени, чтобы обеспечить осуществление научения. Можно существенно ослабить на входе нервные чувствительные реакции, если сосредоточить внимание на конкурирующих событиях. Так, были проведены нейрофизиологические исследования (Hernander-Peon, Scherrer & Jouvet, 1956), в которых у кошек были виртуально подавлены слуховые нервные реакции на громкие звуки, когда они смотрели на мышью или внимательно обнюхивали рыбу, или их внимание отвлекалось каким-то иным способом. Хорн (1960) заметил аналогичное ослабление нервных реакций на вспышки света, если внимание активно обращено на другие зрелища и звуки.

Когда люди обращают внимание на внешние признаки или события, не относящиеся к делу, они не могут распознать стимулов-предвестников. Отсутствие ожидаемого научения в подобных обстоятельствах может быть ошибочно отнесено на счет недостаточности сознательного распознавания, тогда как фактически эти рефлексы отражают недостаточную сенсорную регистрацию стимулирующих событий. Для того чтобы доказать, что информированность необходима для научения, необходимо понимать, что, несмотря на адекватную нервную регистрацию парной стимуляции, ожидаемые реакции не заучиваются до тех пор, пока не распознается взаимосвязь между событиями.

В теориях развития часто проводится существенное различие между ассоциативными и когнитивными процессами со ссылкой на то, что дети раннего возраста обучаются путем ассоциаций, а более старшие дети — посредством когнитивной обработки поступающей информации. Как мы уже видели, когнитивные факторы оказывают существенное влияние на

научение, которое часто воспринимается как чисто ассоциативный процесс. При этом ассоциативные факторы — такие, например, как регулярность или случайность сочетаний стимулов — влияет на то, насколько легко улавливается корреляция между событиями, которые были выделены.

Из предыдущего обсуждения становится ясно, что ожидаемое научение является гораздо более сложным процессом, нежели принято полагать. Эмоциональные реакции под влиянием контроля могут вызываться сложной комбинацией внутренних и внешних стимулов — либо тесно связанных, либо временно отделенных от непосредственного физического опыта. Стимулы-предвестники могут приобрести возбуждающий потенциал или на опосредованной основе, или по ассоциации с возбуждением, порождаемым мыслительными процессами, что еще более усугубляет сложность процесса научения. Как только некоторый стимул становится возбуждающим, эта функция распространяется и на другие физически схожие классы стимулов, на семантически связанные сигналы и на совершенно несходные стимулы, которые могут ассоциироваться с прошлым опытом.

Врожденные механизмы научения

Признание существования некоторых различий между той степенью легкости, с которой усваиваются различные реакции и условия окружающего мира, уже превратилось в трюизм. Некоторые различия объясняются физиологическими ограничениями сенсомоторных и кортикальных структур, которыми организм обладает от рождения. Организм не может испытать воздействие сенсорной информации, если у него нет соответствующих рецепторов, равно как не может и освоить репертуар поведения, который превосходит его физические возможности. Более того, нервная система, которой оснащен организм, определяет, до какой степени можно довести центральную обработку информации и центральное управление поведением.

Селигман и Хагер (1972) высказали интересное замечание о том, что генетическое наследие также обеспечивает наличие некоего специализированного ассоциативного инструмента, который определяет, насколько организм является восприимчивым к воздействию опыта. В соответствии с этим принципом подготовленности, организмы биологически конструируются путем естественного отбора — таким образом, чтобы уметь ассоциировать определенные события с большей легкостью, чем остальные. Эти биологически подготовленные ассоциации заучиваются при минимальном объеме входящей информации, а неподготовленные ассоциации либо формируются активно, либо не формируются вообще. Легкость ассоциаций варьируется для различных биологических видов и, вероятно, существенно зависит от специфически происходящих событий.

Можно привести убедительные доказательства в поддержку специализированной биологической препрограммированности у представителей человекообразных видов (Hinde & Hinde-Stevenson, 1973; Seligman & Hager, 1972). Так, например, у многих животных болезнь быстро приводит к вкусовым отвращениям, а болезненные удары током не приводят к такому результату; болезненные удары приводят к формированию реакции избегания аудиовизуального стимула, при болезни этого не наблюдается. Произвольные реакции, конкурирующие с реакцией, являющейся наиболее естественной для данного биологического вида, формируются и модифицируются посредством подкрепления с большим трудом. Более того, многие животные продолжают упорно проявлять свою естественную реакцию, даже если она препятствует подкреплению. На основании этих открытий Селигман и Хагер отказались от понятия общих механизмов научения, которые служат различным целям, в пользу ассоциативных механизмов, специфических для определенных событий.

Доказательства того, что научение у низших видов осуществляется под жестким биологическим принуждением, вовсе не означает, что у людей научение также регулируется. Благодаря развитой человеческой способности символизировать опыт и ограниченному врожденному программированию, люди в состоянии освоить необычные виды поведения.

Они учатся играть в теннис, строить автомобили, летать на самолетах, создавать общественные системы и бюрократию, усваивать различные идеологии без привлечения каких-то специфических ассоциативных механизмов для каждого вида деятельности. Врожденная препрограммированность, которая позволяет животным реагировать стереотипным образом на текущие требования, ограничена средой обитания. С точки зрения эволюции, это было бы вредным для человека, который должен постоянно реагировать на сложные и быстро меняющиеся обстоятельства. При таких разнообразных и резко изменяющихся условиях жизни обобщаемые механизмы научения, которые существенно зависят от опытной организации поведения, имеют большее эволюционное значение, чем фиксированные врожденные механизмы — за исключением тех, которые регулируют рудиментарные биологические функции. Человечеству не нужно дожидаться, когда появятся люди, выжившие в термоядерной катастрофе, чтобы выработать поведение отказа от ядерного оружия.

Обобщая опыт более примитивных по филогенезу организмов и перенося его на людей, можно прийти к неверным выводам — особенно если условия, которые управляют данным типом поведения, различаются для различных биологических видов. Давайте рассмотрим, как вкусовые отвращения, легко формируемые у животных, ассоциируются с болезнью, а не с непосредственным шоком (Revusky & Garcia, 1970). Многочисленные применения к алкоголикам терапии методом отвращения показывают, что шок или даже формирование негативных образов являются столь же эффективными для формирования временного отказа от алкоголя, как и те методы, при которых запах, вид и вкус алкогольных напитков многократно ассоциируются с ощущением тошноты, вызванной опьянением. Но ни один из этих методов не дает долговременного эффекта.

Недавно сделанные открытия дают основание полагать, что даже у животных вариации легкости научения могут быть преждевременно отнесены на счет избирательной биологической подготовленности. В исследованиях, посвященных формированию вкусовых отвращений, запах пищи ассоциируется либо с немедленным шоковым потрясением, либо с несколько отсроченной тошнотой. Таким образом, тип парного переживания изменяется в зависимости от временного интервала процесса совмещения. В результате выясняется, что различия в легкости формирования таких отвращений в большей степени объясняются изменениями во временных интервалах и характеристиках стимулов, нежели дифференцированной способностью связывать вкусовые раздражители с расстройством желудка. Крейн и Вагнер (1975) показали, что отсроченное шоковое потрясение приводит к формированию отвращения к подслащенной воде, в то время как незамедлительное шоковое потрясение такого эффекта не дает. По контрасту, незамедлительный шок обеспечивает отвращение к воде, если сочетается с отчетливыми шумовыми раздражителями, которые задерживают шок, делая его неэффективным. Авторы приписывают вариации формирования отвращения тому факту, что смешанное ощущение запаха и вкуса пищи является более устойчивым, чем стимулирующее действие аудио- видеораздражителей.

В экспериментах по формированию отвращения продолжительность, ход развития и интенсивность неприятного переживания являются неуправляемыми, как и смежность во времени. Такие вариации в свойствах аверсивных событий оказывают существенное влияние на то, как легко отвращения могут быть сформированы. Если бы было обнаружено, что при сходных временных условиях болезнь вызывает более сильные отвращения, чем внешне причиняемая боль, то объяснение можно было бы рассмотреть в терминах врожденной ассоциативной способности, но с учетом отсутствия адекватных средств контроля за интенсивностью и продолжительностью-аверсивных событий.

Те исследователи, которые занимаются биологическими детерминантами научения, иногда подвергают сомнению традиционное экспериментирование на животных, на основании того, что для изучения выбираются произвольные реакции и животные. В теоретическом исследовании концепции подготовленности Шварц (1974) утверждает, что это совершенно верно, потому что этот произвол анализа научения у животных частично имеет место и в

человеческом научении. Люди организуют и регулируют свое поведение в значительной степени на основе индивидуального опыта. Анализ того, каким образом поведение вырабатывается на основе опыта и переносится на случайные события, может оказаться более информативным для изучения и формирования поведения человека, чем исследования действий, выполняемых низшими организмами на генетически предопределенном уровне.

Изменения в легкости научения не обязательно отражают врожденную подготовленность. Некоторые моменты усваиваются легче по той причине, что расположение событий по месту и времени способствует формированию причинно-следственных ассоциаций (Testa, 1974). Основным фактором влияния в данном случае является распознаваемость внешней сопряженной изменчивости, а не избирательная внутренняя ассоциативность. Скорость научения также в значительной степени зависит от подготовленности к восприятию. Опыт делает стимулы-предвестники более дифференцируемыми, формирует предварительные навыки, побудительные мотивы и вырабатывает привычки, которые могут либо затормозить процесс усваивания форм поведения, либо ускорить его.

Определенные проблемы возникают при попытке интерпретировать вопросы, связанные с формированием человеческих страхов, в терминах вариаций научения на основе врожденной подготовленности. Согласно мнению Селигмана (1971), люди биологически предрасположены бояться тех вещей и явлений, которые в течение тысячелетий таили в себе угрозу существованию человека. Остается выяснить, объясняются ли те события, которые порождают у людей страх, действительной угрозой выживанию или же они ассоциируются с прямым, опосредованным или символическим опытом.

Среди различных человеческих страхов особое место занимают страхи, связанные с половой жизнью. Трудно выискать эволюционные преимущества, связанные с импотенцией или фригидностью. Или, к примеру: в ходе эволюции люди, вероятно, гораздо чаще тонули в воде, нежели погибали от укусов змей, однако болезненный страх перед змеями превалирует над боязнью воды. Змея обретает смысл угрозы благодаря комбинации факторов, включающих вызывающее страх поведение родителей, подкрепленное собственным пугающим переживанием, а также мрачным легендам и картинам, изображающим рептилий как воплощение зла (Bandura, Blanchard & Ritter, 1969).

Среди вещей и явлений, связанных с авersiveными переживаниями, одушевленные предметы оказывают более сильное влияние на формирование фобий, чем неодушевленные. Это объясняется тем, что одушевленный источник опасности, благодаря своей способности действовать и двигаться, может появляться в непредсказуемое время и причинять вред — несмотря на все усилия по самозащите. Активная неодушевленная угроза, над которой человек не властен, дает больше оснований для общей тревоги, нежели столь же серьезная угроза, которая, однако, является неподвижной, прогнозируемой и не причиняет вреда до тех пор, пока ты держишься от нее на безопасном расстоянии. Видимо, объяснение избирательности человеческих фобий следует искать не в опыте наших далеких предков, а в свойствах самих событий.

В ходе лабораторных исследований врожденной подготовленности Олман, Эриксон и Лофберг (1975) обнаружили, что у взрослых реакции страха на вид картин с лицами людей или домов, сопровождающийся шоком, вырабатываются столь же легко, как и на вид картин со змеями, однако подобная реакция на картинки с лицами и домами может быть погашена гораздо быстрее. Поскольку подготовленность определяется в терминах скорости усвоения, то ожидаемая предрасположенность к научению боязни змей не получила научного подтверждения. В повседневной жизни вид человеческих лиц и домов ассоциируется равно как с нейтральными или положительными, так и с отрицательными переживаниями, в то время как вид змей связывается исключительно с негативным опытом. Различная скорость угасания, скорее всего, объясняется различными корреляциями здесь и сейчас, нежели укусами змей, пережитыми нашими предками на протяжении тысячелетий.

Дисфункциональное научение ожиданием

Обусловленное научение имеет важнейшее адаптивное значение. Как уже отмечалось ранее, к сожалению, оно способно вызывать ненужные расстройства и скованность. Подобного рода функциональные расстройства могут развиваться несколькими способами.

Совпадающие ассоциации

Среди множества различных событий, которые происходят в связи с формированием аверсивных последствий, одни действительно связаны с последствиями, а другие являются лишь совпадающими по времени. Приведенное далее письмо, взятое из колонки добрых советов в газете, являет собой потрясающую иллюстрацию подобного неуместного научения ожиданием:

«Дорогая Эбби,

Мой знакомый устроил мне встречу с незнакомым человеком, и в тот момент, когда я увидела мужчину в галстук-бабочке, я поняла, что ему нельзя доверять. Он корыстно овладел мною, а потом обманывал и издевался. Теперь всякий раз, когда я встречаюсь с мужчиной, который носит галстук-бабочку, повторяется та же история. Я думаю, следует предостеречь всех девушек от таких субъектов.

Противница галстуков-бабочек».

В приведенном выше примере автор письма обобщает сильную реакцию на галстуки-бабочки, каковой признак вряд ли можно считать прочно связанным со склонностью к обману. Поскольку предвзятое недоверие по отношению к мужчинам, носящим галстуки-бабочки, порождает у нее негативную реакцию, настороженное поведение поддерживается неприятными переживаниями. Ассоциация на основе случайного совпадения, таким образом, преобразуется в действительную корреляцию. В этом процессе неуместное поведение поддерживается, скорее, некоей самодельной реальностью, нежели условиями, которые существовали в прошлом, но уже не имеют места в настоящем.

Неуместные обобщения

Иррациональное защитное поведение часто формируется тогда, когда опыт событий, ассоциирующихся с аверсивными переживаниями, обобщается и переносится на вполне безвредные события, сходные с первыми — либо физически, либо семантически. В неоднократно цитируемом эксперименте, который провели Уотсон и Рейнер (1920), ребенку показывали крысу, и этот показ сопровождался резким звуком. В результате ребенок обобщил и распространил свой страх на все прочие меховые или пушистые предметы и начал опасаться не только крыс, но и кроликов, собак, меховых шуб, ваты, шерсти и даже человеческих волос. Как правило, чем больше сходства имеется между безвредным стимулом и тем стимулом, который действительно исходно связан с опасностью, тем сильнее оказывается обобщенная реакция.

Безвредные события могут приобрести отвращающий потенциал путем обобщения на основе семантического сходства. Можно сослаться на клинический пример, о котором сообщили Уолтон и Матер (1963). Они рассказали о женщине, которая была одержима страхом оказаться грязной и тратила все свое время на совершение бесконечных гигиенических ритуалов. Такое маниакально-принудительное поведение началось у нее с жестокого чувства вины, вызванного «грязью» любовной связи с женатым мужчиной. Со временем широкий набор стимулов, связанных с мочеполовой сферой, и все формы грязи начали вызывать у нее нервное расстройство.

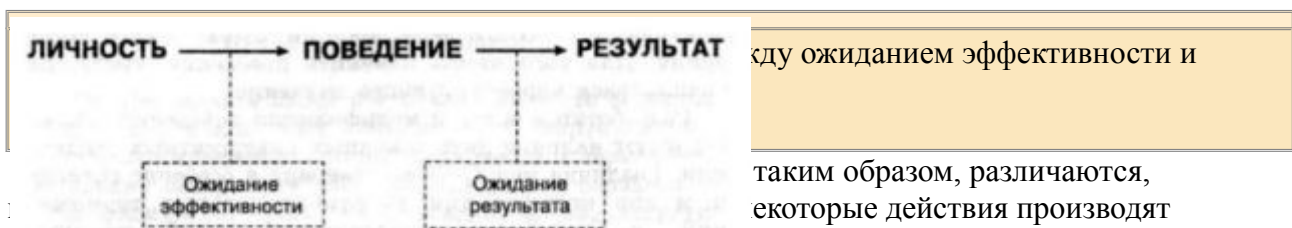
Корректирующее научение

До недавнего времени, все усилия, направленные на подавление защитного поведения, основывались в основном на интервью как способе модификации поведения. Постепенно, по результатам подобных собеседований, стало очевидно, что разговор не является особенно эффективным способом модификации человеческого поведения. Для того чтобы изменить поведение, требуется специальное корректирующее научение.

Разработки в области модификации поведения демонстрируют наличие двух основных дивергентных тенденций. Различие между ними становится особенно очевидным при модификации дисфункциональных торможений, и защитного поведения. С одной стороны, объяснения процессов модификации становятся более когнитивными; с другой стороны, именно лечение, основанное на действии, доказало свою наибольшую эффективность для осуществления психологических изменений. Вне зависимости от используемого метода, лечение, которое проводилось посредством фактического действия, достигало более высоких и последовательных результатов, нежели лечение фобий, основанное на когнитивном представлении опасности (Bandura, 1976б). Символические процедуры могут многое добавить к многостороннему подходу, основанному на непосредственном действии, но сами по себе они часто оказываются недостаточными.

Согласно представлениям теории социального научения, физиологические изменения — вне зависимости от методов, примененных для их осуществления — являются производными от общих механизмов. Очевидное расхождение теории и практики устраняется путем признания того, что изменения осуществляются посредством когнитивных процессов, но сами когнитивные события порождаются и изменяются легче всего при непосредственном опыте освоения, основанном на успешном действии.

Психологические процедуры — какова бы ни была их форма — меняют представления о личной эффективности. В пределах этого анализа эффективность и предполагаемые результаты определяются так, как схематически показано на рис. 3. Ожидание результата здесь определяется как личная оценка того, что то или иное поведение должно привести к тем или иным результатам. Ожидание эффективности представляет собой убеждение в том, что индивидуум способен успешно осуществить поведение, необходимое для достижения ожидаемых результатов.

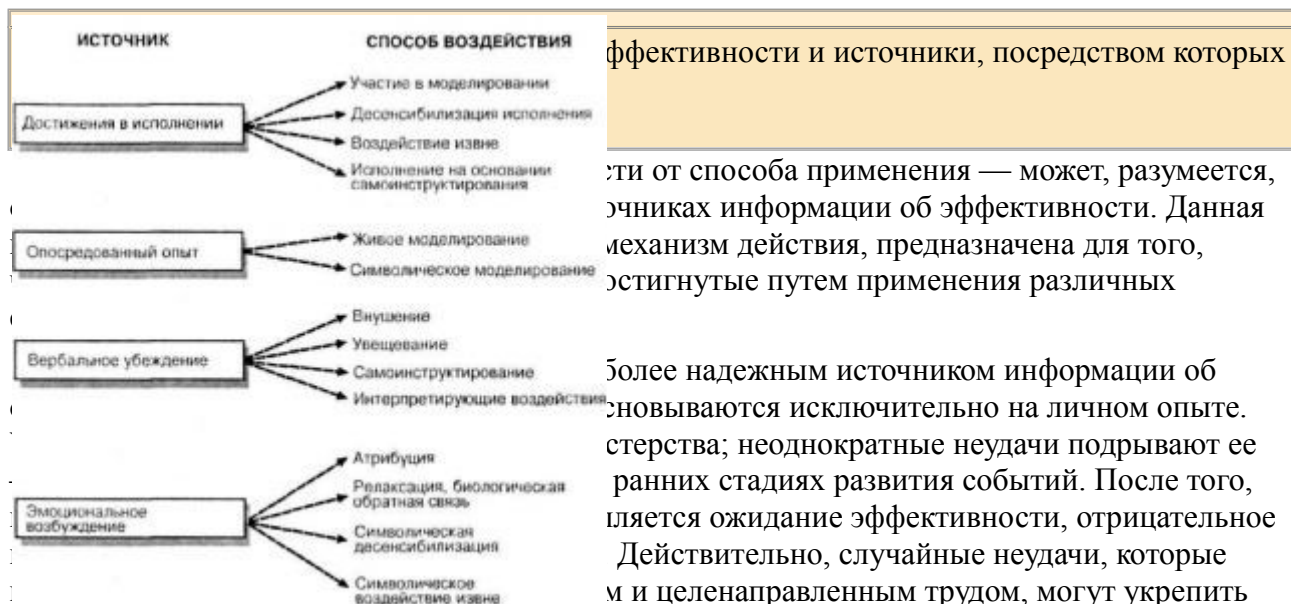
определенный результат, но может не верить в то, что сам он способен произвести эти действия.

Силу убежденности человека в собственной эффективности определяет сам факт, будет или нет он что-либо предпринимать при конкретных обстоятельствах. Люди боятся угрожающих ситуаций и избегают их, если они уверены в том, что им с этим не справиться, но с другой стороны, ведут себя активно и уверенно, если считают себя способными успешно разобраться в трудной ситуации, которая в противном случае вызвала бы робость.

Высокая оценка личностью собственной эффективности не только снижает прогностические страхи и торможения, но и оказывает влияние на предпринимаемые попытки и прилагаемые усилия посредством предвосхищения будущего успеха. Ожидание эффективности определяет, сколько усилий затратит индивидуум, как долго он сможет противостоять препятствиям, выдерживать враждебные обстоятельства и неприятные переживания. Чем выше ожидания эффективности или мастерства, тем более активными становятся усилия. Те, кто умеет проявить настойчивость, выполняя действия, которые являются субъективно угрожающими, но в то же время относительно безопасными,

объективно приобретает правильный опыт, который еще более укрепляет чувство собственной эффективности — тем самым постепенно уничтожая страхи и подавляя защитное поведение. Те же, кто преждевременно сдается, должны поддерживать свои самоослабленные ожидания и страхи на протяжении длительного времени.

Ожидания эффективности индивидуума основаны на нескольких источниках информации. На рис. 4 показаны разнообразные процедуры влияния, обычно используемые для ослабления защитного поведения, и источники, посредством которых при лечении пытаются сформировать ожидания эффективности.

эффективности и источники, посредством которых

ти от способа применения — может, разумеется, источниках информации об эффективности. Данная механизм действия, предназначена для того, достигнутые путем применения различных

более надежным источником информации об обновляются исключительно на личном опыте. мастерства; неоднократные неудачи подрывают ее ранних стадиях развития событий. После того, является ожидание эффективности, отрицательное Действительно, случайные неудачи, которые м и целенаправленным трудом, могут укрепить

самотивированное упорство, на примере личного опыта, говорящего о том, что даже самые сложные препятствия можно преодолеть настойчивыми усилиями. Таким образом, воздействие неудач на личную эффективность частично зависит от времени и общего хода событий. Однажды сформированное ожидание эффективности распространяется и на смежные ситуации.

Ожидания эффективности

Многие ожидания проистекают из косвенного опыта. Видя, как другие занимаются опасными видами деятельности без вредных для себя последствий, наблюдатели вырабатывают у себя ожидание того, что у них также все должно со временем получиться, если они интенсифицируют свои усилия и проявят настойчивость. Они убеждают себя в том, что, если другие могут сделать это, то и они сами могут по крайней мере достигнуть каких-то улучшений своих показателей.

Было доказано, что ряд моделирующих переменных, способных оказать воздействие на ожидание мастерства, усиливает растормаживающее влияние процедур моделирования. Люди, страдающие различными фобиями, легче избавляются от своих страхов, когда видят, что испуганные модели постепенно, посредством настойчивых усилий, преодолевают свои страхи, чем когда видят, как хорошо подготовленные модели справляются с пугающими заданиями без затруднений (Kazdin, 1974a; Meichenbaum, 1971). Сходство с моделью по другим параметрам может также повысить эффективность символического моделирования. Наблюдение за раскованным поведением модели, приводящим к достижению полезного результата, оказывает более благотворное воздействие, чем наблюдение за точно таким же поведением, но без явно выраженных последствий (Kazdin, 1974c; 1975).

Диверсифицированное моделирование, при котором виды деятельности, которые наблюдатели считают опасными, неоднократно и безопасно повторяются различными моделями, является более эффективным, нежели выполнение таких же действий всего лишь одной моделью (Bandura & Menlove, 1968; Kazdin, 1974b). Если могут добиться успеха люди

с самыми различными качествами, то у наблюдателя формируется разумное основание для усиления собственного чувства эффективности.

В попытке повлиять на человеческое поведение широко используется вербальное убеждение — по причине своей простоты и доступности. Посредством убеждающего внушения человека можно привести к уверенности в том, что он вполне способен справиться с тем, что подавляло и пугало его в прошлом. Ожидания эффективности, сформированные таким способом, оказываются слабыми и кратковременными. Перед лицом угрозы и памятуя о длительной истории прошлых неудач при попытках одолеть эту угрозу, любые ожидания успеха, вызванные подобным внушением, вскоре будут раздавлены тяжестью разочаровывающего опыта. Результаты нескольких направлений исследований свидетельствуют о слабости вербального убеждения, которое порождает ожидания, но не предоставляет для них аутентичной основы собственного опыта.

Эмоциональное возбуждение может оказать влияние на ожидание эффективности в угрожающих обстоятельствах. Люди частично склонны полагаться на свое состояние физиологического возбуждения при попытках оценить уровень своей тревожности и подверженности стрессам. Поскольку сильное возбуждение, как правило, ослабляет показатели исполнения, индивидуум, скорее, склонен предвидеть успех, если он не подвергается воздействию отрицательного возбуждения, нежели в тех случаях, когда он испытывает напряжение, дрожь и сердечно-сосудистые явления. Проявления страха еще более усиливают страх.

Исследователи, работающие в рамках теории атрибуции (Valins & Nisbett, 1971), предприняли попытку модифицировать поведение избегания путем прямого манипулирования когнитивными ярлыками эмоционального возбуждения. Исходное допущение заключается в том, что если человек, страдающий фобией, уверен, что те вещи или явления, которых он ранее боялся, больше не оказывают на него внутреннего воздействия, то одна лишь когнитивная переоценка может подавить поведение избегания. Неправильная атрибуция эмоционального возбуждения является другим вариантом атрибутивного подхода к модификации поведения, связанного со страхом. В этой процедуре боящиеся чего-то люди постепенно подводятся к уверенности в том, что их эмоциональное возбуждение на самом деле порождено неэмоциональными причинами. И, если в дальнейшем эти люди не будут полагать свое возбужденное состояние проявлением страха, они будут и вести себя более смело. Таким способом можно бороться с незначительными страхами, но ложная атрибуция или неправильное наименование состояния не помогут в серьезных случаях (Bandura, 1976b; Borkovec, 1973). При тяжелых формах акрофобии таким способом можно временно ввести человека в заблуждение и внушить ему, что он не боится, но при реальном столкновении с пугающей высотой у него снова просыпается страх.

На ожидание эффективности, помимо проанализированных ранее детерминант ожидания, оказывают влияние и ситуационные обстоятельства. Некоторые ситуации требуют более энергичного исполнения и предполагают более высокую степень риска опасных последствий, чем другие. Соответственно меняются и ожидания успеха. Уровень и сила уверенности в собственной эффективности при публичном выступлении, например, различается в зависимости от предмета выступления, уровня презентации, состава аудитории, к которой адресуется выступление. Несовпадения между ожиданиями успеха и качеством исполнения чаще всего возникают в условиях ситуационной неопределенности.

Методы лечения, сочетающие моделирование с направленным участием, доказали свою эффективность при подавлении дисфункционального страха и торможения (Bandura, 1976a). Моделирование с участием использует успех как основное средство осуществления психологических изменений. Уклонение от субъективно реальной, однако объективно необоснованной опасности не позволяет поведению соприкоснуться с существующими условиями подкрепления. Посредством моделирования при участии становится возможным добиться быстрой проверки реальности, которая предоставляет корректную опытную основу для изменений.

Люди, страдающие от страха неясного происхождения и торможения, не стремятся делать то, чего они боятся. В ходе осуществления моделирования психотерапевты стараются таким образом структурировать среду обитания, чтобы пациенты могли успешно действовать вопреки своей неспособности. Это осуществляется путем привлечения разнообразных средств для облегчения реакции. Сначала психотерапевт моделирует внушающие страх виды деятельности в форме легко осваиваемых шагов. Затем пациенты повторяют моделируемое поведение под соответствующим руководством — до тех пор, пока не осваивают его настолько, чтобы выполнять самостоятельно и без страха. Если они не способны на это, психотерапевт вводит средства, облегчающие выполнение задания, которые постепенно приводят к успеху. Совместное исполнение действия вместе с психотерапевтом, который при необходимости предлагает физическую помощь, со временем позволяет исполненным страхом пациентам принимать участие в таких делах, от которых они ранее всегда отказывались. Различение промежуточных целей и исполнение на протяжении возрастающих периодов времени используется для того, чтобы поддержать неуклонный прогресс в случае возникновения трудностей. Создание защитных условий для снижения вероятности возникновения пугающих последствий является другим средством ослабления дисфункциональных ограничений, которые тормозят развитие изменений. Если подобные условия окружающего мира оказываются недостаточными для того, чтобы индуцировать требуемое поведение, то можно преодолеть сковывающие ограничения путем снижения серьезности самой угрозы.

По мере продвижения вперед вспомогательные средства постепенно устраняются, чтобы пациент справлялся с заданиями самостоятельно. Затем организуется самоуправляемый процесс освоения мастерства, который должен укрепить чувство личной эффективности. Посредством таких форм лечения пациенты избавляются от своих страхов, получают возможность принимать участие в таких видах деятельности, которые раньше были для них запретными, и со временем вырабатывают более спокойное отношение к тем вещам, которые раньше внушали отвращение. В случаях хронических фобий, пациенты, страдающие от повторяющихся ночных кошмаров, перестают видеть тревожащие сновидения после того, как фобии уничтожаются.

Эмпирические проверки взаимосвязи между ожиданием и исполнением в общем случае давали жалкие результаты, поскольку измерение ожиданий, как правило, основывается на надеждах людей, а не на их осознании собственного мастерства. Более того, измерение ожидания обычно осуществлялось в терминах глобальной самооценки, как если бы ожидание представляло собой статический, одномерный параметр. В ходе анализа ожиданий при оценке модификации поведения, ожидание эффективности отличается от ожидания результата. В последнем случае испытуемые просто выносят суждение о том, какую пользу они могут получить от данной процедуры. Подобные глобальные измерения отражают сложную смесь многих вещей: надежды, стремления выдавать желаемое за действительное, веры в могущество процедур и уверенности в своем психотерапевте. Неудивительно, что эти измерения имеют весьма слабое отношение к значимости бихевиоральных изменений.

Ожидания эффективности меняются по нескольким параметрам, каждый из которых обладает своим собственным значением для выполнения задания. Эти параметры различаются по своей значимости. Так, например, если задание выдается в соответствии с уровнем сложности, то ожидания эффективности различных индивидуумов поначалу могут быть ограничены более легкими заданиями, затем распространятся на умеренно сложные задания, и в итоге, возможно, охватят и наиболее сложные действия. Кроме того, ожидания эффективности различаются по своей общности. Некоторые виды опыта создают лишь весьма ограниченные ожидания мастерства, в то время как другие утверждают более обобщенное сознание эффективности, которое распространяется далеко за пределы чисто лечебной ситуации. Ожидания различаются также и по силе. Слабые ожидания легко уничтожаются неподкрепляющим опытом, в то время как те индивидуумы, которые обладают серьезными намерениями, будут упорны в своих усилиях, несмотря на обескураживающий опыт.

Следовательно, осмысленный анализ ожиданий требует подробной оценки значимости, общности и силы ожидания эффективности — причем точность должна быть такой же, как и при измерениях изменения поведения. Результаты такого анализа показывают, что лечение, основанное на достижениях в исполнении, обеспечивает гораздо более сильные и устойчивые ожидания эффективности, чем опосредованный опыт (Bandura, Adams & Beyer, 1976). Изменения в поведении тесно взаимосвязаны со значимостью изменяющихся ожиданий. Чем выше ожидание эффективности, тем выше и вероятность того, что неинтересное задание будет успешно выполнено.

Предшествующие детерминанты действия

Одно и то же поведение часто оказывает различное воздействие — в зависимости от времени действия, места действия и того лица, на которое оно направлено, а также от ряда других факторов. Проезд оживленного перекрестка на красный свет, например, может иметь ощутимо иные последствия, нежели проезд того же перекрестка по зеленому сигналу. Когда вариации определенных ситуационных, символических и социальных признаков регулярно ассоциируются с различными результатами реакций, то сами эти признаки начинают выступать в роли активизирующих и направляющих факторов действия. Поэтому люди обращают самое пристальное внимание на те аспекты своего окружения, которые предвещают подкрепление, и в то же время игнорируют те аспекты, которые не несут такой нагрузки. Способность регулировать собственную реактивность на основе предшествующих событий, предсказывающих определенные последствия, обеспечивает формирование механизма прогностического поведения.

Стимулы приобретают прогностическое значение путем корреляции с различными ответными последствиями. Традиционные отчеты об этих процессах сосредоточены, главным образом, на неявно выраженных способах влияния, при которых действия вознаграждаются или наказываются только в присутствии определенного признака или сигнала, но никогда в ином контексте. Прогностическое значение стимулов, несомненно, формируется и поддерживается во многих случаях посредством фактической корреляции с ответными последствиями. Однако способность человека к символическим обобщениям позволяет получить эту информацию без обязательного осуществления тех или иных реакций при различных обстоятельствах, с целью выяснения возможных последствий, которые эти стимулы знаменуют. Фактически, обусловленное научение в значительной степени осуществляется путем вербальных объяснений, которые описывают обстоятельства, при которых те или иные действия оказываются вознаграждаемыми или наказуемыми. Например, не обязательно проверять на себе тяжесть уголовных последствий, чтобы понять, при каких обстоятельствах то или иное поведение запрещается законом.

Люди часто ведут себя так, как того требуют обстоятельства, не имея личного опыта или не зная возможных последствий своих действий. Это происходит потому, что информация о предвещающих стимулах опосредованно выделяется путем наблюдений за подкреплением поведения других людей в различных ситуациях. Несмотря на то, что действия нередко направляются суждениями, основанными на наблюдениях или рассказах, поддержание antecedentных детерминант, сформированных вербальным или опосредованным способом, как правило, требует периодического подтверждения посредством прямого опыта.

Результаты действий в значительной степени являются социально обусловленными. Таким образом, прогностические социальные сигналы играют особенно важную роль в управлении человеческим поведением. Дети часто ведут себя совершенно иначе в присутствии одного из родителей, чем в присутствии другого, в точном соответствии с принятой дисциплинарной практикой. В качестве характерного примера можно привести рассказ о мальчике, страдающем аутизмом, который свободно проявлял деструктивное поведение в присутствии своей снисходительной матери, но редко позволял себе что-либо подобное в присутствии отца, который не терпел агрессии.

Когда отец бывал дома, Билли был просто образцово-показательным ребенком. Он знал, что за плохое поведение отец подвергнет его скорому и беспристрастному наказанию. Но как только отец покидал дом, Билли подходил к окну и ждал, когда машина скроется за поворотом. И тут он резко преображался... «Он забирался в мой шкаф, рвал мои нарядные платья, мочился на мою одежду. Он ломал мебель, носился по всему дому и колотил по стенам, пока не повергал все в полную разруху. Он понимал, что мне нравится красиво наряжать его, и потому нарочно отрывал пуговицы от своих рубашек и пачкал свои штаны...» (Moser, 1965, p. 96).

В ходе официального исследования социальной обусловленности поведения, проведенного Реддом и Бирнбрауэром (1969), один из взрослых вознаграждал склонных к самоизоляции детей за сотрудничество в играх, а другой взрослый вознаграждал их вне зависимости от их поведения. Позднее оказалось, что сама внешность того взрослого, который вознаграждал поощрения обусловленным образом, побуждала детей приниматься за групповые игры, в то время как другой человек, вознаграждавший детей независимо от их поведения, не оказывал никакого влияния на социальное поведение детей. Когда же взрослые поменялись ролями, то соответственно изменилась и их способность изменять течение игры.

Люди вообще регулируют свое поведение на основе более тонких социальных сигналов. Давайте рассмотрим распространенный пример: родители часто делают детям замечания и дают ценные указания, но редко берут на себя труд удостовериться в том, что эти замечания принимаются, а указания выполняются. Со временем дети обучаются игнорировать те указания, которые произносятся спокойным голосом. Нарастающее раздражение у родителей становится прогнозирующим признаком того, что подчинение будет обеспечено силовыми методами, а потому только крик приводит к каким-то результатам. Неудивительно, что жизнь во многих семьях протекает на фоне довольно высокого уровня децибел.

Моделирующие детерминанты

Среди многочисленных прогностических сигналов, которые в каждый момент времени оказывают влияние на поведение, ничто не является столь широко распространенным и столь же эффективным, как действия других людей. Люди радостно хлопают в ладоши, когда другие аплодируют, смеются, когда другие смеются, покидают общественные места, когда видят, что другие уходят. В неисчислимом множестве случаев поведение людей направляется и формируется моделирующими влияниями.

Действия других людей приобретают прогностическое значение посредством корреляции последствий — примерно так же, как это происходит в отношении несоциальных физических и символических стимулов. Моделирующие сигналы подталкивают к совершению подобного поведения, когда поведение других людей приводит к вознаграждаемым результатам, но также вызывают и дивергентное поведение, когда действия отличаются от подкрепляемых действий модели. Поскольку люди, как правило, демонстрируют проверенное поведение, то и следование хорошим примерам оказывается несравненно более эффективным, нежели нудный метод проб и ошибок. Таким образом, полагаясь на действия признанных моделей, новички могут вести себя соответствующим образом в различных условиях и при разнообразных событиях, не обрекая себя на личное открытие всех составляющих уместного поведения путем наблюдения за недовольной или, напротив, одобрительной реакцией свидетелей их движения на ощупь. Пословица «Будучи в Риме, поступай, как римлянин» подчеркивает функциональное значение моделирующих сигналов.

Сила примера в формировании и направлении поведения прекрасно подтверждается документально как лабораторными, так и полевыми исследованиями. Можно заставить людей вести себя альтруистически, добровольно предлагать свою помощь, отказываться от вознаграждения или требовать его, проявлять нежность, вести себя агрессивно, придерживаться определенной пищи или одежды, беседовать на заданные темы, быть настойчивыми или пассивными, принимать участие практически в любой деятельности, если

данное поведение преподносится в качестве примера. Типы моделей, которые преобладают в заданной социальной обстановке, оказывают влияние на то, какие именно человеческие качества из множества возможных будут избирательно активизированы.

Люди различаются по степени того, насколько их поведение поддается воздействию моделирующих влияний — причем не все модели являются в равной мере эффективными в научении тем типам поведения, которые они сами осуществляют. Чувствительность к моделирующим сигналам существенно определяется тремя факторами, которые, в свою очередь, приобретают свою активизирующую силу из корреляционной взаимосвязи с ответными последствиями. Этими факторами являются характеристики модели, качества наблюдателя и ответные последствия, ассоциирующиеся с данным поведением.

Что касается характеристик модели, то модели с более высоким статусом, компетентностью и властью являются более эффективными с точки зрения формирования у других аналогичного поведения, чем модели более низкого статуса. Сила престижного моделирования выявляется в полевых исследованиях распространения поведения среди детей в летнем лагере (Lippitt, Polansky & Rosen, 1952). Наблюдатели отмечали, как часто дети имитируют действия ровесников, которые не прилагают никаких усилий к тому, чтобы заставить других следовать своему примеру. Несколько мальчиков, которые обладали большей властью, являлись основными образцами социального поведения. Их действия становились примером для других. Влияние престижных моделей убедительно демонстрируется Лефковицом, Блейком и Мутоном (1955). Пешеходы с большей готовностью бросались переходить улицу на красный свет, когда видели, что так поступает, по-видимому, важный господин, в солидной одежде руководителя; но не спешили следовать примеру личности в стоптанных ботинках, заплатанных штанах и джинсовой рубашке.

Нетрудно объяснить, почему статус усиливает сигнальную функцию моделируемого поведения. Поведение моделей, которые приобрели выдающееся положение, скорее всего, является успешным, а, следовательно, обладает и большей функциональной значимостью для наблюдателей, чем поведение моделей, которые, очевидно, низко расположены на профессиональной, интеллектуальной или социальной лестнице. Когда следование различным моделям приводит к дивергентным результатам, то характеристики модели и символы статуса приобретают информативное значение для обозначения возможных последствий поведения, демонстрируемого в качестве примера разными моделями.

В тех ситуациях, когда люди не уверены в разумности моделируемого способа действий, они вынуждены полагаться на такие сигналы общего характера, как внешний вид, речь, возраст, символы социально-экономического преуспеяния, признаки компетентности как знаки ранее достигнутых успехов. Воздействие статуса модели таково, что возникает тенденция обобщать и переносить опыт модели с одного вида поведения на другое — что и происходит, когда выдающиеся спортсмены выражают предпочтение к определенной каше для завтрака, как если бы они были специалистами в области здорового питания. Неизвестные люди точно так же приобретают влияние благодаря своему сходству с моделями, поведение которых доказало свою успешность в прошлом.

Определенное внимание было уделено идентификации того типа людей, которые в наибольшей степени подвержены влиянию моделей. Те, кому не хватает уверенности в себе, у кого низкая самооценка, кого часто хвалили за удачное подражание, особенно склонны адаптировать поведение преуспевающих моделей. Но эти люди не являются единственными, кто многое выигрывает благодаря следованию чужому примеру. Эта прозаическая взаимосвязь базируется в основном на результатах исследований, в ходе которых неизвестные модели демонстрировали действия, имеющие минимальное функциональное значение для наблюдателя вне данной конкретной ситуации. Общие наблюдения показали, что восприимчивые и уверенные люди с готовностью эмулировали как поведение идеализированных моделей, так и поведение, которое оказывалось в высшей степени полезным. Крайне маловероятно, чтобы тупые, зависимые, неуверенные в себе учащиеся смогли бы что-то приобрести в результате наблюдения за блестящими действиями

преподавателя, нейрохирурга, пилота, изобретательного исследователя, в отличие от тех учащихся, которые обладают сообразительностью и уверенностью в своих силах. Когда моделирование явно используется для формирования компетентности, то чем более способным и предприимчивым является обучаемый индивидум, тем больше пользы он получит от наблюдения за моделями.

Обобщения, сделанные в отношении различных корреляций моделирования, могут быть приняты лишь с оговорками, поскольку моделируемое поведение подавляет влияние характеристик как модели, так и наблюдателя. Атрибуты моделей с наибольшей силой проявляются тогда, когда не вполне ясно, какие именно последствия будет иметь их поведение. Суждение о возможном значении моделируемого поведения при этом должно выноситься на основании внешних признаков достижения. Престижная или привлекательная модель может побудить человека попробовать осуществить определенные действия, но если поведение оказалось неудовлетворительным, то оно будет отброшено, а будущее влияние этой модели ослаблено. Исследования, проведенные в условиях, когда ответные последствия являлись неочевидными, могут, таким образом, преувеличить роль характеристик модели в продолжительном руководстве поведением.

Выделение закономерностей

Явления окружающего мира, которые могут прогнозировать результат различных видов действий, обычно являются лишь малой частью широчайшего разнообразия совершенно не связанных друг с другом событий. Чтобы еще больше усложнить дело, многие условия, управляющие подкреплением, сочетают в себе многочисленные факторы, образующие сложные правила поведения. Для того, чтобы проиллюстрировать это положение, рассмотрим задание, в котором участников просят высказать свои суждения об уместности употребления алкогольных напитков в различное время, в различных условиях, при различных социальных обстоятельствах. Эти три фактора, как и многие другие, не имеющие отношения к делу признаки (например, тип употребляемого напитка, пол пьющего и т. д.) изображаются в различных комбинациях в наборе картинок. Давайте произвольно назначим «приемлемыми» те картинки, на которых показан взрослый человек, употребляющий алкогольный напиток дома или в баре, в вечернее время, а те картинки, где изображено питье в одиночку днем или на работе, будем считать «неприемлемыми». Когда испытуемые пробуют формулировать свои суждения о том, какие факторы имеют отношение к делу, на основе этих произвольных предположений, они получают обратную связь, говорящую о правильности или неправильности их ответов.

Сначала они выбирают определенные аспекты в качестве основы для формулирования ответов. Большинство исходных суждений неуместно, поскольку никто не может немедленно уловить закономерности классификации. Однако некоторые суждения близки к тому, чтобы оказаться правильными, поскольку факторы, отобранные в качестве относящихся к делу, будут проявляться как часть правильной конфигурации в некоторых изображенных на картинках ситуациях. Сравнивая, чем отличаются свойства ситуации в положительных и в отрицательных случаях, можно выделить и проверить некоторые аспекты, которые оказываются общими для положительных ситуаций. На основании дальнейшей информативной обратной связи испытуемые продолжают пересматривать свои предположения — до тех пор, пока постепенно не смогут выявить существенные факторы и объединить их в многомерную закономерность. В данном примере прогнозирующая конфигурация включает совместное присутствие временного, социального и ситуационного факторов.

В ходе регулирования своего поведения на основании многомерных закономерностей индивидум должен различать прогнозирующие факторы, соответствующим образом взвешивать их и объединять в обобщенное правило поведения. Составляющие функции, рассмотренные ранее при обсуждении научения через наблюдение, при усвоении правил

действуют на основании непосредственного или опосредованного опыта. Индивидуумы отбирают определенные сигналы и обращают на них внимание на основании предварительных установок, усвоенных склонностей или наследственного развития некоторых качеств. Так, они разыскивают поведенческое подтверждение своих предположений через информативную обратную связь открытых реакций. Путем отбора, тестирования и пересмотра своих предположений они постепенно комбинируют соответствующие факторы и формулируют правильную закономерность. Таким образом, процессы, связанные с вниманием, когнитивные процессы, воспроизведение поведения и последствия реакций играют важную роль в усвоении правил.

Следует еще раз подчеркнуть, что большинство правил поведения усваивается посредством инструкций, а не в результате непосредственного личного опыта. Это легко упустить из виду, поскольку, несмотря на свою распространенность, подобное инструктивное научение не получило достаточного внимания со стороны теоретиков и исследователей в области психологии. Теории поведения склонны подчеркивать научение на основании собственных успехов и неудач. Подход в духе Пиаже подчеркивает постепенное развитие на основании собственного импровизированного опыта. В действительности же научение формируется моделированием и инструктированием, равно как и информативной обратной связью взаимодействия индивидуума с окружающей средой.

Дефективное обусловленное научение

Компетентное функционирование требует избирательной чувствительности, нередко зависящей от самых малейших вариаций в обстоятельствах. Некоторые расстройства поведения исходно отражают неадекватное обусловленное научение по причине применения неправильного подкрепления или утрате той или иной функции в результате стресса. Люди менее способны отличать свойства критической важности от тех свойств, которые не имеют существенного значения, под воздействием сильной угрозы, чем под воздействием слабой угрозы; а те, кто склонен к эмоциональному возбуждению, подвергаются наиболее неблагоприятному воздействию (Rosenbaum, 1956).

Благодаря важности для человеческих отношений символической коммуникации недостаточная или несоответствующая чувствительность к вербальным сигналам может иметь самые серьезные последствия. В качестве составной части программы модифицирования психотического поведения Айллон и его коллеги предоставили множество примеров того, как можно подорвать и восстановить функцию языка посредством корреляций результатов (Ayllon & Naughton, 1962). В одном исследовании группа шизофреников, страдающих серьезными хроническими расстройствами питания, совершенно не реагировала на приглашения к еде и увещания. По причине заботы об их здоровье в столовую их сопровождали медсестры, их кормили с ложки и подвергали другим методам воздействия, как младенцев. Оказалось, что все уговоры, кормление с ложки и прочие подобные усилия медицинского персонала еще более усугубляли проблемы питания. По причине систематического вознаграждения отсутствия реакции на вербальные обращения речь утратила свое функциональное значение. Тогда все социальные вознаграждения за игнорирование приглашения к еде и отказ от пищи были отменены; после приглашения к еде двери столовой оставались открытыми в течение тридцати минут; по истечении этого времени всякий, кто не успевал прийти, попросту пропускал этот прием пищи. После того, как все эти последствия были узаконены, пациенты стали реагировать на приглашения в столовую в более социально приемлемой форме и начали питаться самостоятельно.

Причудливое сочетание случайных условий может породить идиосинкретическое поведение, которое остается необъяснимым без точного знания условий, сформировавших социальное научение. Лидз, Корнелисон, Терри и Флек (1958) сообщают о случае, когда братья-шизофреники были уверены в том, что словесное несогласие приводит к запору. Это своеобразное концептуальное поведение становится вполне понятным, если принять во

внимание те условия, которые сложились в доме. Как только сыновья выражали несогласие с матерью, она сообщала им, что у них запор и надо поставить клизму. После этого мальчиков раздевали и действительно ставили им клизму, в результате чего выражение словесного несогласия для них приобрело самый необычный смысл.

Не уделяя внимания моделирующему влиянию, нелегко сформировать навыки по причине ограниченных возможностей для осуществления научения через наблюдение. В своем исследовании языкового обучения детей, страдающих аутизмом, Ловаас (1967) показывает, каким образом польза примера сводится на нет неправильной практикой подкрепления. Дети, страдающие аутизмом, не обладающие достаточно развитыми способностями речевого общения, моделировали вербализацию психотерапевта с высокой степенью точности, когда вознаграждение было обусловлено определенным качеством воспроизведения речи. Когда те же самые дети начали щедро получать вознаграждение вне зависимости от качества вербализации, их речь начала прогрессивно ухудшаться — до тех пор, пока не перестала вообще походить на лингвистическое поведение модели, демонстрируемое психотерапевтом. Восстановление соответствующих условий восстанавливало функции моделирующего влияния. Таким образом, дети, страдающие аутизмом, не являются нечувствительными к событиям внешнего мира, если они предупреждены о возможности получения вознаграждения в результате определенного поведения.

Глава четвертая. Последующие детерминанты

Если бы люди действовали предусмотрительно, основываясь на информативных сигналах окружающего мира, но в то же время не учитывали бы ответного воздействия результатов своих поступков, то они вряд ли смогли бы выжить. Фактически, поведение является процессом, который регулируется своими последствиями. Те реакции, которые приводят к невыгодным или опасным последствиям, должны отбрасываться, тогда как реакции, приводящие к полезным результатам, сохраняются. Таким образом, человеческое поведение невозможно полностью понять, не принимая во внимание регулирующего влияния ответных последствий.

Бихевиоральные теории традиционно проводят разграничение между предшествующим (антецедентным) и последующим (консеквентным) регулированием действий. Это различие основывается на допущении, что поведение непосредственно усиливается или ослабляется своими немедленными последствиями. Но, хотя вероятность определенного поведения зависит от следующих за этим поведением событий, это не означает, что все происходит в этом же локусе контроля. Вспомним из ранее изложенного, что последствия определяют поведение в основном благодаря своему информативному и побудительному значению. В большинстве случаев ответные последствия оказывают влияние на поведение антецедентным образом, путем формирования ожиданий аналогичных результатов в будущем. Вероятность определенных действий увеличивается, если предвидится вознаграждаемый результат, и снижается, если предвидится наказание.

Как уже было упомянуто ранее, поведение соотносится с подкрепляющими результатами скорее на уровне совокупных, нежели единичных последствий (Baum, 1973). Это значит, что люди не реагируют на каждый кратковременный момент обратной связи, как на изолированный заверченный опыт. Вместо этого они обрабатывают и синтезируют информацию обратной связи, полученную от последствий событий за достаточно длительный период времени, с учетом условий, необходимых для формирования подкрепления, а также способа и частоты возникновения результатов тех или иных действий. Именно по этой причине множество видов поведения можно поддерживать даже при редких непосредственных подкреплениях. Поскольку результаты влияют на поведение посредством интегрирующего мышления, знание схем подкрепления может оказать гораздо более сильное

влияние на поведение, чем само подкрепление (Baron, Kaufman & Stauber, 1969; Kaufman, Baron & Kopp, 1966).

Исследования, посвященные регулированию поведения посредством результатов, в основном были направлены на немедленно происходящие внешние последствия. В теориях, которые признают только роль внешних последствий и полагают, что они автоматически формируют поведение, считается, что люди чисто механически реагируют на воздействия окружения. Однако внешние последствия, хотя и обладают существенным влиянием, не являются только видом результатов, которые определяют поведение человека. Люди частично руководствуются в своем поведении наблюдаемыми последствиями, а также теми последствиями, которые они сами для себя создают. Подобная система с тремя факторами регулирования, основанная на внешних, косвенных и самопроизводимых последствиях, далее подвергается подробному рассмотрению.

Внешнее подкрепление

Наиболее впечатляющей демонстрацией того, каким образом на поведение влияют его последствия, является исследование с использованием реверсивной цели. В этой процедуре, проявление выбранного поведения фиксируется в естественных условиях. Затем измеряются изменения в поведении, при успешном введении или устранении подкрепляющего влияния.

Применение процедур подкрепления для модификации множества разнообразных проявлений упрямства доказывает символический характер этого подхода. Один из случаев, отобранный из множества других и описанный Харрисом, Вольфом и Баером (1964), иллюстрирует успешное реверсирование. Во-первых, индивидуум, у которого наблюдаются затруднения, в течение некоторого времени находится под наблюдением, чтобы определить частоту проявлений дисфункционального поведения; контексты, в которых это поведение проявляется; а также реакцию окружающих. В рассматриваемом случае крайне замкнутый мальчик проводил до 80% своего времени в детском саду в уединении. Наблюдения выявили, что воспитатели бессознательно поощряли замкнутость ребенка, уделяя ему особое внимание именно тогда, когда он замыкался в себе, откликались на его чувство одиночества, утешали его и уговаривали играть со сверстниками. А в тех редких случаях, когда ребенок все-таки начинал играть с другими детьми, на него не обращали особого внимания.

Во второй фазе программы устанавливается новый набор подкреплений. В упомянутом выше случае воспитатели перестали поощрять замкнутость своим вниманием и поддержкой. Вместо этого, заметив момент, когда мальчик начинал играть с группой детей, воспитательница присоединялась к этой группе и полностью отдавала ей свое внимание. В довольно короткое время замкнутое поведение мальчика заметно ослабло и он стал проводить до 60% времени в общих играх с другими детьми.

После того как достигаются желаемые изменения, восстанавливается первоначальная практика подкрепления с целью определения того, была ли дисфункция поведения фактически поддержана его социальными последствиями. В этой третьей фазе воспитатели вели себя как обычно, не обращали внимания на проявления общительности ребенка и утешали его, когда он уединялся. В результате этого подхода ребенок снова погрузился в замкнутость. Открытия, подобные этому, подчеркивают необходимость оценивать социальные методики по их воздействию на реципиента, а не по гуманитарным намерениям исполнителей.

В финальной фазе снова поэтапно вводятся полезные условия, дисфункциональные проявления устраняются, а адаптивные проявления вознаграждаются до тех пор, пока они не будут адекватно поддерживаться своими естественными последствиями. В рассматриваемом случае воспитатели постепенно сокращали свое вознаграждающее внимание, по мере того, как ребенок начинал получать все большее удовольствие от игр и общения с ровесниками. В ходе последующих наблюдений ребенок продолжал получать удовольствие от общественных взаимоотношений, что явилось резким контрастом с его прежней замкнутостью.

В многочисленных исследованиях, применяющих побудительные процедуры для детей и взрослых, самые разнообразные проявления вредного поведения — включая травмоопасные действия, агрессивность, психосоматические расстройства, намеренный обман, аутизм, хроническую анорексию, психогенные припадки, астматические приступы, психотические состояния, и прочие длительные расстройства — успешно уничтожались, восстанавливались и снова уничтожались посредством изменения подкрепляющих последствий.

Модификации поведения, которые доказали свою эффективность при значимых вознаграждениях, далеко не всегда легкообратимы (Baer & Wolf, 1967). А в случае поведения, которое может иметь вредные последствия, возникает вопрос об этичности восстановления такого поведения после того, как оно было уничтожено. Вследствие этого для исследования процессов подкрепления часто используются многочисленные основополагающие процедуры, которые являются альтернативными процедурам реверсирования. Эти методы включают измерения основных направлений различных видов поведения одновременно, а затем применение подкрепления последовательно сначала к одному виду поведения, потом к следующему и т. д. Различные виды поведения обычно претерпевают существенные изменения в точке введения подкрепления.

Регулирующее влияние подкрепления демонстрировалось практически при всех формах бихевиорального функционирования. До недавнего времени господствовало общее мнение, что физиологические состояния могут возбуждаться внешними воздействиями, но не зависят от влияния последствий. В настоящее время вполне доказанным является тот факт, что функции организма до некоторой степени регулируются посредством внешней обратной связи. Учение об управлении сосудистой системой получило толчок благодаря процедурам биологической обратной связи, когда субъект изменяет свое внутреннее состояние на основе сигналов обратной связи, поступающих от устройства, которое измеряет и показывает уровень биологической активности. С помощью этих средств человека можно научить изменять частоту пульса, поднимать и опускать артериальное давление, снимать головные боли, вызванные перенапряжением, снижать секрецию кислот в желудке, усиливать слабое кровообращение, модифицировать многие другие внутренние функции организма (Blanchard & Young, 1973; Miller, 1969; Shapiro & Schwarz, 1972). Однако до настоящего времени не получены сколько-нибудь основательные доказательства в поддержку утверждений о том, что люди могут достигнуть состояния внутреннего спокойствия, генерируя в большом количестве альфа-волны мозга с помощью обратной связи.

Тот факт, что управление функциями организма возможно осуществить с помощью искусственной обратной связи, не означает, что люди будут способны осуществлять такое управление в естественных условиях. Успех зависит от изучения полезных методик модифицирования биологических функций. Действительно, некоторые предварительные открытия наводят на мысль о том, что люди могут лучше контролировать функции своего организма, если будут развивать другие средства регулирования биологических процессов, чем если они будут полагаться на устройства биологической обратной связи, не зная, как ими пользоваться (Blanchard & Young, 1973). Обратная связь оказывается особенно полезной, когда люди уже обладают средствами для осуществления внутренних изменений.

Существуют различные механизмы, благодаря которым можно осуществлять управление функциями организма. Некоторые средства оказывают свое воздействие через мускульные механизмы. Сосудистые реакции можно модифицировать посредством самостоятельно индуцируемой релаксации. Будзинский, Стойва и Адлер (1970) успешно применили биологическую обратную связь и процедуры релаксации для лечения головных болей, приводящих к постоянному напряжению мышц скальпа и шеи. Пациенты слышали тон, имеющий частоту, пропорциональную электромиографической активности (ЭМГ) мышц лба, которые подвергались постоянному мониторингу. Пациенты должны были делать этот тон как можно более низким за счет расслабления лицевых мускулов. Поскольку они адаптировались к мускульной релаксации, критерий рос в последовательности шагов, требующих прогрессивно более глубокой релаксации для достижения наиболее низкого тона.

В результате применения этого метода пациенты, которые годами страдали от головных болей, научились расслаблять лицевые мышцы и в конце концов избавились от боли. Результаты других исследований показали, что обучение методам саморелаксации является для лечения мигрени, бессонницы или для регуляции артериального давления столь же эффективным средством, как и биологическая обратная связь. Эти открытия наводят на мысль о том, что биологическая обратная связь является несколько неуклюжим и тяжеловесным способом научить людей расслаблять свою мускулатуру.

Соматический контроль возможен и без участия мышечной деятельности. Другой способ управления работает за счет механизмов внимания. Уровни активности биологических функций можно изменять путем переключения внимания на посторонние, нейтральные события, и путем исключения тех событий, которые вызывают возбуждение сердечно-сосудистой системы. Медитативные техники, которые доказали свою эффективность как средство осуществления измеримых модификаций соматических реакций, используют ограничение содержания мысли путем сосредоточения всего внимания на санскритских словах или мантрах. Не менее успешно работают процедуры немедитационного характера, при которых человек удобно устраивается в комфортабельных условиях, закрывает глаза и сосредоточивает свои мысли на успокаивающих предметах и событиях.

Третий способ регуляции процессов в организме действует через когнитивные механизмы. Когнитивная деятельность генерирует сосудистые реакции; возбуждающие мысли могут поднять артериальное давление, ускорить частоту пульса, усилить секрецию желудочного сока, повысить мускульное напряжение. И напротив, точно так же можно снизить эти соматические функции при помощи успокаивающих мыслей. В исследованиях, измеряющих моментальные флуктуации физиологической активности, вызываемые различными последовательностями мыслей, было выяснено, что возбуждение повышается при самоиндуцируемых эмоциональных мыслях и снижается при нейтральных мыслях (Schwartz, 1971). Когда люди при обучении методам биологической обратной связи оказываются предоставленными сами себе, что, как правило, и происходит, то многие из них довольно быстро осваивают когнитивные стратегии управления своим физиологическим состоянием.

Некоторого внимания заслуживает вопрос о том, участвуют ли в процессах физиологической саморегуляции процессы подкрепления. Если «подкрепление» понимается как чисто автоматический усилитель реакций, то ответ на этот вопрос будет отрицательным. Если же подкрепление рассматривается в терминах своих мотивирующих функций, то обратная связь является источником самомотивации для корректирующего реагирования. Информационный мониторинг уровня физиологической активности создает основу для установления целей, что приводит к интенсификации усилий, необходимых для их достижения.

Иерархическое развитие побуждений

То, что люди находят в качестве подкрепления, изменяется в результате развивающегося опыта. На самых ранних уровнях младенцы и маленькие дети в основном реагируют на непосредственные физические последствия, в число которых входят пища, болезненная стимуляция и физический контакт. Для того, чтобы уберечь ребенка от огня или уличного движения, родители не могут полагаться только на тенденции самоактуализации или на радость от научения. Такие ранние первичные побуждения важны не только сами по себе; они также создают основу для формирования символических побуждений.

В ходе развития вознаграждающие физические переживания повторно ассоциируются с выражением заинтересованности и одобрения других людей, а неприятные переживания ассоциируются с неодобрением. Через корреляцию событий эти социальные реакции сами становятся предвестниками основных последствий и, следовательно, становятся побудителями. Эффективность социальных реакций как побуждений проистекает, скорее из их прогностического значения, чем из внутренней сущности самих реакций. По этой причине

одобрение или неодобрение людей, которые обладают властью вознаграждать или наказывать, является более влиятельным, чем аналогичные выражения со стороны индивидуумов, которые не обладают особым влиянием на жизнь человека.

Сила межличностных подкреплений зависит от ряда факторов. Похожие социальные проявления могут служить предвестниками целого набора как вознаграждаемых, так и наказываемых переживаний. Например, неодобрение может выражаться в таких неприятных проявлениях, как физическое наказание, лишение привилегий, взыскания, лишение интереса или внимания, и, наконец, остракизм. То событие, которое влечет за собой множество возможных последствий, будет оказывать более сильное влияние, чем событие, которое связано только с одним результатом. Более того, социальные реакции не обязательно сопровождаются основными переживаниями: похвала не всегда влечет за собой вознаграждение, а осуждение не обязательно приводит к наказанию. Непредсказуемость приводит к тому, что восприимчивость возможного к происхождению угасает.

Социальное подкрепление сохраняет свою побудительную функцию даже на минимальной первичной основе по причине перемежаемости и разнообразия коррелятов. Развитие социальных побуждений является важной составляющей социального научения и успешных межличностных взаимодействий. Такие побуждения обеспечивают удобный способ людям влиять друг на друга без постоянного обращения к физическим последствиям.

Некоторые авторитеты в области воспитания детей популяризируют мнение о том, что здоровое развитие ребенка основывается на «безусловной любви». Если бы этот принцип на самом деле безотказно применялся, то родители не обращали бы внимания на то, как ведут себя их дети — может быть, плохо относятся к окружающим, воруют то, что плохо лежит, не уважают права и желания других, требуют немедленного вознаграждения. Безусловная любовь, если бы даже она была возможна, сделала бы детей неуправляемыми; их просто невозможно бы было любить. Многие читатели, несомненно, знакомы с семьями, где родители так или иначе пытались приблизиться к этим условиям и преуспели только в том, что создали «самореализующихся» тиранов.

Лишенный руководства интерес определенно оказывается недостаточным. К счастью, огромное большинство родителей не расточают любовь столь неразборчиво. Не путают они также аутентичные реакции на поведение своих детей с неуважением к ним как к личностям. В свою очередь дети чувствуют большую уверенность, зная, что родители действительно ценят их, и отличают это от проявлений притворного уважения. Несмотря на то, что в основном родительская любовь выражается безусловно, существуют определенные человеческие нормы и стандарты, и родители выражают удовольствие, когда дети ведут себя достойным образом, и, напротив, выражают неодобрение в случаях предосудительного поведения. Неудивительно, что даже самые стойкие защитники идеи «безусловного уважения» сами являются достаточно избирательными в своей социальной восприимчивости, одобряя то, что им нравится, и не одобряя то, что не нравится (Mutteray, 1956; Truax, 1966).

Те теории, которые придерживаются мнения об автоматическом характере подкрепления, допускают, что последствия должны мгновенно соотноситься с поведением — для того, чтобы они могли оказывать влияние на поведение. Непосредственность результатов, несомненно, важна для детей раннего возраста, для которых связь между действиями и их результатами не очевидна, когда между ними имеется пауза или вмешивается какая-либо другая деятельность. После того как формируются навыки символического мышления, люди получают возможность когнитивно преодолевать разрывы между поведением и его последствиями, не ошибаясь в том, что именно получает подкрепление. Таким образом, поведение может быть легко управляемо, если доступность предпочитаемых занятий поставить в зависимость от предваряющего участия в разрешении или разрешения поставленных задач. Как показал Примак (1956), практически любой вид деятельности может служить побуждением для выполнения менее предпочитаемых видов деятельности. Деньги, которые можно обменять на бесчисленное множество необходимых и желанных

вещей, также широко используются как мощное обобщенное побуждение на отсроченной основе.

Практические методы подкрепления, описанные выше, в значительной степени используют процесс социального договора. Позитивные соглашения подтверждают, что если индивидуумы выполняют определенные вещи, то они получают право на особые вознаграждения и привилегии. В случае негативных санкций предосудительное поведение влечет за собой наказание. Процесс изображается в терминах подкрепления, но практически это также социальный обмен. Разумеется, большинство социальных взаимодействий осуществляется под управлением подобных условных соглашений, хотя далеко не всегда они выражены языком подкреплений. Однако формулирование другими словами не меняет сути дела.

Иерархия побуждений в ходе развития до сих пор включала материальные последствия, символические последствия и соглашения социального договора. На высшем уровне развития индивидуумы регулируют свое собственное поведение самооценочными и другими самопродуцируемыми последствиями. После того как признаки прогресса и заслуженных достижений становятся источником личного удовлетворения, знание того, что человек поступил хорошо, является для него наградой. Как мы увидим далее, для этого, чтобы испытать удовлетворение от деятельности через самоподкрепление, требуется развить в себе некоторые сложные функции.

Внешние и внутренние побуждения

Как профессиональные круги, так и широкая публика с некоторой неохотой признают влиятельную роль подкрепляющих последствий в регулировании поведения. Некоторые уверены в том, что поведение должно осуществляться ради себя самого. Другие считают, что поведение мотивируется врожденными побуждениями к исследованию и соревнованию, что, по их мнению, может вступать в противоречие с социальными влияниями. Они выражают беспокойство по поводу того, что побудительные практики могут препятствовать развитию самостоятельности и подавляют врожденный интерес. Третьи, скорее, ссылаются на старую концепцию подкрепления как механического средства управления поведением, чем на информативное и мотивационное влияние. Фактически, развитие самомотивации и самостоятельности требует определенных основополагающих функций, которые развиваются через вспомогательные внешние побуждения.

Многие виды деятельности, которые повышают компетентность, являются поначалу утомительными и неинтересными. Они начинают вознаграждаться только тогда, когда человек достигает некоторой степени мастерства. Без вспомогательных позитивных побуждений на ранних стадиях приобретения навыков, потенциальные возможности остаются неразвитыми. К сожалению, вместо этого гораздо чаще, чем следовало бы, используются принуждение и угрозы, что вызывает отвращение к данному виду деятельности, но не приводит к освоению мастерства. Наилучшим способом обеспечения предварительного обучения является поддержка усилий детей до тех пор, пока их поведение не достигнет такой стадии развития, при которой оно производит естественные подкрепляющие последствия. Так, например, для того, чтобы научиться читать, детям сначала требуется определенное одобрение, но когда они обучаются навыкам чтения, то они уже начинают читать ради удовольствия и получения новой полезной информации. Когда люди овладевают вербальными, когнитивными и мануальными навыками для эффективного взаимодействия с окружающей средой, им больше не требуются внешние побуждения для применения этих навыков.

Нередко проводится разграничение между внешними и внутренними источниками подкрепления, как если бы они противоречили друг другу.

То, что часто называется внутренним подкреплением, включает в себя несколько совокупных соглашений. Это показано на рис. 5, где показано разграничение между локусом

и совокупностью условий подкрепления.

		СОВОКУПНОСТЬ УСЛОВИЙ		ценности поведения и его последствий, а подкрепления
		Естественные	Произвольные	
Локус	Внешний	Внутренние	Внешние	уются извне и их отношение к
	Внутренний	Внутренние	Внутренние	

поведению является произвольным. Естественным ходом вещей не предусмотрено, чтобы выполнение работы приводило к получению чека, по которому хорошее исполнение получало похвалу, а предосудительное поведение наказывалось. Одобрение, деньги, привилегии, наказания и тому подобное являются, скорее, социально оговоренными, а вовсе не естественными последствиями поведения. Когда появление этих результатов не предвидится, поведение приходит в упадок, если только оно не приобретает иной функциональной ценности.

Внутреннее подкрепление как часто используемая концепция содержит три типа соответствия между поведением и его последствиями. В одной форме последствия имеют внешнее происхождение, но естественным образом связаны с поведением. Например, если спрятаться от дождя, то будет не так сыро; если смотреть телевизор, то усиливается аудиовизуальная стимуляция; а если ударить по клавишам фортепиано, то возникают определенные звуковые формы. При этих условиях поведение подвергается влиянию своих осязаемых последствий.

Многие виды человеческой деятельности являются саморегулирующимися посредством производимой ими сенсорной обратной связи. Например, младенцы многократно повторяют определенные действия для того, чтобы снова услышать те или иные звуки или увидеть определенный предмет. Дети постарше и взрослые проводят часы, играя на музыкальных инструментах, издающих приятные звуки. Несмотря на то, что сенсорные эффекты являются внутренне связанными с действиями, значение обратной связи в большинстве случаев успешно усваивается. Гранд-опера или атональная музыка не доставляют удовольствия на врожденном уровне. Однако под воздействием многократного повторения развиваются внутренние прототипы образцов стимуляции, которые служат точкой отсчета для переживания того, что видится или слышится, как удовлетворительное или как неприятное.

Во второй внутренней форме поведение продуцирует происходящие естественным образом последствия, которые являются внутренними для организма. Реакции, которые вырабатывают физиологические эффекты непосредственно, а не через воздействие внешних стимулов, являются прообразами этой совокупности условных соглашений. Многократное повторяющееся исполнение вызывает усталость, упражнения по релаксации снимают напряжение мускулатуры и т. д. Несмотря на то, что когнитивная деятельность также может производить физиологические эффекты непосредственно, эта способность возникает в результате воздействия произвольных совокупностей условий. После того, как мысли приобретают эмоционально-активизирующий потенциал через вознаграждающий и наказывающий опыт, аверсивное возбуждение, вызываемое тревожными мыслями, может быть редуцировано, если отдаться течению умиротворяющих мыслей.

Многие виды деятельности, выполнение которых доставляет людям удовольствие само по себе, исходно не обладали подкрепляющей ценностью. Вознаграждает не само поведение, и не его обратная связь — скорее, собственные реакции людей на свое же исполнение формируют основной источник вознаграждения. В качестве примера, можно отметить, что в исполнении соло на трубе нет ничего, что можно было бы считать особенно приятным. Однако для вдохновенного музыканта виртуозное исполнение является существенным источником самоудовлетворения, который способен побуждать человека снова и снова дуть в свою трубу. Точно так же, совершенствование атлетических или интеллектуальных навыков активизирует самооценочные реакции, которые служат как подкрепляющее исполнение.

Процесс самоподкрепления, описанный выше, представляет собой третью форму внутреннего подкрепления. Оценочные последствия производятся во внутреннем плане, но

совокупность условий является произвольной — в том смысле, что любому виду деятельности можно придать самооценочное значение. То, что оказывается источником самоудовлетворения для одного человека, может не иметь значения или смысла для другого.

Способность к оценочному самоподкреплению частично формируется через влияние внешнего подкрепления. Внутренняя оценочная регуляция поведения требует приобретения навыков, усвоения стандартов исполнения, а также самовырабатываемых оценочных последствий. По достижении некоторого уровня мастерства вырабатываются стандартные суждения и самоподкрепляющие функции, качественные вариации в исполнении становятся источником личной удовлетворенности или неудовлетворенности.

Важнейшая роль, которую играет самоподкрепление в регуляции человеческого мышления и поведения будет самым подробным образом рассмотрена в заключительных разделах этой главы. Поведение является в меньшей степени восприимчивым к причудам ситуационных побуждений, когда основные последствия естественным образом связаны с поведением, либо вырабатываются самостоятельно.

Воздействие внешних вознаграждений на внутреннюю мотивацию

В соответствии с теорией атрибуции восприятие людьми причин собственного поведения оказывает влияние на то, как они поведут себя в тех или иных ситуациях (Bem, 1972; Nisbett & Valins, 1971). По-видимому, они выводят суждение о своей мотивации частично из тех обстоятельств, в которых они действуют. Если люди занимаются деятельностью для получения внешнего вознаграждения, то они страдают от недостатка личного интереса, тогда как если они занимаются каким-либо делом без внешнего побуждения, то они могут вынести суждение о том, что им присуща внутренняя заинтересованность в данном виде деятельности. Таким образом, внешнее подкрепление деятельности может понизить внутреннюю мотивацию. Остается объяснить, каким образом восприятие причин изменяет внутреннюю мотивацию. Как полагает Деси (1975), вознаграждения снижают внутреннюю мотивацию, создавая впечатление, что поведение индивидуума подталкивается извне, а также ослабляя сознание собственной компетентности и самостоятельности.

В ряде исследований было показано, что дети, которым было обещано вознаграждение за те виды деятельности, которые им нравились, в дальнейшем занимались ими все меньше, чем те дети, которые получали вознаграждение неожиданно, или не получали его вовсе (Lepper & Grin, 1975; Lepper, Grin, & Hesbitt, 1973). Дальнейшие эксперименты, посвященные изучению тех факторов, которые могли бы оказать влияние на подобные эффекты, дали разнообразные результаты. В зависимости от видов деятельности и способа применения вознаграждения внешние побуждения могут повышать интерес к той или иной деятельности, понижать его или же не оказывают никакого воздействия (Calder & Stran, 1975; Kruglanski, 1975; Reiss & Sushinsky, 1975; Ross, 1976). Несмотря на различающиеся результаты, широко признается тот факт, что исследования продемонстрировали: побуждения ослабляют внутреннюю мотивацию. Фактически, остаются нерешенными вопросы о производных теории атрибуции, об ограниченных условиях, при которых внешние побуждения ослабляют исполнение, о концептуализации внутренней мотивации, об экспериментальных процедурах, об интерпретации противоречивых результатов и даже об уместности используемых практик подкрепления.

Давайте сначала рассмотрим выводы, которые нередко делаются из теории атрибуции. Если индивидуумы вознаграждаются за выполнение интересных видов деятельности, то они могут прийти к заключению, что у них слишком низкий уровень интереса. Рассмотрим основную предпосылку и заключение: мне нравится заниматься определенными видами деятельности, которые вызывают у меня глубокий внутренний интерес; меня вознаграждают за то, что я это делаю — следовательно, я недостаточно интересуюсь этим. Первые два

предположения совместно не подразумевают существования единственного следствия. Фактически, возможно вынесение сразу нескольких атрибутивных суждений. Поскольку люди обычно хорошо знают, что им нравится, то когда излишне вознаграждаются, они скорее делают определенные выводы о ценностях вознаграждения, о его глупости или подверженности манипулированию, чем о своих собственных интересах. Несмотря на то, что каузальная атрибуция рассматривается как внешняя причина исполнения, типы атрибуции, действительно вызванные ненужным вознаграждением, очень редко, если вообще когда-либо, измерялись. Если внешнее вознаграждение ухудшает исполнение изменением каузальной атрибуции, чувства компетентности или самоопределения, то эти мешающие причины скорее должны быть измерены, чем допустимы, так как изменения поведения действительно имеют место.

Внутренняя мотивация — высокопривлекательный, но ускользающий конструкт. Внутреннюю мотивацию обычно определяют как выполнение определенных видов деятельности без очевидного внешнего вознаграждения. Определить существование внутренней мотивации на основании продолжения определенного поведения и отсутствия явно выраженных внешних побуждений является достаточно сложным делом. Начнем с того, что трудно найти такую ситуацию, в которой отсутствовали бы внешние побудительные причины поведения. Физическая и социальная структура ситуаций, заключенные в них материальные средства, ожидания других людей, и еще множество других стимулирующих детерминант оказывают существенное влияние на поведение. Как долго человек будет продолжать выполнять ту или иную деятельность, зависит от наличия альтернатив в данной ситуации. Может показаться, что люди внутренне мотивированы на выполнение какой-то определенной деятельности, когда все лучшее им недоступно, но внутренняя мотивация на выполнение той же самой деятельности исчезает, когда им представляются более привлекательные возможности выбора. Следовательно, активизацию и продолжительность поведения лучше понять, если рассматривать как постоянное взаимодействие между персональными и ситуационными источниками влияния.

В основном человеческое поведение поддерживается скорее ожидаемыми, нежели прямыми последствиями. Спортсмены, студенты и артисты проводят долгие часы в подготовительной работе ради будущего успеха, несмотря на то, что все их усилия в настоящем не приносят какого-либо непосредственного осязаемого вознаграждения. В каждой конкретной ситуации трудно определить, совершается ли данная деятельность ради внутреннего интереса или же ради ожидаемых в будущем благ. Чтобы еще более усложнить вопрос, термины «внутренний интерес» и «внутренняя мотивация» часто взаимно заменяются и выводятся из уровня исполнения. Приписывание определенным видам деятельности способности возбуждать интерес и мотивировать поведение существенно отличается от вызываемых внутренних мотивов. Например, люди проводят долгие часы перед телевизором без внешнего вознаграждения, но вряд ли можно воспринимать этот процесс в качестве проявления внутренней мотивации.

Существуют определенные проблемы при построении и проверке теории мотивации в том случае, если существование этой мотивации выводится из того самого поведения, которое ею порождается. Это происходит потому, что на поведение влияет много различных факторов. В исследованиях атрибуции снижение уровня исполнения принимается как доказательство ослабления внутренней мотивации. Применение подкрепления может вызвать дальнейшее понижение уровня исполнения, не меняя при этом природы мотивации. Это может явиться результатом нескольких альтернативных процессов. Первый из них касается контрастных эффектов подкрепления. Мотивирующий потенциал побуждений определяется скорее относительно, нежели через абсолютное значение. Следовательно, один и тот же результат может быть вознаграждаемым или наказывающим в зависимости от того, как поведение ранее подкреплялось. Резкое устранение вознаграждения не является нейтральным событием. Отсутствие вознаграждения поведения, ранее систематически вознаграждавшегося, действует как наказание, которое может понижать уровень исполнения до тех пор, пока люди не привыкнут к изменению подкрепления. Поскольку ослабление

обычных побуждений может временно повлиять на уровень мотивации путем изменения ценности побуждений, предпочтение тех или иных видов деятельности можно оценить только по прошествии некоторого периода времени. Это снижает вероятность неправильной интерпретации временных изменений в уровне мотивации, так как существует постоянное изменение внутренней мотивации подкреплением. В исследовании, специально посвященном этому вопросу, Фейнголд и Махони (1975) обнаружили, что обусловленное вознаграждение повышает у детей предпочтение к определенному виду деятельности, но они возвращались к своему прежнему уровню интереса сразу же после того, как вознаграждение устранялось. Однако, когда предпочтения снова измерялись несколькими неделями позже, при полном отсутствии вознаграждения, дети показали спонтанный интерес к ранее подкрепляемой деятельности более чем в два раза выше по сравнению с тем, что было изначально.

Другим фактором, который может воздействовать на последующее участие в той или иной деятельности, является насыщение и утомление. Когда побуждения используются для того, чтобы подталкивать человека исполнять одну и ту же деятельность снова и снова, он в конце концов устанет от нее. В своих усилиях устранить количество монотонных повторений, претерпеваемых субъектами в вознаграждаемых и не вознаграждаемых условиях, исследователи организовали дела таким образом, что вознаграждение не повышало исполнения. Это разрешило проблему дифференцированного насыщения, но снизило актуальность научного исследования, потому что причина, ради которой используются побуждения, повышает уровень или диапазон бихевиорального функционирования. Какой смысл использовать побуждения, если они не воздействуют на поведение в тот момент, когда они применяются? Научные открытия имеют ограниченное применение для подкрепляющих практик, когда воздействия побуждений изучаются при обстоятельствах, в которых вознаграждение не служит побудительной функцией. С точки зрения перспектив социального научения, заслуживает внимания исследование того, как позитивные побуждения могут помогать развитию навыков и потенциальных возможностей, которые служат в качестве постоянного источника личного удовлетворения и вносят свой вклад в понимание эффективности.

Понижение уровня исполнения может также отражать скорее реакции на то, как побуждения представлены, чем на побуждения сами по себе. Побуждения могут быть использованы принудительным образом («Ты не получишь таких-то преимуществ до тех пор, пока не выполнишь X»). Совокупность принудительных условий имеет тенденцию вызывать противонаправленное поведение. Позитивные побуждения могут быть представлены как поддерживающая помощь («Это поможет тебе выполнить X»), как выражение отношения («Мы считаем, что тебе это по силам»), или они могут выражать оценочные реакции («Мы думаем, ты легко выполнишь это»). Маловероятно, что пианисты теряют интерес к клавишам из-за того, что им предлагаются высокие гонорары. Напротив, низкие гонорары будут, скорее, восприняты как признак низкой оценки и неуважения. Пожалование вознаграждения является не только социальным действием, которое вызывает позитивные или негативные реакции у других. Оно может понизить или повысить оценку определенного вида деятельности, в зависимости от того: или вознаграждающие производят впечатление, что подкрепляемая деятельность не интересна, или что это в конце концов стало доставлять удовольствие из-за своей собственной цели после того, как был достигнут некоторый профессионализм. Одни и те же побуждения могут оказывать совершенно различное воздействие на поведение в зависимости от того смысла, который в них вкладывается.

Другие отличия в том, как побуждения используются в атрибутивных исследованиях и в традиционных подкрепляющих практиках, поднимают ряд вопросов относительно общности и актуальности научных открытий. В атрибутивных исследованиях субъекты получали вознаграждение вне зависимости от их исполнения, а если даже имелась какая-то взаимосвязь между исполнением и мерой вознаграждения, то определить ее было достаточно сложно. Субъекты в большинстве случаев получали вознаграждение только один раз. Напротив, в обычных побуждающих практиках участники сами определяли меру вознаграждения, сами обеспечивали уровень или качество исполнения, а также получали

подкрепление во множестве ситуаций. Рейсс и Сушински (1975) обнаружили, что вознаграждение, раздаваемое в атрибутивной манере, ослабляет интерес, однако когда дети вознаграждались в соответствии с условиями эксперимента, то по истечении некоторого периода времени после того как вознаграждения прекратились они показывали более чем в два раза выше спонтанный интерес к подкрепляемой деятельности, чем к другим неподкрепляемым видам деятельности. Аналогичные результаты были получены Россом (1976) при проверке гипотезы, что внешнее вознаграждение способствует формированию внутреннего интереса, когда оно повышает уровень мастерства в какой-то конкретной деятельности. Как дети, так и взрослые повышают свой интерес к той или иной деятельности, когда они получают вознаграждение за достижения в исполнении. Однако их интерес понижается, когда они получают вознаграждение за заданные виды деятельности независимо от качества исполнения.

Изучение основных публикаций, проведенное Грином (1974) в рамках исследований атрибуции, более точно соответствует побудительным практикам. Интерес, который показали дети в четырех партиях математических игр, измерялся в течение основного периода. Во время экспериментальной фазы одна группа была вознаграждена за выполнение двух видов деятельности, которым было оказано наибольшее предпочтение в течение основного времени; другая группа была подкреплена за выполнение двух видов деятельности, которые были менее предпочтительны; в то время третья группа выбрала два вида деятельности, нуждавшейся в подкреплении. Наградами являлись похвалы за заработанные грамоты и призы, представленные на общих собраниях. Позднее награждения прекратились. Было проведено сравнение количества времени, которое дети посвятили ранее вознаграждаемым видам деятельности со временем, потраченным детьми контрольной группы на две наиболее и две наименее предпочитаемые Деятельности.

Когда вознаграждение прекратилось, те дети, которые получали подкрепление за наименее интересные виды деятельности, выполняли их реже, чем дети из контрольной группы. Но, вопреки атрибутивным прогнозам, те дети, которые были подкреплены за наиболее предпочтительные занятия, поддерживали тот же уровень интереса, что и дети из контрольной группы, не получавшие подкрепления.

Противоречивые открытия получили объяснение в терминах характерных особенностей совокупности условий и феноменологии. В соответствии с гипотезой характерных особенностей люди чаще всего склонны рассматривать свое поведение как внешне мотивированное, если обусловленное вознаграждение чрезвычайно заметно. Росс (1975) обнаружил, что публично вручаемые вознаграждения и вознаграждения, производимые менее заметным способом, оказывают различное воздействие на поведение. Он также обнаружил, что ожидаемое вознаграждение ослабляет последующее исполнение только в том случае, если оно физически представлено или присутствует в воображении при первом исполнении той или иной деятельности. К сожалению, отсутствует точный способ определения того, когда внешние обстоятельства менее очевидны для детей: в том случае, если побуждения выпадают из поля зрения или же если они заметны. Те дети, которым было обещано вознаграждение за выполнение определенной деятельности, впоследствии показали тот же уровень интереса, что и дети, которым не обещали никаких вознаграждений. Это дополнительное свидетельство не согласуется с обоими открытиями другого атрибутивного исследования и с гипотезой характерных особенностей. В исследовании Грина кажется неправдоподобным, что дети, которые заслуживали определенное доверие за каждую часть выполненной работы и публично вознаграждаемые сертификатами и призами на школьных собраниях за свои успехи, наверно знали, почему они вознаграждаются. Из этого следует другое доказательство, что интерес в подкрепляемых видах деятельности возрастает по мере того, как побудительные условия становятся более очевидными (Reiss & Sushinsky, 1975), а также что характерная особенность совокупности условий не дает адекватного объяснения различающимся результатам атрибутивных исследований.

Феноменологические объяснения — которые утверждают, что результаты подкрепления

зависят от того, как они познаются — уменьшают прогностическую ценность атрибутивной теории, если они не способны указать, что определяет то, как люди воспринимают побудительные соглашения. В таких объяснениях изменения в мотивации приписываются субъективному восприятию, но фактически под вопросом оказываются актуальные побудительные практики. Если суть дела заключается в субъективных внешних проявлениях, то влияние внешнего вознаграждения на мотивацию определяется не столько самими побуждениями, сколько тем, во что люди превращают эти побуждения.

Предыдущая дискуссия не должна интерпретироваться как речь в защиту всеобщего применения внешних побуждений. Можно указать, например, множество случаев, когда материальные побуждения расточались бездумно, скорее, в целях социального регулирования, нежели в целях, способствующих развитию личности. Побуждения должны использоваться, если это необходимо, в первую очередь для того, чтобы способствовать развитию компетенции и устойчивых интересов. Материально подкреплять людей за ту деятельность, которая уже вызывает у них сильный интерес или которой они готовы заниматься за символическое вознаграждение, не только неуместно, но и опровергается теорией подкрепления. Введение чрезмерных вознаграждений порождает излишние сложности, когда наступает время отказаться от них. Побуждения побуждают людей заниматься теми видами деятельности, которыми они в противном случае могли бы пренебречь и, таким образом, никогда не развивают хоть какого-то интереса к этому. По мере усиления вовлеченности и развития навыков при осуществлении какой-либо деятельности, социальные, символические и самооценочные вознаграждения принимают на себя побудительные функции (Bandura, 1969).

В атрибутивных исследованиях побуждений люди, как правило, вознаграждаются за выполнение одной и той же деятельности снова и снова. Важно различать повторяющееся исполнение одного и того же поведения и приобретение компетентности, когда оцениваются долгосрочные эффекты побудительных практик. Когда позитивные побуждения способствуют развитию обобщаемых навыков, то навыки сохраняются и при отсутствии побуждений. Так, например, дети, которые научились читать с помощью позитивных побуждений, не утратят навыка чтения только потому, что они больше не получают внешнего вознаграждения. Практики, возникающие на основании теории социального научения, хорошо подходят для культивирования личной компетентности, которая служит подлинной основой для тренировки и восприятия самоопределения.

Обобщение поведения и его устойчивость нередко обсуждаются так, как будто эти качества являются непререкаемыми добродетелями. Однако это далеко не так. Очень трудно добиться устойчивых обобщаемых изменений, если подкрепляемая деятельность направлена в основном на удобства или пользу других людей. Нельзя сказать, что это положение дел достойно сожаления. Если бы можно было добиться через краткое воздействие подкрепления устойчивых изменений поведения в пользу того, кто это подкрепление осуществляет, но не в пользу самих реципиентов, то люди были бы подвержены полному внешнему контролю. Поскольку практика подкрепления служит, скорее, побуждением к поведению, нежели имплантацией поведения, то люди сохраняют то, что оказывается для них полезным, и отбрасывают то, что не нужно. В том случае, когда деятельность лично неудобна или неинтересна, но важна для общего благосостояния, санкции и вознаграждающая поддержка должны осуществляться на продолжительной основе. Любое общество создает для этой цели специальные совокупности условий. Это же относится и ко множеству различных видов деятельности, которые не являются социально рекомендованными. Не существует способов сделать скучную работу такой, чтобы она вызвала внутреннюю заинтересованность человека и чтобы он выполнял ее снова и снова за минимальную плату. Если бы это было возможно, то люди могли бы очень легко подвергаться эксплуатации со стороны тех, кто способен формировать внутренние интересы в своих корыстных целях.

Многообразные побуждения в психологическом функционировании

Несмотря на то, что те факторы, которые люди воспринимают как подкрепление, со временем претерпевают изменения, следует отметить, что различные аспекты человеческого поведения регулируются различными сочетаниями и уровнями побуждений. Многие проявления активности управляются своими физическими последствиями. Люди стремятся к наиболее длительному ослаблению неприятных условий или к полному избавлению от них, к достижению физического комфорта, к сексуальному удовлетворению, к насыщению едой и т. д. Большой сегмент поведения поддерживается чувственным подкреплением посредством видимых, слышимых и тактильно осязаемых результатов поведения. Люди совершают многочисленные поступки ради денег или доступности действий, приносящих наслаждение. Социальные трибуны, которые поднимают голос против использования внешних побуждений, сами, скорее всего, прекратят заниматься многими видами деятельности, если им за это не будут платить. Кроме того, люди способны на многое, чтобы заслужить уважение окружающих или избежать общественного осуждения. Надо быть редкостно, исключительно бесчувственной личностью, чтобы оставаться полностью равнодушным к мнению и чувствам других людей.

Многие явления, происходящие в ежедневной жизни, опосредованы действиями других людей. Прибегая к убеждающему или принуждающему поведению, люди могут приобретать определенные ценные предметы или услуги, заставлять других выполнять неприятную для них работу, изменять правила поведения в своих интересах, отменять те условия, которые оказывают негативное влияние на их собственное благосостояние, и сопротивляться давлению тех обстоятельств, которые не служат их интересам. В таких случаях социальное поведение получает подкрепление от своего собственного успешного влияния на поведение других людей.

Много времени и усилий тратится на такие виды деятельности, которые приносят личное удовлетворение от хорошо выполненной работы. И наконец, следует отметить, что при определении манеры поведения самоуважение личности во многом способно перевесить денежное вознаграждение, общественное Признание и физический комфорт. Таким образом, развивающийся опыт расширяет сферу эффективных побуждений и меняет их приоритеты, но не может заменить уже существующие на те, которые в иерархии подкреплений считаются стоящими на более низких ступенях.

Структурные вариации в совокупности условий

Частота и устойчивость конкретного вида поведения зависит от того, каким образом структурированы превалирующие условия подкрепления. Результаты могут быть обусловлены в соответствии с расписанием по времени или с привязкой к исполнению. Многие виды деятельности, которые стали частью повседневной рутины — такие, например, как прием пищи, поездки в общественном транспорте, полеты в самолете, отдых во время отпуска — оказываются доступными только в определенные моменты времени. Поведение, таким образом, регулируется в соответствии с временным графиком на основании последовательностей, ограниченных определенными временными рамками, так что людям нет необходимости выполнять те или иные действия, когда для этого не складываются соответствующие условия. Планирование подкреплений по времени хорошо подходит для организации деятельности, но не для того, чтобы поддерживать деятельность в течение длительного периода времени. В последнем случае поведение должно подкрепляться на основании качества или производительности, а не в зависимости от затраченного времени. Когда результаты зависят от собственного поведения, усилия направлены на выполнение соответствующих условий.

Другим измерением, в рамках которого варьируются последствия поведения, является их

предсказуемость. Индивидуумы, поведение которых получало систематическое подкрепление, ожидают получения быстрых результатов и легко впадают в разочарование, если их усилия терпят неудачу. Напротив, те, кто получал подкрепление нерегулярно, склонны к тому, чтобы сохранять поведение несмотря на повторяющиеся неудачи и лишь редкие успехи. Непредсказуемые результаты приводят к формированию поведения, которое оказывается в высшей степени устойчивым к изменениям, поскольку усилия личности поддерживаются уверенностью в том, что рано или поздно эти усилия обязательно должны привести к успеху. Поведение оказывается наиболее устойчивым, когда оно получает подкрепление на низком, переменном уровне — причем лучше, если средства гарантированного подкрепления отсутствуют.

На более широком социальном уровне некоторые основные вознаграждения и привилегии связаны, скорее, с рангом, нежели с фактическими показателями деятельности. В подобных иерархических структурах их члены стратифицированы согласно занимаемому положению на основе таких характеристик, как образование, старшинство, компетентность. Более высокий статус приносит такие преимущества, как более существенное социальное или денежное вознаграждение, более высокие привилегии, лучшие услуги. Подкрепление, обусловленное статусом, может оказывать более сильное воздействие на поведение, чем методики, при которых определенные реакции или действия получают индивидуальное подкрепление (Martin, Burkholder, Rosenthal, Tharp & Torne, 1968). Потерять возможность получить определенное вознаграждение за невыполнение той или иной деятельности не столь страшно. Однако же, если безрассудные или ошибочные действия приводят к понижению статуса, что неизбежно влечет за собой утрату целого обширного набора преимуществ, то сама угроза потери статуса порождает такое давление, которое способно создать стимул для безупречного исполнения.

Сообщества и подгруппы внутри этих сообществ различаются по тому, в какой степени подкрепление строится на индивидуальной, а в какой — на коллективной основе. В индивидуализированных системах люди вознаграждаются или наказываются в зависимости от их собственных действий. Те социальные соглашения, при которых собственный результат определяется самой личностью, поощряют развитие самостоятельности и личного интереса. Коллективно обусловленные системы подчиняют личный интерес благосостоянию коллектива. Это достигается путем вознаграждения или наказания всей группы, так что все члены коллектива зависят от поведения друг друга. В этом случае индивидуальные преимущества основываются на достижениях всего коллектива, а предосудительное поведение отдельных членов группы приводит к негативным последствиям для всего коллектива в целом. Когда люди разделяют ответственность за решения и поступки, то в их же собственных интересах оказывается полное посвящение всех своих усилий достижению общих целей, путем помощи друг другу и принятия общей ответственности. Условия, ориентированные на коллектив, являются преобладающими в тех обществах, которые исповедуют коллективную этику (Bronfenbrenner, 1970).

Практика подкрепления может в дальнейшем варьироваться в зависимости от того, кто устанавливает и поддерживает преобладающие совокупности условий. В самоуправляемых системах подкрепления члены группы сами по себе играют активную роль в принятии решений о том, какие ценности и типы поведения должны поощряться или наказываться. В более авторитарных системах совокупности условий, определяющие то, каким образом люди должны себя вести, исходят от тех, кто обладает властью.

Поскольку различные социальные задачи требуют различных побудительных практик, невозможно предписать ту или иную структуру в качестве наилучшей. Подкрепление, ориентированное на индивидуальность, например, хорошо подходит для формирования независимых, самостоятельных личностей. Если, напротив, кто-то предпочитает способствовать развитию чувства общей ответственности и заботы об окружающих, то более уместными оказываются методы, основанные на коллективных последствиях. Отрицательные свойства крайнего индивидуализма или крайнего коллективизма могут быть

устранены при комбинированном применении побудительных систем, ориентированных как на индивидуальность, так и на коллектив. При таких соглашениях человеческий результат определяется как уровнем их личного вклада, так и достижениями всего коллектива в целом.

Косвенное подкрепление

Люди могут получать определенную выгоду как от успехов и промахов других людей, так и от собственного опыта. В повседневных ситуациях существуют многочисленные возможности для наблюдения за действиями других людей и за теми условиями, при которых эти поступки вознаграждаются, игнорируются или наказываются. Существует ряд причин, согласно которым рассмотрение наблюдаемых последствий является критичным для понимания того влияния, которое оказывает подкрепление. Наблюдаемые последствия могут сами по себе менять поведение не менее эффективно, чем последствия, пережитые лично. Как правило, наблюдение за поведением, приводящим к успеху у других людей, усиливает тенденцию к осуществлению аналогичного поведения, тогда как наблюдение за наказуемым поведением ослабляет эту тенденцию.

Еще большей важностью обладает свидетельство того, что наблюдаемые результаты частично определяют силу и функциональные свойства внешних подкреплений. Ценность конкретного побуждения в значительной степени зависит от его связи с другими побуждениями, а не только от внутренне присущих ему свойств. Исследование относительной природы подкрепления показало, что одни и те же результаты могут оказывать как вознаграждающее, так и наказывающее воздействие на поведение — в зависимости от типа, частоты и щедрости, с которой поведение ранее подкреплялось. Таким образом, вознаграждение функционирует как наказание, когда контрастирует с более привлекательным вознаграждением и как позитивное подкрепление, когда оно случается в связи с отсутствием какого бы то ни было вознаграждения или наказания (Buchwald, 1959, 1960).

Контрастные эффекты побуждений, являющиеся результатами несоответствия между наблюдаемыми и пережитыми последствиями, действуют аналогичным образом. Наблюдаемые последствия обеспечивают относительные стандарты, которые определяют, какие из внешних побуждений служат вознаграждением или наказанием. Одна и та же похвала за выполненную работу, например, может восприниматься как разочарование теми людьми, которые видели, что такое же исполнение другими более сильно одобрялось, но может действительно служить вознаграждением тем людям, которые не получали столь щедрых похвал. Некоторые условия, управляющие эффектами несправедливого подкрепления, будут рассмотрены позднее.

Относительные свойства подкрепления оказывают влияние не только на поведение, но также и на уровень личного удовлетворения или неудовлетворенности. Чувствительность к различному отношению развивается еще в раннем возрасте, когда к детям, еще не способным понять причины, нередко относятся по-разному. Дети, которые видят, что их старшие братья и сестры ложатся спать в более позднее время, могут предаваться более интересным занятиям, пользуются большей свободой, нелегко удовлетворяются объяснениями, даже если понимают, что возраст и опыт дают некоторые преимущества. Несправедливость становится еще более удручающей, если она основывается на произвольных пристрастиях. Неприятные аспекты неравного отношения в дальнейшем получают еще более сильное подкрепление при виде неравных услуг, социального признания, заработной платы, получения преимуществ в выборе рода занятий. Справедливое вознаграждение способствует формированию чувства удовлетворенности, блага, тогда как несправедливое подкрепление вырабатывает чувство сожаления и неудовлетворенности. Субъективные эффекты воспринимаемой несправедливости становятся еще одной причиной подчеркивания социальных компаративных аспектов подкрепления.

Косвенное подкрепление

Косвенное подкрепление возникает тогда, когда наблюдатели усиливают определенное поведение, которое, как они могли видеть, подкреплялось у других людей. Результаты многочисленных исследований в общем случае показывают, что вознаграждаемое моделирование более эффективно. Чем просто моделирование, благоприятствующее аналогичным формам поведения. Наблюдаемые позитивные последствия наиболее вероятно благоприятствуют адаптации того поведения, которое имеет неприятные аспекты и, следовательно, нуждается в побуждении для своего осуществления. Можно сослаться только на несколько примеров из лабораторных исследований, когда люди принимали высокие стандарты исполнения, которые уменьшали самоудовлетворение, они выбирали непредпочтительную пищу, жертвовали материальным благополучием, разглашали свои личные проблемы, осуществляли такие действия, которые раньше вызывали у них сопротивление с большей готовностью, если видели, что модели получают похвалу за осуществление такого поведения, чем в том случае, когда модели не получали признания за свои действия. Однако объем того влияния, которое оказывают наблюдаемые последствия, изменяется в зависимости от того, насколько высоко наблюдатели оценивают результаты и моделируемые типы поведения.

Когда другие люди предаются приятным занятиям, которые обычно сдерживаются социальными запретами, то наблюдение за таким безнаказанным поведением усиливает аналогичное поведение до такой степени как и в случае, если модели вознаграждаются (Bandura, 1965; Walters & Parke, 1964; Walters, Parke & Cane, 1965). Поскольку последствия проявляют свою значимость относительно, то отсутствие ожидаемого негативного результата действительно является значимым последствием. Те индивидуумы, которые ожидали наказания, но получили прощение, вряд ли будут вести себя так, как будто они не получили вознаграждения. Если ожидаемые последствия осуществляются, то наблюдаемое отсутствие вознаграждения, вероятно, действует как позитивное подкрепление в контексте ожидаемого наказания или как наказание в контексте ожидаемого вознаграждения.

Косвенное наказание

Поведение может как усиливаться, так и подавляться наблюдаемыми последствиями. В процессе косвенного наказания наблюдаемые негативные последствия снижают тенденцию вести себя подобным или похожим образом. Этот феномен подвергся тщательному изучению с точки зрения физически агрессивного поведения. Наблюдение за наказанной агрессией обычно приводит к более редкому формированию имитативной агрессии, чем наблюдение за вознаграждаемой агрессией или за агрессией, не повлекшей за собой каких-либо очевидных последствий (Bandura, 1973).

По причине разнообразия и сложности социальных влияний люди не всегда одинаково реагируют на агрессивное поведение. Розекранц и Хартуп (1967) изучали вопрос о том, как наблюдение различных последствий влияет на имитативную агрессию. Те дети, которые наблюдали, как агрессивное поведение систематически вознаграждается, были наиболее агрессивны; те дети, которые видели, что такое поведение систематически наказывается, практически не демонстрировали имитативного поведения; те же, кто видел, что агрессия иногда вознаграждается, а иногда наказывается, проявляли умеренную агрессивность.

Было показано, что косвенное наказание оказывает такое же подавляющее воздействие на трангрессивное поведение. Те люди, которые видели, что модели получают наказание за нарушение определенных запретов, в меньшей степени склонны к трангрессии, чем те, кто мог наблюдать, что моделируемые нарушения либо вознаграждались, либо просто игнорировались (Walters & Parke, 1964; Walters, Parke & Cane, 1965). Результаты компаративного исследования Бентона (1967) показывают, что при некоторых условиях наблюдаемое и непосредственно пережитое наказание оказываются равно эффективными для

подавления трансгрессивного поведения. Дети, которые имели возможность наблюдать, как их ровесники получали наказание за участие в запрещенных видах деятельности, впоследствии демонстрировали такую же степень реактивного торможения в искушающих ситуациях, как и те нарушители, которые получили наказание.

В предыдущих случаях поведение моделей понесло вербальное или физическое наказание со стороны третьих лиц. Во многих случаях модели сами себя наказывают за неуместное поведение, что также оказывает тормозящее воздействие на наблюдателей. Наблюдение за тем, как модели подвергают некоторой критике свое собственное исполнение, как не заслуживающее самовознаграждения, приводит к тому, что у самих наблюдателей снижается тенденция считать себя свободными от действенного вознаграждения за аналогичные достижения (Bandura, 1971 б). Что касается трансгрессивного поведения, Порро (1968) обнаружил, что когда дети могли наблюдать, как модель хвалит себя за нарушение запретов, то 80 процентов из них впоследствии принимают участие в запрещенных видах деятельности, тогда как среди детей, видевших самокритичное отношение моделей к своим нарушениям, только 20 процентов впоследствии демонстрировали трансгрессивное поведение.

Вообще говоря, с помощью непосредственных или опосредованных методов гораздо проще растормозить, нежели подавить поведение. Это происходит потому, что негативные санкции, как правило, применяются по отношению к такому поведению, которое выгодно тому, кто это поведение осуществляет, но которое пресекается ради удобства, безопасности или блага окружающих. Следовательно, не требуется особенно успешного моделирования трансгрессивного поведения, чтобы опосредованно ослабить ограничения на те виды деятельности, которые люди находят лично для себя выгодными. И напротив, гораздо труднее внедрять и поддерживать торможение посредством наказания, если оно включает отказ от функционально выгодного поведения.

Поучительное наказание и средства сдерживания

Легальные системы устрашения и сдерживания в значительной степени зависят от тормозящего воздействия поучительного наказания. Угроза и пример наказания предназначаются для того, чтобы выполнять обширные превентивные функции по сдерживанию людей, если они попадают в такие обстоятельства, которые подталкивают их к осуществлению трансгрессивного поведения (Packer, 1968; Zimring, 1973).

Как мы уже видели, наблюдаемое наказание может усилить торможение, связанное с запрещенным поведением. Тем не менее моделирующие влияния могут также понизить сдерживающую эффективность устрашающих правовых последствий. Шансы того, что криминальное поведение будет раскрыто и наказано, являются относительно низкими. В тех областях, где правонарушения являются общепринятой нормой, люди прекрасно знают о множестве совершенных преступлений, которые никогда не были раскрыты и наказаны. Подобное воздействие примера безнаказанных нарушений способствует усилению трансгрессивного поведения у наблюдателей.

Наказание, которое происходит редко и бессистемно, оказывает особенно слабое сдерживающее воздействие на тех людей, для которых возможности обретения ценного вознаграждения в значительной степени ограничиваются антиобщественными средствами. Наблюдаемое наказание является одновременно и информативным, и сдерживающим фактором. Когда другие возможности отсутствуют, а запрещенное поведение обладает определенным шансом на успех, то зрелище чужих неудач скорее способно сподвигнуть людей на дальнейшее совершенствование запрещенного поведения с целью повышения его шансов на успех, нежели удержать от такого поведения.

Систематическое изучение сдерживающего воздействия поучительного наказания, возможно, покажет, что оно является наиболее эффективным средством по отношению к тем, кто менее всего в этом нуждается. Сюда входят те люди, которые ведут правильную и

полезную жизнь, при которой криминальные альтернативы рассматриваются как непривлекательные; кто занимает в своем сообществе настолько высокое положение, что для них не представляет смысла рисковать им и навлекать на себя все опасности, связанные с опустошительными последствиями криминальной деятельности; кто в наименьшей степени подвержен возможности наблюдать примеры безнаказанных нарушений. Для тех же, кто лишен социально приемлемых средств получения желаемого, наилучшим способом предотвращения правонарушений является разумное сочетание сдерживания с культивацией более функциональных альтернатив. В основном законопослушное поведение основывается на сдерживании посредством предпочтения общественно-полезных занятий, нежели на угрозе правовых санкций.

Сравнительная эффективность прямых и косвенных последствий

Эффекты научения

Относительная эффективность наблюдаемых или непосредственно пережитых последствий частично зависит от того, измеряется ли она в терминах научения или исполнения. Придерживаясь того способа действий, который основан на успехах и неудачах других людей, наблюдатели в общем случае обучаются даже быстрее, чем сами исполнители. Это особенно справедливо в тех случаях, когда задание в большей степени зависит от концептуальных, нежели от мануальных навыков (Berger, 1961; Hillix & Marx, 1960; Rosenbaum & Hewitt, 1966). Нетрудно понять причины относительного превосходства косвенного подкрепления. Исполнители могут сталкиваться с затруднениями при выявлении взаимосвязи между действиями и результатами, поскольку они должны посвятить какую-то часть своего внимания выработке, отбору и осуществлению действий, а также реакциям на те последствия, которые возникают в результате этих действий. С другой стороны, наблюдатели могут полностью уделить все свое внимание поиску правильного решения.

Наблюдаемое наказание, как правило, выступает в роли ингибитора поведения, но оно может способствовать научению именно тем действиям, которые подвергаются наказанию, путем усиления и концентрации внимания на этих действиях. При условии достаточно низкого исходного уровня внимания наблюдаемое вознаграждение, равно как и наблюдаемое наказание, усиливает уровень внимания к моделируемому поведению, что в свою очередь улучшает научение через наблюдение (Yussen, 1973). Кроме того, наблюдаемые последствия, вероятно, способствуют скрытому внутреннему повторению подкрепляющих реакций, необходимых для усвоения и дальнейшего сохранения информации. Тем не менее негативные последствия не всегда усиливают внимание и повторение. Если последствия достигают дистрессовых уровней, то результаты, переживаемые моделями, наиболее вероятно, приведут к избеганию, чем к бдительности (Bandura & Rosenthal, 1966). Наблюдатели часто могут достаточно легко избежать того, чего не могут избежать исполнители.

Мотивационные эффекты

Непосредственные побуждения обладают большей мотивирующей силой, нежели косвенные, если речь идет о том, чтобы поддерживать определенное поведение в течение достаточно длительного периода времени. Например, вряд ли можно посоветовать работодателям поддерживать высокую производительность своих сотрудников путем наблюдения за тем, как небольшая группа передовиков производства в конце месяца получает заработную плату. Вознаграждение других людей может на какое-то время усилить восприимчивость, но маловероятно, что оно обладает достаточной силой для поддержания устойчивого поведения. Наблюдение за результатами других людей, тем не менее, способно

оказать существенное влияние на эффективность непосредственно пережитых последствий. Поскольку как прямое, так и косвенное подкрепление в повседневной жизни неизбежно происходят совместно, то основной интерес представляет именно их совместное воздействие, нежели независимое влияние каждого из них в отдельности.

Взаимодействие наблюдаемых и непосредственно переживаемых последствий

Косвенное подкрепление внедряет компаративные процессы суждений в действие подкрепляющих влияний. Это означает, что наблюдаемые последствия, применяемые по отношению к другим людям, формируют стандарт суждения о том, является полученное индивидуумом подкрепление справедливым, полезным или несправедливым. Таким образом, один и тот же результат может восприниматься как вознаграждение и как наказание — в зависимости от того, какой образец наблюдаемого подкрепления используется для сравнения.

Психологическое воздействие различных типов прямого или косвенного подкрепления привлекло удивительно мало внимания, несмотря даже на превалирующее значение их совместного влияния. Те люди, которые в свое время получали как прямое, так и косвенное подкрепление, способны дольше обходиться без вознаграждения, чем те, кто получал только прямое подкрепление. Неблагоприятные различия между уровнями наблюдаемых и непосредственно полученных результатов могут временно интенсифицировать исполнение (Bruning, 1965). Реакции на продолжающиеся несправедливые условия подкрепления, тем не менее, являются более разнообразными.

В тех случаях, когда складываются прискорбные условия и процедуры, а все жалобы рискуют остаться без внимания, люди предпринимают шаги для устранения несправедливости. Те, кто подвергается принуждению, сам может прибегнуть к принудительным мерам, чтобы силой внедрить требуемые улучшения (протесты, забастовки, бойкот). В условиях ограниченной силы и угрожающих последствий протеста недовольные смиряются с несправедливым обращением (Bandura, 1973). Когда несправедливо не вознагражденные люди видят, что они попали в ловушку сложившейся неудовлетворительной ситуации по причине отсутствия лучших альтернатив, они отвечают на эксплуатацию снижением производительности или качества работы.

Несправедливые условия подкрепления часто оказываются социально обусловленными и получают различные оправдания, направленные на то, чтобы снизить их негативное воздействие. Когда люди согласно традиции разделяются на социальные уровни и получают вознаграждение согласно занимаемому положению, а не исполнению, они склонны принимать несправедливое подкрепление. Люди терпят произвольную несправедливость, если тем, кто не получает достойного вознаграждения, внушается мысль о том, что они не заслуживают равного к ним отношения. Несправедливость, оправдываемая внешним убеждением, оказывает на личность гораздо более разрушительное воздействие, нежели добровольно признаваемая несправедливость, поскольку она приводит к формированию низкой самооценки у тех, кто подвергается несправедливому отношению.

Негативная реакция на несправедливое подкрепление, даже если оно признается как безусловная данность, может также быть ослаблена сознанием временности происходящего: если люди видят, что нынешняя несправедливость будет в обозримом будущем исправлена, то она начинает казаться им менее отвратительной. Принимая во внимание множество факторов, которые определяют реакцию на несправедливое подкрепление, невозможно полностью прогнозировать поведение на основании простого реляционного коэффициента, связывающего наблюдаемые и непосредственно переживаемые результаты.

Объяснения косвенного подкрепления

Теория социального научения устанавливает некоторые механизмы, с помощью которых наблюдаемые вознаграждения и наказания вносят изменения в мысли, чувства и действия других людей (Bandura, 1971 б). События, подразумевающие косвенные последствия, могут варьироваться по различным параметрам — включая тип моделируемого поведения, характеристики моделей и вспомогательных средств подкрепления, тип и интенсивность последствий, их обоснованность, контекст, в котором они случаются и реакции моделей на получаемые ими результаты. Количество и типы механизмов, действующих в каждый конкретный момент времени, таким образом, зависят от конкретной комбинации сложившихся обстоятельств.

Информативная функция

Ответные последствия, переживаемые другими людьми, доносят до наблюдателей информацию о типах действий, которые вероятно могут быть вознаграждены или негативно санкционированы. Приобретая посредством наблюдения знание о возможных ответных последствиях, люди склоняются к тому, чтобы осуществлять действия, которые принимаются хорошо, и избегать того, что является, по их собственным наблюдениям, наказуемым. Влияние наблюдаемых последствий, вероятно, может оказаться более слабым, если у наблюдателей есть основания полагать, что существуют такие факторы, как различия в возрасте, общественном положении, социально-обусловленных ролях и сексуальные различия, которые являются приемлемыми для моделей, но могут оказаться неуместными для них.

Одно и то же поведение может иметь совершенно различные последствия в зависимости от сложившихся обстоятельств, в которых это поведение осуществляется, от тех лиц, на которых оно направлено, а также от времени. То, что допускается при одних обстоятельствах, может оказаться предосудительным при других. Когда другие люди вознаграждаются за определенное поведение в определенном контексте, но информируются или наказываются за такое же поведение в другой ситуации, наблюдатели получают информации о соответствующих аспектах окружения, которые определяют, как аналогичное поведение, вероятно, будет воспринято (McDavid, 1964; Wilson, 1958). Как результат, косвенное подкрепление позднее усиливает реактивность в тех обстоятельствах, которые сулят благоприятное отношение, и ослабляет реактивность, если сложившиеся обстоятельства предвещают наказание.

Мотивационная функция

Наблюдаемое подкрепление не только информирует, но также и мотивирует. Подкрепление других может действовать как мотиватор посредством возбуждения у наблюдателей ожиданий того, что они смогут получить подобные блага при достижении в своей деятельности сравнимых показателей.

Вариации в количестве, типе и частоте наблюдаемых последствий несут эквивалентную информацию о видах деятельности, которые приводят к получению определенных результатов. Однако такие различия в побуждениях могут оказывать различное мотивирующее воздействие, отражением которого являются интенсивность и устойчивость поведения самих наблюдателей. Как правило, наблюдатели более устойчивы перед лицом неудачи, если они видели, что усилия других людей вознаграждались только от случая к случаю, чем если они наблюдали непрерывное подкрепление (Berger, 1971; Borden & White, 1973).

Функция эмоционального научения

Модели в основном выражали свои эмоциональные реакции во время вознаграждения или наказания. Наблюдатели легко возбуждаются при эмоциональной экспрессии других. Ранее было показано, как опосредованное возбуждение может быть вызвано либо моделируемым поведением, либо теми признаками окружения, которые регулярно ассоциируются у исполнителя с дистрессовыми реакциями. После того, как происходит усвоение таких совокупностей условий, появление прогнозирующих признаков само по себе способно вызвать у наблюдателя страх и торможение.

Страх и торможение можно ослабить, равно как и усилить через наблюдение ответных последствий. Психотерапевтическое применение моделирования предоставляет наиболее яркие примеры этого процесса. Наблюдение за моделями, которые принимают участие в опасных видах деятельности, без видимых неприятных последствий, сначала вызывает сильное эмоциональное возбуждение, которое при повторном наблюдении постепенно снижается. Чем более тщательно происходит опосредованное подавление страха, тем более ослабляется защитное поведение и тем более общими становятся изменения в поведении (Bandura & Barab, 1973; Blanchard, 1970б). Эти открытия указывают на то, что некоторые изменения являются результатом наблюдения аффективных последствий, которые частично объясняются косвенным научением и угасанием эмоционального возбуждения.

Функция оценки

Поведение частично определяется предпочитаемыми ценностями. Личные ценности наблюдателя могут развиваться, а ранее существовавшие ценности могут претерпевать изменения как результат подкрепления моделируемого поведения. Дети с гораздо большей готовностью вырабатывают у себя хорошее отношение к тем вещам, которые им раньше не нравились, если они видят, что пристрастия моделей вознаграждаются, чем если они не вознаграждаются (Barnwell, 1966). Устойчивое отвращение к некоторым вещам у взрослых может быть изменено на нейтральное или даже благосклонное отношение посредством моделирования позитивных реакций на неприятные предметы (Bandura, Blanchard & Ritter, 1969; Blanchard, 1970а).

В вышеупомянутых исследованиях примерные последствия изменяли оценку наблюдателем тех предметов, которые использовались моделями. Некоторые поведенческие изменения, сопровождающие наблюдаемые результаты, могут быть привнесены посредством модификации самого статуса модели. Те индивидуумы, которые обладают высоким статусом, чаще имитируются, чем те, кто занимает подчиненное положение. Статус переносится на человека таким же способом, каким подкрепляется его поведение (Hastorf, 1965). Наказание имеет тенденцию обесценивать модель и ее поведение, однако те же самые модели становятся объектом подражания, если их действия хорошо принимаются.

При некоторых обстоятельствах наблюдаемое наказание не только не снижает, но даже повышает социальный статус модели. Те люди, которые подвергают себя опасности наказания ради убеждений или поведения, представляющих для представителей определенной группы или диссидентов существенную ценность, бросают вызов общепринятым в данном обществе ценностям, чем заслуживают восхищение окружающих. Именно по этой причине представители власти стараются с осторожностью обращаться с диссидентами или нарушителями, чтобы не превратить их в жертвы режима.

Наблюдаемые последствия могут изменить у наблюдателя оценку как вспомогательных средств подкрепления, так и самих реципиентов. Люди, которые слишком щедро расточают вознаграждения, могут восприниматься как неискренние, пытающиеся втереться в доверие или испытывающие недостаток в стандартах — что в свою очередь ослабляет их влияние. Оценки меняются еще сильнее при применении власти в целях наказания. Сдержанное и принципиальное использование принуждения вызывает уважение. Когда официальные

власти злоупотребляют своим положением, а именно в плане вознаграждения или наказания, они тем самым подрывают основы легитимности своей собственной власти и вызывают сильное негодование. Таким образом, несправедливое наказание, наиболее вероятно, вырабатывает у наблюдателей протест, нежели согласие.

Функция восприимчивости к влиянию

Люди обычно могут наблюдать не только сами последствия, переживаемые моделями, но и то, каким образом модели реагируют на обращение с ними. Предъявляемая в качестве примера реактивность является составной частью косвенного подкрепления, которое также должно учитываться при объяснении воздействия наблюдаемых результатов. Восприимчивость наблюдателя к изменениям под влиянием непосредственного подкрепления может повышаться в результате предварительного наблюдения за восприимчивостью моделей или снижаться, если модель оказывает сопротивление. Дитрих, Саймон и Грин (1967) выявили факты, подтверждающие эту точку зрения. Они выяснили, что у наблюдателей усиливается вознаграждаемое поведение, если они ранее видели, что модели позитивно реагировали на вознаграждение, и в то же время они остаются равнодушными к позитивному подкреплению после того, как видят, что модели сопротивляются аналогичным попыткам оказать на них влияние.

Несмотря на то, что вся предыдущая дискуссия касалась возможных механизмов влияния опосредованных последствий на наблюдателей, альтернативное объяснение применимо также и к тому, как непосредственное подкрепление влияет на действия исполнителей. Подкрепление доносит до исполнителей информацию о типах реакций, которые являются уместными; избирательное подкрепление направляет внимание исполнителя на характерные признаки окружения, определяющие возможные последствия различных видов поведения; ранее пережитые последствия и результаты формируют ожидания, которые мотивируют действия, направленные на получение желаемого вознаграждения или на избежание неприятного, болезненного результата; пережитый наказывающий опыт может сообщить о тех личностях, местах и предметах, которые являются угрожающими, и тормозит реактивность; неоднократные успехи и неудачи могут изменять самооценку людей таким образом, чтобы повлиять на их решимость и стремление принять участие в поведении, не совместимом с их самоустановками; и наконец, отношение к человеку может изменить эффективность влияния на него со стороны тех, кто это влияние оказывает, за счет формирования их привлекательного или отталкивающего образа.

Самоподкрепление

Наша дискуссия до сих пор анализировала то, как поведение регулируется внешними последствиями, которые наблюдаются или переживаются лично. Если бы действия определялись исключительно внешним вознаграждением и наказанием, то люди вели бы себя подобно флюгерам, постоянно меняя направления, чтобы приспособиться к сиюминутным влияниям, набрасывающимся на них. Они будут поступать непорядочно с беспринципными индивидуумами и достойно с честными, либерально с либералами и догматично с авторитариями.

Однако изучение социальных взаимодействий — независимо от сильного принудительного давления — показывает, что люди твердо придерживаются идеологических позиций, нежели проявляют податливость и меняют свое поведение. Любой, кто попытается превратить пацифиста в агрессора или истово религиозного человека в атеиста, довольно быстро сможет прийти к выводу о существовании персонального источника контроля за поведением.

Представление о том, что поведение регулируется своими последствиями, обычно неправильно истолковывается в том смысле, что действия отдаются на милость

ситуационных влияний. Теории, которые объясняют человеческое поведение исключительно как продукт внешнего вознаграждения и наказания, представляют сильно урезанный образ человека, поскольку он обладает самореактивными способностями, которые позволяют ему осуществлять некоторый контроль над своими собственными чувствами, мыслями и действиями. Таким образом, поведение регулируется взаимодействием самоиндуцируемых и внешних источников влияния.

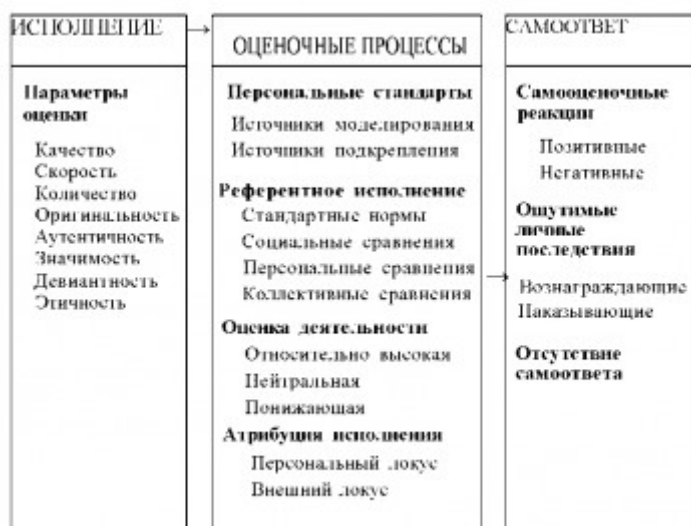
Поведение в общем осуществляется в отсутствие непосредственного внешнего подкрепления. Некоторые виды деятельности поддерживаются антиципирующими последствиями, но большинство все-таки находится под контролем самоподкрепления. В этом процессе люди устанавливают для себя определённые стандарты поведения и реагируют на свои же собственные действия в духе самовознаграждения или самонаказания.

Процесс сочинительства является характерным примером поведения, которое в течение длительного времени саморегулируется посредством оценочного самоподкрепления. Писателям не нужно, чтобы кто-то сидел рядом, избирательно подкрепляя каждый написанный фрагмент, до тех пор пока не получится удовлетворительная рукопись. Вместо этого у них имеется некий стандарт того, чем определяется приемлемый уровень выполненной работы. Идеи рождаются и облекаются в слова много раз, прежде чем что-то будет перенесено на бумагу. Исходные конструкции неоднократно пересматриваются, пока автор не будет вполне удовлетворен тем, что написано. Чем больше требований предъявляется к персональным стандартам, тем более обширными становятся и вносимые корректирующие усовершенствования. Саморедактирование часто превосходит внешние требования, определяющие приемлемость написанного для других. Действительно, многие оказываются настолько придирчивыми редакторами собственных произведений, что в значительной степени парализуют свой собственный творческий процесс. Другие же писатели, не обладающие столь развитыми требованиями, вносят лишь небольшие изменения.

Благодаря своей символизирующей и самореактивной способности люди в меньшей степени зависят от непосредственной внешней поддержки своего поведения. Включая процессы самоподкрепления в теорию научения существенно усиливается объяснительная сила принципов подкрепления в применении к жизнедеятельности человека.

Составляющие процесса саморегуляции

Самоподкрепление ссылается на процесс, суть которого заключается в том, что индивидуумы усиливают и поддерживают свое собственное поведение, вознаграждая себя поощрениями, над которыми они имеют контроль всякий раз, как они достигают установленных ими самими стандартов. Так как поведение может также быть ослаблено негативными самореакциями, широчайший термин саморегуляция, может применяться для обозначения как усиливающегося, так и ослабевающего воздействия самореактивных влияний.

ения самопродуцируемыми

andura, 1976с) саморегулируемое ; свою мотивационную функцию. сением определенного уровня (ения, продолжая прилагать усилия до установленным ими самими (ями самомотивации будет изменяться кже с природой стандартов процесса, вносящие свой вклад в

саморегуляцию поведения через самоуправляемые побуждения.

Поведение может варьироваться по ряду оценочных параметров — некоторые из них перечислены в таблице.

Значимость этих параметров будет варьироваться согласно деятельности. Например, показателем успеха на беговой дорожке является скорость. Ориентированные на достижения виды деятельности оцениваются на основании качества, количества или оригинальности. Социальное поведение судят по таким параметрам, как аутентичность, значимость и девиантность. И это далеко не все.

Поведение вырабатывает самореакции через самооценочную функцию, которая включает несколько вспомогательных процессов. Так, данное исполнение будет восприниматься как заслуживающее вознаграждения или наказания, в зависимости от персональных стандартов, относительно которых оценивается. Действия, которыми измеряются внутренние стандарты, порождают позитивные оценки, в то время как те, которые бывают недостаточными, оцениваются негативно.

Для большинства видов деятельности не существует абсолютных мер адекватности. Время, за которое можно пробежать милю, количество заработанных баллов или размер благотворительного взноса сами по себе не несут достаточной информации для самооценки. Когда адекватность определяется относительно, то исполнение оценивается посредством сравнения собственных результатов с результатами других людей. Так например, студент, который получил на экзамене 115 баллов и который желает войти в первые десять процентов группы, не имеет никаких оснований для формирования положительной или отрицательной самооценки, если ему не известны достижения остальных студентов. В показателях, измеряемых социальными критериями, при оценке собственных достижений для вынесения суждения требуется реляционное сравнение по крайней мере трех источников информации: абсолютного уровня исполнения, личностных стандартов и социального сравнения.

Референтные сравнения могут принимать различные формы для различных видов деятельности. Для некоторых регулярных занятий стандартные нормы, основанные на репрезентативных группах, используются для определения относительного собственного уровня. Намного чаще, однако, люди сравнивают себя со своими коллегами в аналогичных ситуациях. Таким образом, суждение об уровне исполнения по существу изменяется в зависимости от уровня способностей тех, кто выбран в качестве основы для сравнения: самооценка повышается, когда происходит сравнение с другими, менее способными, и понижается, когда достижения более талантливых используются для определения относительного стандарта адекватности.

Предшествующее поведение служит основанием для оценки собственных поступков. В этом процессе именно самосравнение обеспечивает меру адекватности. Прошлые исполнения определяют самооценку главным образом через свое воздействие на установление стандартов. После достижения заданного уровня исполнения желание удовлетворяется и идет поиск нового самоудовлетворения через постепенное совершенствование. Люди стремятся повышать стандарты исполнения после достижения успеха и снижать их до более реалистического уровня в результате повторяющихся неудач.

Весьма популярным является мнение о том, что практика социального научения должна быть структурирована таким образом, чтобы люди начали выносить суждения о себе, основываясь исключительно на своих собственных способностях и стандартах, а не сравнивая себя с другими. Тем не менее в конкурентных, индивидуалистических обществах, где успех одного человека означает неудачу другого, социальное сравнение отчетливо отражается в самооценке. Те стандарты, на основании которых выносятся суждения о поведении, принимают совершенно иные формы в обществах, построенных на коллективистской этике. При таких условиях процессы сравнения по-прежнему оказывают влияние с некоторым постоянством, но самооценка производится в основном в терминах своего относительного вклада в дело достижения общих целей и уровня, достигнутого всем

коллективом в целом.

Другой фактор самооценочного компонента саморегуляции касается оценки определенных видов деятельности. Люди не сильно заботятся о том, как они выполняют определенные виды деятельности, которые малозначимы или совсем не значимы для них. И малейшее усилие тратится на девальвацию деятельности. Именно в областях, влияющих на собственные благополучие и самоуважение, самооценки порождают персональные последствия.

Самореакции будут также меняться в зависимости от того, как воспринимаются детерминанты такого поведения. Люди гордятся своими достижениями, когда они приписывают успехи своим собственным способностям и усилиям. Однако они получают мало самоудовлетворения от поведения, которое, по их мнению, определяется внешними факторами. Это справедливо и в том случае, когда судят о неудачах или о поведении, заслуживающем порицания. Люди самокритично реагируют на неадекватное исполнение, за которое они считают себя ответственными, но не делают этого, когда полагают, что последствия объясняются неблагоприятным стечением обстоятельств или недостаточными способностями. Далее в этой главе будут представлены доказательства того, как люди, отделяя самооценочные последствия от своего неправильного поведения реструктурирующими действиями, искажают их воздействия или же маскируют для этого ответственность.

Самооценка исполнения определяет основание для самопроизводимых последствий. Благоприятное суждение порождает вознаграждаемые самореакции, тогда как неблагоприятная оценка активизирует наказывающие самореакции. Исполнение, которое рассматривается как не имеющее персональной значимости, не производит каких-либо реакций ни одним, ни другим способом. В основном человеческое поведение регулируется посредством самооценочных последствий, как по-разному выражающих самоудовлетворение, самоуважение, самонеудовлетворенность и самокритику. Люди также заставляют себя делать вещи, которые в противном случае откладывают, делая осязаемыми результаты обусловливания при достижении цели.

Несмотря на то, что как осязаемые, так и оценочные последствия могут отдельно оказывать влияние на поведение, их нельзя считать полностью независимыми друг от друга. Достижение цели ради ощутимых преимуществ вероятно активизирует позитивные самооценки. А самооценочные реакции приобретают и сохраняют свою вознаграждающую и наказывающую ценность через корреляцию с осязаемыми последствиями. То есть люди готовы вознаградить себя, когда они обретаю чувство законной гордости, и, напротив, они сами себя наказывают, когда судят себя самокритично.

Установление саморегулятивных функций

Стандарты поведения, определяющие реакции самоподкрепления, могут устанавливаться либо при научении, либо при моделировании. Люди учатся оценивать свое собственное поведение частично на основании того, как другие реагируют на него. Взрослые требуют соблюдения определенных стандартов достойного поведения. Как правило, они благосклонны, когда дети достигают или превосходят значимые стандарты, и разочаровываются, когда их поведение не соответствует значимому уровню. Как результат таких дифференцированных реакций, дети со временем начинают реагировать на свое поведение в духе самопохвалы и самокритики, в зависимости от того, как их сравнения значимых стандартов воспринимаются другими. Воздействие непосредственного научения на самоподкрепляющее исполнение показано в исследовании, проведенном Канфером и Марстоном в 1963 году. Взрослые, к которым относились снисходительно, впоследствии самовознаграждали свое собственное исполнение более щедро, чем те, к кому применялись строгие правила научения, несмотря на то, что фактические достижения обеих групп были сравнимы.

Люди не только предписывают другим самооценочные стандарты, они также подают пример, когда реагируют на свое собственное поведение. Влияние моделей в передаче дифференцированных стандартов, которые обеспечивают основу для самоподкрепляющихся реакций, привлекло к себе серьезное внимание. В тех парадигмах, которые стандартно использовались для изучения этого процесса, дети наблюдали выполнение моделью заданий, с помощью которых модель усваивала либо высокие, либо низкие стандарты исполнения для самовознаграждения. Когда модели достигали или превышали заданный уровень исполнения, они получали личное удовлетворение, они вознаграждали себя материально или громкой похвалой, но когда они не соответствовали своим самопредписанным требованиям, они сами добровольно отказывались от заманчивого вознаграждения и реагировали самокритично. Наблюдатели позднее выполняли задание самостоятельно и уровни исполнения, за которые они вознаграждали или наказывали себя, — регистрировались.

Результаты исследования показали, что дети стремятся усвоить оценочные стандарты моделирования других, они оценивают свое собственное исполнение относительно этих стандартов и таким образом подкрепляют себя (Bandura & Kupers, 1964). Когда они наблюдают за моделями, которые устанавливают высокие стандарты, дети вознаграждают себя только тогда, когда они достигают превосходного исполнения; тогда как другие дети, наблюдающие за моделями, считающими посредственные достижения достаточными, подкрепляют себя за минимум исполнения. Поведенческие стандарты взрослых аналогичным образом подвержены моделирующему влиянию (Marston, 1965).

Ряд факторов избирательного характера определяет типы самооценочных стандартов, которые будут выбраны из всего разнообразия моделирующих влияний. Неравенство в компетентности между моделями и наблюдателями является одним из таких факторов. Как правило, люди более охотно отдают предпочтение тем моделям, которые близки к ним по уровню своих способностей, по сравнению с высоко дивергентными моделями, поведение которых можно воспроизвести только через волевое усилие. В исследовании, проведенном Бандурой и Уэйленом (1966), дети легко усваивали стандарты, показанные моделями с низким уровнем достижений, которые были вполне удовлетворены даже посредственным исполнением или же показанные моделями умеренной компетентности, которые устанавливали стандарты самовознаграждения, достижимые детьми. Однако дети отвергали завышенные стандарты высококвалифицированных моделей и вместо них выдвигали свои собственные требования, соответствующие их достижениям.

Если самоудовлетворение обуславливается высокими достижениями, то для того, чтобы добиться вознаграждаемого уровня поведения, требуется затратить значительное количество времени и приложить много усилий. Таким образом, вполне понятным становится нежелание придерживаться высоких стандартов. И тем не менее, это естественно для людей, придерживающихся высоких стандартов. И в самом деле, во многих организациях, включая университеты и различные профессиональные ассоциации, высоко популярны такие люди, которые получают самоудовлетворение только при достижении самых высоких результатов при решении тех сложных задач, которые они перед собой ставят.

Высокие стандарты широко копируются, несмотря на некоторый обескураживающий эффект, поскольку они аккуратно культивируются посредством социального вознаграждения. Людей хвалят и почитают за поддержание образцовых стандартов и критикуют за самовознаграждение неважного исполнения. Кроме прямых последствий, косвенное подкрепление служит источником социальной поддержки стандартноустановленного поведения. Публичное признание достигнутого совершенства побуждает других к соревнованию.

Социальная среда содержит многочисленные моделирующие влияния, которые могут быть совместимыми или конфликтующими. Как будет показано позднее, социальный перенос стандартов облегчается согласованностью в моделировании. Воздействия, которые многократное моделирование оказывает на социальное научение, очень часто обсуждаются в контексте противоречивых влияний взрослых и ровесников. По уже упомянутому ранее

причинам при возникновении конфликта дети скорее склонны принимать стандарты, установленные их ровесниками. Поскольку стандарты взрослых могут быть высоко релевантными, то те дети, которые их придерживаются, могут вынести критическое суждение своим низким достижениям и испытают сильное саморазочарование.

Условия, благоприятные для подражания стандартам, обычно складываются при сочетании различных факторов. Способ, которым многочисленные влияния воздействуют на усвоение стандартов самовознаграждения, выявляется в эксперименте, проведенном Бандурой, Грузеком и Менловом (1967). Дети, которые наблюдали только взрослые модели, придерживающиеся точных стандартов исполнения, были менее склонны вознаграждать себя за низкие достижения, нежели те, кто наблюдал противоречивые стандарты, — высокие, установленные взрослыми, и низкие, установленные ровесниками. Дети с большей готовностью предъявляли высокие требования к исполнению, самовознаграждая себя, когда они видели, что взрослые модели получали похвалу за приверженность к высоким стандартам. Кроме того, те дети, которые испытывали снисходительное отношение взрослых моделей, были менее требовательны к себе.

В этом исследовании анализ различных комбинаций детерминант показывает, что ожидаемая тенденция моделирования ровесников ослабляет силу взрослого моделирования, встречая противодействие через наблюдаемое социальное признание установленных высоких стандартов поведения. В целом наиболее точные стандарты усваивали те дети, для которых все три условия оказывались преобладающими: они наблюдали социальное признание, заслуженное взрослыми моделями за поддержание высоких стандартов, они не наблюдали противоречивых возрастных норм у ровесников, и взрослые модели не проявляли к ним снисходительности. В таких социальных условиях дети редко рассматривают исполнение ниже взрослых стандартов, заслуживая самовознаграждение, даже если они не часто достигают или превосходят этот уровень. Усвоение и постоянная приверженность к нереалистично высоким самооценочным стандартам выглядит особенно удивительно, если учесть, что дети выполняли все задания самостоятельно и свободно вознаграждали себя по желанию, тем более что рядом не было никого, кто мог бы судить их действия. И наоборот, дети не соблюдали точных стандартов, когда они моделировали в контексте снисходительности взрослых, возрастной самоснисходительности и при отсутствии косвенного подкрепления.

Процесс обучения стандартам является сложным по причине несовместимости типов самооценочных реакций, демонстрируемых разными людьми, или теми же индивидуумами при других обстоятельствах. Наблюдатели должны сами обработать противоречивую информацию и окончательно определить персональный стандарт, относительно которого измеряется их собственное исполнение. Такие проявления непоследовательности с большей степенью вероятности порождают противоречия в моделировании, когда люди знают, что ожидается, но видят, что другие по-разному придерживаются установленных стандартов. Расхождения в моделирующих влияниях снижают усвоение высоких стандартов (Allen & Liebert, 1969; Hildebrant, Feldman & Ditrachs, 1973), но относительная потенциальность влияний определяется целым рядом интерактивных факторов. Некоторые из них включают характеристики самих показателей, такие как их ориентация на достижения и их склонность воспринимать события как бытие, нежели персонально или внешне предопределяемые (Soule & Firestone, 1975; Stouwie, Hetherington, & Parke, 1970).

Хотя стандарты могут быть переданы либо через пример, либо только через научение, эти два способа влияния обычно действуют совместно. Люди далеко не всегда поступают в жизни так, как сами проповедают. Например, в хорошо известных ситуациях некоторые родители ведут строгий образ жизни, но снисходительны, когда говорят о своих детях. Другие самоснисходительны, но зато надеются, что их дети придерживаются строгих стандартов достижения, требующих длительной работы и самопожертвования. Противоречия между тем, чему учат, и тем, что периодически заново моделируется, в иных ситуациях хорошо известны.

Перенос стандартов изучался при таких условиях, когда взрослые предъявляли детям либо высокие, либо низкие требования к исполнению, при этом требуя многого или малого от себя ради самовознаграждения (McMains & Liebert, 1968; Rosenhan, Frederick & Burrowes, 1968). Открытия показали, что дети склонны усваивать строгие требования, предъявляемые к исполнению и скромно вознаграждать себя, когда высокие стандарты последовательно устанавливались и моделировались. Когда взрослые как в жизни, так и при обучении проявляли снисходительность, дети получали самоудовлетворение от посредственного исполнения и вознаграждали себя за такие достижения.

Противоречивая практика, при которой модели устанавливают строгие стандарты для других, но снисходительны по отношению к себе, или, напротив, устанавливают для себя более высокие стандарты, чем для других, снижает вероятность того, что высокие стандарты самовознаграждения будут усвоены. Из двух типов расхождений лицемерная форма имеет более сильное негативное воздействие. Снисходительность по отношению к себе на фоне строгой требовательности к окружающим резко снижает привлекательность модели и усиливает отторжение пропагандируемых ею стандартов (Ormiston, 1972).

Обобщение исполнительных стандартов самовознаграждения

Формирование стандартов исполнения и практика самоподкрепления будут иметь ограниченное значение, если они не будут обобщаться за пределами специфической активности, для которой и были установлены. Фактически, принципиальной задачей социального развития является перенос общих стандартов поведения, которые могут служить руководством для саморегуляции поведения в разнообразных видах деятельности.

Общие стандарты лучше всего переносятся тогда, когда природа различных видов деятельности меняется, что и происходит, но требуется сходный уровень исполнения для самовознаграждения (Bandura & Mahoney). Таким образом, общий стандарт отделяется от специфической активности, точно так же, как правила отделяются от обстоятельств, которые могут в противном случае различаться в определенных местах. Стандарты до некоторой степени подвергаются обобщениям даже тогда, когда они относятся к единичному заданию. Те дети, которые через моделирование усвоили высокие стандарты исполнения для получения самовознаграждения, стремились применять такие стандарты и позже, в других обстоятельствах (Lepper, Sagotsky, & Mailer). Способ, которым примеры самовознаграждения могут быть переданы через последовательность моделей, показан Мишелем и Либбертом (1966). Дети, которые усвоили высокие стандарты самовознаграждения от взрослых, впоследствии моделировали и применяли такие же стандарты по отношению к своим ровесникам. Марстон (1965) аналогичным образом в ходе эксперимента со взрослыми показал, что наблюдение за тем, каким образом — скупой или щедрый — модели подкрепляют свое исполнение, влияет не только на то, как свободно наблюдатели вознаграждают свое собственное поведение, но также и на то, как щедро они подкрепляют других.

Результаты лабораторных исследований подтверждают полевые исследования, которые включают данные культурного моделирования стандартов (Hughes, Tremblay, Rapoport & Leighton, 1960). В однородных сообществах, в которых доминирующей является этика самосовершенствования, люди придерживаются высокой требовательности к себе, они гордятся своими достижениями и получают от них удовлетворение. И наоборот, в неоднородных сообществах, где более сильно преобладают примеры самоудовлетворения, люди вознаграждают себя свободно и вне зависимости от своего поведения.

Самооценка и феноменология

Анализ теорий поведения в общем представляет собой феноменологический подход, в котором самовосприятие приобретает особое значение, что несовместимо с бихевиоральной

ориентацией, которая исходно не принимает во внимание самооценочные переживания. Теории поведения, разумеется, отличаются друг от друга по предмету изучения. Как мы уже видели ранее, реакции самооценки занимают выдающееся место в теории социального научения. Помимо своей роли побудительных мотивов поведения самооценки представляют интерес сами по себе. Уровень удовлетворенности или неудовлетворенности собой определяется не только достижениями личности, но также и теми стандартами, относительно которых измеряются эти достижения. Исполнение, которое делает одного человека счастливым, может оставить другого глубоко неудовлетворенным, потому что у них различные стандарты. При традиционном методе оценки самовосприятия испытуемым предлагается список оценочных утверждений в форме списка прилагательных, анкеты или опросника, где они должны разместить по рангам те утверждения, которые применимы к ним лично. Затем индивидуальные ответы суммируются, для получения обобщенной картины самовосприятия.

Теория социального научения определяет негативное самовосприятие в терминах склонности к недооценке личностью самой себя, а позитивное самовосприятие выражается в стремлении оценивать себя благосклонно. Поскольку компетенция и оценочные стандарты меняются в зависимости от вида деятельности, то исполнение в различных областях (например, социальной, интеллектуальной, профессиональной и спортивной) — вероятно производит различные самооценки. Например, люди могут высоко оценивать себя в профессиональной области, умеренно позитивно — в области общественных отношений, и негативно — в области спортивных занятий. Самовосприятие личности может различаться даже для различных аспектов одного и того же вида деятельности. По этой причине меры самооценки в конкретных областях жизнедеятельности являются более значимыми, чем единый обобщенный показатель.

Теории личности склонны приписывать вариации в поведении различиям в ценностях, но они не могут дать адекватного объяснения тому, как ценности регулируют поведение. В анализе социального научения способ действия выражается в терминах предпочитаемых побуждений. Люди по-разному ценят одобрение, деньги, материальные приобретения, общественное положение, освобождение от ограничений и так далее. Ценности определяют поведение в том смысле, что ценные побуждения могут мотивировать деятельность, чтобы сохранить себя, тогда как побуждения, не представляющие ценности, ничего не мотивируют. Чем выше значимость побуждения, тем выше уровень исполнения.

Ценность может быть привнесена в саму деятельность, равно как и во внешние побуждения. Как мы уже видели ранее, ценность не существует в поведении сама по себе, но, скорее, присутствует в позитивных и негативных самореакциях, которые вырабатывает. Оценочное самоподкрепление, таким образом, обеспечивает второй механизм, с помощью которого ценности влияют на поведение. Оценочные стандарты представляют ценности; предвосхищение гордости собой или ожидание самокритики за действия, которые соответствуют, или, напротив, не соответствуют, усваиваемым стандартам, служат как регулирующие влияния.

Дисфункциональные системы самооценки

Когда анализ саморегуляции в основном сосредоточен на стандартах исполнения, обусловленной самооценке, мобилизации усилий и тому подобном, процесс проясняет вероятные самозатруднения, которые испытывает. Фактически, развитие самореактивных функций обеспечивает важный и постоянный источник личного удовлетворения, интереса и самоуважения. Достижения в той или иной деятельности способствуют формированию чувства собственной эффективности, повышают интерес к деятельности и дают самоудовлетворение. Без стандартов и оценочной вовлеченности в деятельность у людей нет мотивации, они начинают скучать, впадают в зависимость от сиюминутной внешней стимуляции ради собственного удовлетворения. К несчастью, внедрение строгих стандартов

ради самооценки может также служить постоянным источником личностного дистресса.

Дисфункциональные самооценочные системы являются важными аспектами некоторых форм психопатологии, активизируя избыточные самонаказания или создавая самопродуцируемый дистресс, которые мотивируют различные защитные реакции. Многие из тех, кто обращается за помощью к психотерапевтам, являются талантливыми людьми, свободными от комплексов, но они испытывают сильный личностный дистресс, возникающий из-за чрезмерно высоких стандартов самооценки и неблагоприятных сравнений с моделями, обладающими выдающимися достижениями. Как гласит некая неизвестно кому принадлежащая мудрость: «Если ты сравнишь себя с другими, ты можешь стать тщеславным или печальным: ведь всегда есть кто-то более великий и кто-то более малый, чем ты сам». И все-таки социальные сравнения неизбежны — особенно в тех обществах, которые придают первостепенное значение конкуренции и индивидуальным достижениям. По иронии судьбы, именно талантливые индивидуумы, обладающие высокими стремлениями, реализовать которые возможно, но трудно, особенно уязвимы самонеудовлетворенностью, несмотря на свои выдающиеся достижения. Этот феномен был подмечен и живописно запечатлен Бойдом (1969): «Каждый второй скрипач в оркестре когда-то начинал юным дарованием в бархатных штанишках, ожидая, что наступит день, когда он будет играть на сцене один, среди цветов, бросаемых преданными и восхищенными поклонниками. Сорокапятилетний скрипач, с очками на носу и лысиной на макушке — самый разочарованный человек на свете». Лайнус, член клана «Арахис», также ссылается на этот феномен, когда замечает: «Нет более тяжелого бремени, чем большие возможности».

В этих наиболее крайних формах завышенные стандарты самооценки могут породить депрессивные реакции, хроническую нерешительность, ощущение собственной неполноценности и недостаточную целеустремленность. Чрезмерное самоуничижение фактически является одной из определяющих характеристик депрессии. Как показали Лоеб, Бек, Диггори и Татхилл (1967), взрослые в состоянии депрессии оценивали свое исполнение ниже, чем те, кто не испытывал депрессии, даже при идентичных достижениях. Те, кто переоценивает или принижает свои фактические достижения, оказываются наиболее уязвимыми к депрессии. Лечение, которое способствует точному самонаблюдению, формированию реальных субцелей для позитивной самооценки и самовознаграждению ради достижимых свершений, ослабляет депрессивные реакции (Fuch & Rehm, 1975; Jackson, 1972). Высокие стремления не порождают саморазочарования до тех пор, пока текущие достижения измеряются относительно реальных субцелей, а не в терминах возвышенных конечных целей.

Люди также страдают завышенной самооценкой, когда они утрачивают способность в связи с возрастом или физической травмой, но продолжают придерживаться своих прежних стандартов достижения. Как результат, они настолько резко критикуют собственное исполнение, что в конце концов становятся апатичными и отказываются от деятельности, которая раньше доставляла им так много личного удовлетворения.

Когда персональное поведение становится источником самокритики, защитные реакции, которые отдаляют или уменьшают дискомфорт, посредством этого подкрепляются. Самопродуцируемый дистресс, таким образом, производит условия для развития различных форм девиантного поведения. Некоторые люди, достижения которых доставляют им чувство неполноценности, прибегают к алкоголической самоанестезии; другие ищут убежище в богатом воображении, с помощью которого они в своих фантазиях достигают того, что им недоступно в действительности; многие отказываются от занятий, имеющих самооценочное применение и тяготеют к сообществам, исповедующим нормы, ориентированные на отрицание каких-либо достижений; иные защищают себя от самоосуждения за свои самодоказанные прегрешения, составляя планы преследования и, наконец, трагично спокойные другие, ведомые безжалостным самопрезрением, доведшим до самоубийства. Эрнест Хемингуэй, который покончил жизнь самоубийством, страдал именно от такой им же порожденной тирании (Yalom & Yalom, 1971). В течение всей своей жизни он предъявлял к

себе настолько высокие требования, которые можно было считать невыполнимыми; он принуждал себя к совершению выдающихся подвигов и в то же время постоянно принижал собственные достижения.

Вся предшествующая дискуссия рисует персональные несчастья, которые могут явиться результатами слишком строгих стандартов самооценки. Недостаточные или девиантные стандарты также порождают проблемы, хотя окончательный неблагоприятный эффект будет скорее социальным, нежели персональным. Беспринципные индивидуумы, исповедующие этику вседозволенности, и те, кто гордится своим превосходством в антиобщественной деятельности, охотно осуществляют вредоносное поведение, если их не сдерживают внешние санкции.

Регуляция поведения посредством самопродуцируемых последствий

После того, как индивидуумы усвоят для себя установленные стандарты и выработают условные самореакции, они могут влиять на свое поведение посредством самовырабатываемых последствий. Развитие самореактивных функций, таким образом, дает людям способность к самоуправлению.

Мотивирующие воздействия обусловленного самовознаграждения изучалось как в лабораторных, так и в естественных условиях. Бандура и Перлофф (1967) сравнили относительную эффективность самоуправления и внешне прилагаемого подкрепления в эксперименте, который протекал следующим образом: дети выполняли мануальное задание, в котором чем больше реакций они осуществляли, тем больших успехов они достигали. В условиях самоподкрепления дети отбирали свои собственные стандарты исполнения и вознаграждали себя жетонами, которые обменивались на призы, как только дети достигали своих самоустановленных целей. Детям из группы с внешним подкреплением были противопоставлены дети из группы самовознаграждения так, что те же самые стандарты были установлены для них и они вознаграждались другими, когда достигали predeterminedных уровней. Другие группы детей выполняли то же самое задание, но получали вознаграждение произвольным образом или вообще работали без всякого вознаграждения.

Одним из двух важнейших свойств подкрепления является его способность поддерживать поведение, связанное с приложением усилий. Поэтому дети во всех группах выполняли задание самостоятельно и до тех пор, пока им этого хотелось. Дети, достижения которых подкреплялись или самими, или другими, были более чем в два раза продуктивнее, чем те, кто получал безусловленное вознаграждение или вообще не вознаграждался.

Чем выше были цели исполнения, установленные детьми для себя, тем более старательно они выполняли свою работу при том же объеме самовознаграждения. Особый интерес представляет тот факт, что дети из группы самоуправления сами предъявляли к своей работе очень высокие, труднодостижимые требования. Несмотря на то, что они работали самостоятельно и пользовались полной свободой выбрать любую цель, ни один ребенок не установил для себя низкого стандарта, соответствие которому потребовало бы наименьших усилий. Многие выбрали самый высокий уровень достижений в качестве того минимального исполнения, которое заслуживает самовознаграждения. Однако другие подняли свои первоначальные стандарты до более высокого уровня без соответствующего увеличения объема самовознаграждения, требуя от себя совершения большей работы для получения такого же вознаграждения.

Почему люди требуют от себя исполнения высокого уровня, когда никто их к этому не принуждает? После того, как стандарты достижений усваиваются через пример и устанавливаются, самоуважение становится обусловленным значимыми достижениями. Конфликты, вероятно, возникают тогда, когда материальные доходы можно увеличить,

прибегая к такому поведению, которое имеет ничтожную ценность с точки зрения обретения самоуважения. В подобных случаях индивидуумы пытаются получить максимальное вознаграждение при минимальных усилиях путем снижения собственных стандартов. Однако вознаграждаемое посредственное исполнение стоит самоуважения. В упомянутом выше исследовании дети, очевидно, отказывали себе в чрезмерном вознаграждении, которое полностью находилось под их контролем, рискуя самоосуждением ради незаслуженного самовознаграждения. Фактически, многие дети ставили перед собой такие цели, которые требовали от них максимальных усилий и сулили самые минимальные материальные блага. Эти открытия противоречат утилитарным теориям, которые объясняют поведение в терминах оптимального баланса вознаграждения-стоимости, если такие формулировки не включают стоимости самоуважения за вознаграждение девальвирующего поведения. Когда люди вступают в деятельность, имеющую такую маленькую персональную ценность, что самооценочные последствия не активизируются, они все больше ведут себя в соответствии с внешними вознаграждаемо- стоящими ценностями — расходуя меньше усилий ради каждого материального самовознаграждения (Felixbrod & O'Leary, 1974).

Неоднократно применяемые самоподкрепляющие практики нацелены на обучение детей и взрослых тому, как регулировать свое собственное поведение с помощью организации побуждений. Результаты этих исследований показали, что люди могут улучшать и поддерживать свое собственное поведение достаточно долго — так же, как и в тех случаях, когда другие применяют побуждения ради изменения (Bolstad & Johnson, 1972; Drabman, Spitalnik, & O'Leary, 1973; Glynn, 1970; McLaughlin & Malaby, 1974). Те, кто оказывал влияние на свое собственное поведение обусловленным самовознаграждением, достигали более высоких уровней исполнения, чем те, которые выполняли ту же самую деятельность, но не получали подкрепления, вознаграждаясь независимо от условий, или следили за своим собственным поведением и устанавливали цели, но не вознаграждали себя за удачные усилия (Bandura, 1976c). Самоуправление негативными последствиями было использовано с некоторой степенью успешности для уменьшения заикания, навязчивых состояний и вредных привычек длительного действия (Thorsen & Mahony, 1974).

Хотя внешние и самоуправляемые процедуры изменяют поведение, практика самовознаграждения может иметь дополнительные преимущества развития обобщаемых навыков саморегуляции, которые могут применяться постоянно. Возможно, именно по этой причине самовознаграждаемое поведение имеет тенденцию поддерживаться более эффективно, чем поведение, внешне подкрепляемое. Более того, личностные изменения, достигнутые в основном благодаря собственным усилиям, повышают чувство персональной каузальности (Jeffrey, 1974).

Доказательством того, что люди могут осуществлять некоторый контроль над своим собственным поведением, служит стремительное развитие саморегуляционных техник (Goldfried & Merbaum, 1973; Mahoney & Thoresen, 1974). При применении этих подходов люди могут изменить свое собственное невосприимчивое поведение, вырабатывая внешние побуждения, когнитивные средства и подходящие последствия для желаемой деятельности. Самоподкрепление играет выдающуюся роль в удачном самоуправляемом изменении.

Личностное изменение часто трудно достижимо, потому что оно имеет тенденцию ассоциироваться, по крайней мере изначально, с неблагоприятными условиями подкрепления. Такие привычки, как избыточное курение или переедание сильно поддерживаются своими непосредственными подкрепляющими эффектами, тогда как их вредоносные последствия накапливаются исподволь и в течение некоторого времени не проявляются. Усилия по контролю за таким поведением приводят к прямому дискомфорту, в отличие от преимуществ, которые могут выявиться только в отдаленном будущем. Таким образом, обусловленное самовознаграждение применяется для того, чтобы сформировать побудительные мотивы для самоконтролирующего поведения, пока преимущества окончательно заработают, принимая на себя подкрепляющую функцию.

Методы достижения самоуправляемого изменения в значительной степени основываются

на самоуправлении ощутимым подкреплением. Значительный интерес представляет свидетельство того, что символические последствия также могут служить побуждениями в регуляции открытого поведения. Вайнер (1965) сообщает об эксперименте, в ходе которого взрослые за проявление несоответствующих реакций наказывались штрафами со стороны других, либо сами в своем воображении представляли себе подобное же наказание, либо их поведение не имело последствий. Как скрытое самонаказание, так и фактическое наказание снижали уровень несоответствующих реакций, хотя скрытая форма была несколько слабее.

В настоящее время многие теоретические исследования и эксперименты направлены на выявление роли скрытых самовлияний в регуляции поведения и на более широкое применение техник самоконтроля к когнитивным событиям (Bandura, 1969; Mahoney, 1974; Mischel, 1973). Результаты нескольких направлений исследований процессов саморегуляции показывают, что подходы, связанные с социальным научением, являются многообещающими с точки зрения усиления способности людей регулировать свои собственные чувства, мысли и действия.

Условия, поддерживающие системы самоподкрепления

При анализе регуляции поведения посредством самоподкрепления, очень важно провести четкое разграничение между двумя источниками побуждений, которые участвуют в этом процессе. Во-первых, это касается организации обусловленного самовознаграждения в зависимости от уровня исполнения, необходимой для того, чтобы побудить человека вступить в ту или иную деятельность. Во-вторых, существуют побуждения для того, чтобы придерживаться определенных условий исполнения. Интересным, но недостаточно исследованным остается вопрос, требующий объяснения, почему люди отказывают себе в излишнем вознаграждении, над которым они имеют полный контроль, почему они придерживаются точных стандартов, требующих сложного исполнения, и почему они наказывают себя.

Негативные санкции

Приверженность к соблюдению требований, предъявляемых к исполнению, ради получения самовознаграждения частично поддерживается периодическими воздействиями среды, которые проявляются в различных формах. Когда усваиваются стандарты самоподкрепляющих реакций или когда позднее они применяются непоследовательно, то незаслуженное самовознаграждение часто приводит к негативным последствиям. Вознаграждение себя за неадекватное или незаслуженное исполнение более вероятно, чем отсутствие критических реакций со стороны других. А снижение собственных стандартов исполнения редко считается похвальным.

Роль негативных санкций в поддержании обусловленного самовознаграждения выявляется в исследовании самоподкрепления у человекообразных. Такие исследования предоставляют парадигму для анализа некоторых основополагающих процессов самоподкрепления, которые не могут быть определенно выяснены на примере людей, прошедших через годы социального научения (Mahoney & Bandura, 1972). Через избирательное подкрепление животные усваивают стандарты, предъявляемые к исполнению, и поддерживают поведение, требующее приложения усилий, путем получения вознаграждения, находящегося под их контролем, только по достижении предварительно заданного уровня исполнения. Когда все средства поддержки окружающей среды устранялись, животные продолжали поддерживать свое поведение с помощью самовознаграждения в течение некоторого времени, но в конце концов отбрасывали самоналагаемые условия — особенно если их соблюдение требовало больших усилий. И тем не менее, периодическое наказание за незаслуженное самовознаграждение способствовало поддержанию обусловленного самоподкрепления. Чем выше была вероятность негативных санкций за необусловленное самовознаграждение, тем выше и их подкрепляющая способность (Bandura & Mahoney, 1974).

Прогностические ситуационные детерминанты

Ситуационные факторы, которые предсказывают возможные последствия неза заслуженного самовознаграждения, оказывают влияние на вероятность того, что люди будут задерживать вознаграждение до тех пор, пока их исполнение не будет отвечать желаемым стандартам. Внешние обстоятельства, при которых исполнение прежде нуждалось в самовознаграждении, формируют приверженность к самоналагаемым условиям, даже тогда, когда негативные санкции за необусловленное самовознаграждение более не существуют (Bandura, Mahoney, & Dirks, 1976). Таким образом, контекстуальные влияния, которые означают прошлые предписания окружающей среды, требующие, чтобы самовознаграждение ставилось в зависимость от исполнения, обеспечивают дополнительные средства поддержки.

Угроза негативных санкций отнюдь не является надежнейшей основой, на которую может опираться система саморегуляции. К счастью, существуют более благоприятные причины для применения по отношению к собственному поведению некоторого влияния через самоорганизованные побуждения. Некоторые преимущества являются внешними для поведения; другие же произрастают непосредственно из самого поведения.

Персональные преимущества

Мотивацией к изменению аверсивного поведения является потребность в самовознаграждении. Для людей с избыточным весом, например, дискомфорт, болезни и социальная расплата за ожирение создают достаточные побуждения для осуществления контроля за переяданием. Заядлые курильщики получают мотивацию для снижения уровня потребления сигарет за счет физических расстройств и боязни рака. Студенты понимают, что пора прекращать прогуливать занятия, когда неудачи в выполнении курсовых заданий могут превратить академическую жизнь в сплошную цепь неприятностей.

Ставя обусловленное самовознаграждение в зависимость от уровня достижений, индивидуумы могут ослабить аверсивное поведение, тем самым создавая естественный источник подкрепления своих усилий; человек теряет вес, начинает меньше курить или вовсе бросает курение, улучшает академическую успеваемость за счет изменения своих привычек. Когда люди откладывают выполнение требуемых заданий, то их постоянно преследуют мысли об этом и уменьшают удовольствие, получаемое от «неприличной» активности. Устанавливая для себя данное достижение ради получения самовознаграждения, они мобилизуют свои усилия для выполнения того, что необходимо сделать и тем самым избавляются от назойливых самонапоминаний.

Преимущества саморегулируемого изменения могут создавать естественные побуждения для продолжающегося самоналожения условностей равно как в случае значимых, так и в случае аверсивных видов деятельности. Люди обычно мотивируют себя через условия самовознаграждения, совершенствуя свои навыки в тех видах деятельности, в которых стремятся достичь мастерства и расширяют компетенцию в областях, связанных с требованиями повседневной жизни. Здесь личные достижения, полученные за счет улучшения профессионализма, могут усиливать самопредписывание условностей. Подобные самопобуждения используются для обеспечения постоянного прогресса в творческих устремлениях. Компенсируя профессиональные привычки и самодисциплину писателей, Ирвинг Уоллес (1976) показывает, как знаменитые писатели регулируют результаты своей деятельности, ставя обусловленное самовознаграждение в зависимость от выполнения определенного объема работы в течение дня.

Как свидетельствует вышеприведенное обсуждение, поскольку саморегулируемое подкрепление включает в себя краткое самоотрицание, но не обязательно создает неблагоприятное положение вещей. Выделение самоограничения из общности последствий, сопровождающих самоуправляемое изменение, чрезмерно подчеркивает негативные аспекты процесса. Наше сравнение должно носить характер более общий, чем сравнение

одномоментных последствий поведения, как с помощью, так и без помощи обусловленного самовознаграждения. Если вознаграждение является безусловным, то оно вполне доступно для получения, но вероятность осуществления потенциально благоприятного поведения снижается из-за недостатка самомотивации. В дополнение к утраченным преимуществам существует цена наказания за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Напротив, самоуправляемое изменение обеспечивает как вознаграждение, в получении которого было временно отказано, так и преимущества, увеличивающиеся с ростом профессионализма. Для активностей, которые имеют некоторую потенциальную ценность, самоподкрепление может создавать более благоприятные общие последствия. Таким образом, тщательный анализ, применяемый к сиюминутному самоотрицанию становится менее сложным, чем это может показаться вначале. Тем не менее, не существует специальных преимуществ для саморегуляции поведения, не представляющего какой бы то ни было ценности. Это приобретает особую важность в последних примерах, где сохраняется внешняя поддержка приверженности к самовознаграждающим условиям.

Поддержанию высоких стандартов активно способствует широкая система вознаграждений, включающая похвалу, общественное признание, награды, тогда как немногие «допинги» даются человеку для самовознаграждения посредственного исполнения. Похвала благоприятствует приверженности высоким стандартам исполнения. Более того, наблюдение других, получающих общественное признание за поддержание превосходства, помогает соревнованию высоких стандартов. Косвенное подкрепление может, таким образом, дополнять периодические прямые последствия, являясь одним из источников поддержки постоянства через самопредписываемые условия.

Так как люди выбирают референтные группы, члены которых обладают похожими поведенческими нормами для самоподкрепления, индивидуальные самооценки подвержены влиянию актуальных или антиципирующих реакций тех участников группы, чьи суждения люди ценят. Когда непосредственная референтная группа мала, индивидуумы представляются «внутренне-направляемыми» (Riesman, 1950) потому, что на их самооценки не сильно влияют мнения большинства. Фактически, члены такой группы высоко отзывчивы по отношению к тем немногим, чье хорошее мнение они ценят. Число индивидуумов, которые относятся к собственному поведению настолько хорошо, что реакции с ними связанные не имеют никакого эффекта на их самооценку, в действительности крайне мало.

Поддержка моделирования

Как уже было показано, моделирование является мощным средством формирования поведения, но оно редко подвергалось исследованию в качестве поддерживающего фактора. С точки зрения очевидности того, что человеческое поведение подлежит обширному контролю моделирующих стимулов, есть все основания полагать, что наблюдение за тем, как другие успешно регулируют свое собственное поведение через поддержку условий самовознаграждения, способно повысить вероятность приверженности наблюдателя к самопредписанным условностям.

В теории социального научения самоуправляемое подкрепление представляется не как автономный регулятор поведения, а как персональный источник влияния, который действует в сочетании с внешними факторами. Несмотря на то, что функции самоподкрепления вырабатываются и иногда поддерживаются внешними влияниями, это не может отрицать того факта, что выполнение этих функций частично определяет то, как люди себя ведут. В случае устойчивых привычек стимулы окружения сами по себе часто недостаточны, чтоб вызвать изменение, тогда как те же самые побуждения при обусловленном самоподкреплении доказывают свою эффективность. В других случаях поведение, выработанное с помощью самовознаграждения, активизирует внешние влияния, которые при других условиях не имели бы никакого значения. Здесь потенциальная польза не может проявиться до тех пор, пока ее не спродуцирует самоподкрепленное улучшение исполнения. В иных случаях поведение,

сформированное посредством обусловленного самовознаграждения, изменяет окружение. Ранее пассивные индивидуумы, которые облегчили формирование уверенного поведения, обусловленное самовознаграждением, своими активными действиями изменяли свое социальное окружение.

Так как персональные и внешние детерминанты действуют друг на друга реципрокным образом, попытки определить каузальный приоритет этих двух источников влияния сводятся к дискуссии: что первично — «курица или яйцо». Ситуационные влияния вызывают самовырабатываемые влияния, которые, в свою очередь, изменяют ситуационные детерминанты. Например, индивидуумы, отправляясь за покупками в магазин, воздерживаются с помощью самовознаграждения от покупок ассортимента шоколада, создавая для себя иную окружающую среду, чем те, кто направляется домой с богатым запасом высококалорийных деликатесов. Полное объяснение процессов саморегуляции должно включать самоконтроль детерминант окружения так же, как и внешние детерминанты самоконтроля. Поиск основных внешних условий для тех видов деятельности, которые регулируются самовознаграждением, является регрессивным занятием, которое ни в коем случае не разрешает поставленных в нашей дискуссии вопросов, потому что для каждой крайности внешних условий, которые вызываются, одинаково можно выявить первичные действия, которые и создали их. Система продвижения по служебной лестнице, поощрение академической успеваемости или восхищение изяществом, сотворены человеком, а вовсе не являются результатом автономного безличностного окружения.

Теоретики оперантного научения всегда приводили аргументы против атрибутивного поведения на основании того, что такое поведение продлевается далеко в будущее. Однако в изобилии объяснений самоподкрепляющего поведения некоторые приверженцы такой точки зрения апеллируют к основным преимуществам ожидаемого поведения, пренебрегая самореактивными детерминантами поведения здесь и сейчас (Rachlin, 1974). Хотя антиципирующие преимущества будущего исполнения несомненно формируют некоторое побуждение для продолжающегося самоуправляемого изменения, существуют саморегулируемые побуждения, которые служат постоянными и прямыми побудительными мотивациями для изменения.

Детерминанты самонаказания

Вопрос о том, почему люди наказывают себя, является еще более сложным, чем вопрос о временном самоограничении. Согласно объяснениям, предложенным Аронфридом (1964), люди наказывают себя потому, что такое поведение связывается со значительным ослаблением тревоги в результате предшествующего обуславливания. Такая интерпретация обусловленного облегчения предполагает, что, когда родители приучают своих детей к дисциплине, они часто выражают критику словесно именно тогда, когда они перестают наказывать их. Если вербальная критика многократно ассоциируется с окончанием наказания, то критика становится облегчающим сигналом, определяющим конец наказания и, таким образом, ослабляющим тревогу. Следовательно, когда трансгрессивное поведение пробуждает антиципирующий страх, люди критикуют себя ради этих обусловленных успокаивающих эффектов. Согласно этим объяснениям, самокритика продолжает существовать, потому что она автоматически подкрепляется ослаблением тревоги.

В качестве подтверждения этой точки зрения Аронфрид обнаружил, что когда слова, подразумеваемые как порицание, произносились по окончании наказания, то дети, нарушающие правила поведения, были более склонны произносить эти слова, чем те дети, которые слышали критические слова в начале наказания. Эти открытия согласуются с классическим представлением о формировании условных рефлексов, но другие аспекты полученных данных бросают тень сомнения на это толкование. После нарушения правил поведения дети редко произносят критические слова в свой адрес; они поступают так только после того, когда тот, кто их наказывает, задает им вопрос, касающийся их поведения. Если

тревожное возбуждение существует, то можно ожидать, что редукция тревоги будет быстрой и спонтанной. Зачем переживать дискомфорт, если можно избавиться от него успокаивающим словом самокритики?

Сначала неохотное, но впоследствии дифференциальное применение детьми критических слов можно гораздо успешнее объяснить их предполагаемой функциональной ценностью, чем их обусловленными успокаивающими эффектами. Дети, для которых критические слова повлекли за собой наказание, имели мало оснований для их применения, в отличие от тех, кто наблюдал, что критическая вербализация обозначает окончание наказания и пробовал применять их как способ примерения при зондировании наказания. Видя, что применение критических слов, очевидно, исключает, по крайней мере, наказывающую вербализацию, дети склонны повторять их ради их же предполагаемой инструментальной ценности.

Дети усваивают самонаказывающее поведение через наблюдение самокритики моделей (Bandura & Kupers, 1964; Herbert, Gelfand & Hartmann, 1969). Теория обусловленного облегчения требует некоторых сложных допущений для объяснения того, как самонаказывающее поведение приобретает в результате наблюдения, поскольку наблюдатели фактически не испытывают никакого болезненного обращения.

В теории социального научения, самонаказание поддерживается своей приобретенной способностью облегчать мысленно представляемый дистресс и ослаблять внешнее наказание. Когда люди исполняют неадекватно или нарушают свои собственные стандарты поведения, они склонны заикливаться на самокритических и других дистрессовых мыслях. В процессе социализации последовательность «проступок-внутренний дистресс-наказание-облегчение» неоднократно переживается. В этом процессе проступок вызывает антиципирующие страхи и самообесцененные реакции, которые часто продолжаются с разной интенсивностью до тех пор, пока не последует порицание. Наказание не только прекращает терзания, вызванные возможным раскрытием проступка и вытекающими из этого последствиями, но также способностью восстановить благожелательность в окружающих.

Наказание может, таким образом, принести избавление от душевных страданий, вызванных собственными мыслями, которые продолжительны и часто более болезненны, чем самопорицание. Этот процесс наглядно иллюстрируется теми случаями, когда индивидуумы годами терзают себя из-за незначительной трансгрессивности и не могут обрести успокоения до тех пор, пока не возместят каким-то образом причиненный ущерб. Самонаказание может служить аналогичной дистресс-облегчающей функцией. Критикуя или наказывая себя за достойное порицания поведение, индивидуумы, вероятно, прерывают прискорбные размышления о своем прошлом поведении.

В психотических расстройствах самонаказание часто очень сильно поддерживается маниакальными навязчивыми состояниями, которые мало соотносятся с реальностью. В случае, о котором будет рассказано позднее, психотический больной, который воспринимал тривиальные действия как отвратительные прегрешения, мог избавиться от самопрезрения и своих видений адских мучений, только самоистязая себя в течение долгих часов.

Анализ роли самонаказания в ослаблении дистрессивных мыслей может быть также применен и к саморазочаровывающему исполнению, как и к моральному поведению. Подобно трансгрессивному поведению, ошибочное исполнение может вызывать расстраивающие мысли, которые ослабляются самокритикой.

Самонаказание часто служит эффективным средством ослабления негативных реакций других людей. Когда осуществление определенного поведения почти наверняка должно повлечь за собой дисциплинарные меры, то самонаказание может оказаться меньшим из двух зол. Стоун и Хокансон (1969) показали, как самонаказывающее поведение может на самом деле поддерживаться своей самозащитной и ослабляющей стресс ценностью. Когда взрослые могли избежать болезненных ударов током, нанося себе удары меньшей интенсивности, они усиливали реакции самонаказания и становились менее эмоционально устойчивыми к

дистрессу.

Самонаказание, которое оказывается полезным для избавления от ожидаемой угрозы, может предотвратить действительное испытание в том смысле, что может продолжаться и тогда, когда угроза перестает существовать. Сандлер и Квальяно (1964) сообщают об изучении устойчивости ожидаемого самонаказания у животных. После того, как обезьяна научалась нажимать на рычаг, избегая удара, вводились условия для научения самонаказанию. Животные могли избежать удара, нажимая на рычаг, но делая это, они наносили себе менее сильный удар. В ходе эксперимента сила самонаносимого удара постепенно увеличивалась, пока не стала сравнимой с силой того удара, от которого животные уклонялись. И, тем не менее, животные не ослабляли своего самонаказания — несмотря на то, что оно уже не являлось меньшим из двух зол. После того, как избегаемые удары были постепенно прекращены, животные продолжали бессмысленно наказывать себя при той силе удара, от которой они прежде уклонялись с такими усилиями. Эти исследования показывают, как самонаказание может стать диссоциированным с текущими условиями подкрепления через свою способность предупреждать ожидаемую угрозу, которая фактически больше не существует.

Кроме того, самонаказание может быть использовано для возбуждения внешнего одобрения. Критикуя или принижая себя, люди могут заставить других преувеличивать похвальные качества и достижения «критиканта» и успокоить их в будущем успехе. Поведение самонаказания, таким образом, получает попеременное подкрепление со стороны субъективно создаваемых условий и различных внешних источников.

Взаимодействие между персональными и внешними источниками подкрепления

После того, как формируются системы самоподкрепления, каждое конкретное действие типично порождает две совокупности последствий: самооценочные реакции и внешние результаты. Персональные и внешние источники подкрепления могут воздействовать на поведение и как взаимодополняющие, и как противодействующие факторы.

Люди, как правило, переживают конфликт, когда они получают социальное или материальное вознаграждение за то поведение, которое они сами оценивают низко. Ожидаемое самоосуждение за поведение, нарушающее собственные стандарты, становится источником мотивации для поддержания поведения на уровне собственных стандартов, даже перед лицом противодействующих побуждений. Нет более страшного наказания, чем презрение к себе. Когда самообесценивающиеся последствия превосходят в силе внешние вознаграждения за приспособительное поведение, то внешние влияния оказываются соответственно малоэффективными. С одной стороны, если определенный образ действий приносит большее вознаграждение, чем самоосуждение, то результатом может оказаться безрадостная угодливость. Однако люди обладают когнитивными навыками для восстановления нарушенного равновесия между стандартами и поведением. Позднее мы рассмотрим те процессы, при помощи которых уменьшается потеря самоуважения за обесценивающееся поведение.

Другой конфликт между внешними и самопродуцируемыми последствиями возникает тогда, когда индивидуумы переживают наказание за поведение, которое они сами оценивают высоко. Принципиальные диссиденты и нонконформисты часто оказываются в таком положении. Здесь соотношение сил самоодобрения и внешнего осуждения определяет, будет ли поведение подавляться или выражаться открыто. Если угрожающие последствия оказываются слишком серьезными, то действия, заслуживающие самоодобрения, будут подавляться страхом наказания, но в то же время будут с готовностью осуществляться тогда, когда шансы избежать наказания достаточно велики. Однако есть и такие индивидуумы, у которых чувство собственного достоинства получает настолько мощную поддержку от

следования своим убеждениям, что они готовы скорее подвергнуться длительным лишениям, но не совершать тех поступков, которые они сами считают несправедливыми или аморальными. Ярким историческим примером является Томас Мор, который был обезглавлен за отказ поступиться своими убеждениями. Можно вспомнить множество исторических и современных примеров, когда люди переносили суровые наказания за то, что неуклонно следовали своим идеологическим и моральным принципам.

Другая распространенная ситуация заключается в том, что внешнее подкрепление за конкретную деятельность является минимальным или отсутствует и индивидуумы поддерживают свои усилия в основном за счет самоодобрения. Пример такого отношения являются новаторы, которые, несмотря на многочисленные неудачи, продолжают пытаться выполнить то, что в течение длительного времени не приносит ни славы, ни наград, а может, и вообще никогда не дать результатов. Для того, чтобы выдержать это, люди должны быть убеждены в том, что их деятельность имеет огромное значение, и не обращать особого внимания на мнение окружающих.

Внешние последствия оказывают сильнейшее влияние на поведение, когда они совместимы с самопродуцируемыми последствиями. Такие условия возникают тогда, когда вознаграждаемые извне действия дают чувство самоудовлетворения, а наказуемые извне действия являются также и лично предосудительными. Для того, чтобы усилить совместимость персональных и социальных влияний, люди выбирают такое окружение, которое разделяет аналогичные стандарты поведения, тем самым обеспечивая социальную поддержку своей собственной системы самоподкрепления.

Избирательная активация и освобождение от самооценочных последствий

Развитие самореактивных способностей не формирует у личности инвариантного контрольного механизма, как предполагается в рамках теорий интернализации, которые изображают внутренние сущности (например, совесть или супер-эго) как непрерывное внутреннее средство наблюдения за поведением. Самооценочные влияния не начинают действовать до тех пор, пока они не активизируются — причем существует множество факторов, которые осуществляют избирательный контроль за их активизацией. Следовательно, одно и то же поведение не всегда самовознаграждаемо или самонаказуемо, вне зависимости от обстоятельств, в которых это поведение осуществлялось.

Процессы наложения санкций на самого себя подверглись обстоятельному изучению. Тем не менее, избирательная активизация и отключение внутреннего контроля, которые имеют важнейшее теоретическое и социальное значение, лишь недавно привлекли внимание исследователей. После усвоения моральных и этических стандартов поведения антиципирующие реакции самоосуждения за нарушение персональных стандартов, как правило, служат средством самостоятельного сдерживания против совершения предосудительных действий.

предосудительного поведения. На рис. 7 показаны некоторые этапы процесса освобождения от самооценочных последствий.

Начнем с того, что предосудительное можно представить как достойное с помощью процесса когнитивного реструктурирования.

Один из методов заключается в том, чтобы сделать предосудительное поведение лично и социально приемлемым, представляя его таким образом, как будто оно служит моральным целям. В течение столетий самые достойные, высоконравственные люди совершили страшные жестокости во имя религиозных принципов, единственно правильных идеологий, общественного порядка. Достойные сожаления действия можно тоже представить как вполне оправданные, сравнивая их с другими, совершенно вопиющими проявлениями бесчеловечности. Чем более возмутительными оказываются сравнения, тем мельче и незначительнее кажутся собственные действия. Эвфемистический язык предоставляет дополнительное удобное изобретение для маскировки достойной порицания деятельности или даже придания ей вполне уважаемого статуса. Посредством словоблудия пагубное поведение превращается в добродетельное, а те, кто в него вовлечен, освобождаются от чувства личной ответственности.

Моральное оправдание и паллиативные характеристики являются особенно эффективными дисингибиторами, потому что они не только исключают самовырабатываемые средства внутреннего сдерживания, но также заставляют самовознаграждение служить недостойному поведению. То, что когда-то являлось морально недопустимым, становится предметом особой гордости.

Другие аспекты диссоциативной практики действуют путем скрытия и искажения соотношений между действиями и порожденными ими последствиями. Поведение, считающееся предосудительным в нормальных условиях, люди могут осуществлять при наличии разрешающих санкций со стороны легитимных властей, а также осознавая последствия такого поведения (Kelman, 1973; Milgram, 1974). При перенесении ответственности люди перестают считать себя лично ответственными за свои действия и освобождаются от реакций самоосуждения. В этом случае, когда связь между поведением и его социальными последствиями неочевидна, из-за диффузии ответственности за поведение, заслуживающее порицания, не существует достаточных оснований для самоосуждения. В результате разделения труда, имперсонификации принимаемых решений и совместного исполнения, люди могут осуществлять вредоносное поведение, не ощущая какой-либо личной ответственности. Поэтому они поступают более грубо тогда, когда ответственность неочевидна из-за коллективных способов деятельности (Bandura, Underwood & Fromson, 1975).

Дополнительным способом ослабления самосдерживающих реакций является неправильное истолкование последствий поступков. Когда люди ради собственной выгоды, либо из каких-то иных побуждений, выбирают для себя такой образ действий, который не вызывает у них одобрения, то они стремятся преуменьшить причиненный ими вред. Постольку поскольку они не принимают во внимание вредоносные последствия своего поведения, вероятность того, что у них активизируются реакции самоосуждения, пренебрежимо мала.

Сила самооценочных реакций частично зависит от того, каким образом воспринимаются люди, на которых были направлены осуждаемые действия. Так, плохое отношение к людям, которые считаются низшими или опустившимися, в меньшей степени способно вызвать самоосуждение, чем плохое отношение к людям, которым не отказано в достойных человеческих качествах. Люди, которые воспринимаются как низшие существа, считаются бесчувственными и способными реагировать только на самое грубое обращение. Дегуманизация жертвы, таким образом, является дальнейшим способом ослабить самонаказание за жестокие поступки (Zimbardo, 1969). Анализ когнитивных обстоятельств, сопутствующих наказуемому поведению, показывает, что дегуманизация способствует

выработке различных маневров для самооправдания (Bandura, Underwood, & Fromson, 1975). Люди резко осуждают наказуемое поведение и редко осуществляют его, когда они взаимодействуют с индивидуумами, имеющими высокий личностный статус. И напротив, они редко осуждают предосудительное поведение и даже оправдывают его, если оно направлено против индивидуумов, подверженных дегуманизации.

Многие условия современной жизни способствуют дегуманизации поведения. Бюрократизация, автоматизация, урбанизация и высокая социальная мобильность приводят к тому, что люди начинают относиться друг к другу анонимным, обезличенным образом. Кроме того, социальные практики, которые разделяют людей по принципу принадлежности/непринадлежности к определенному кругу, приводят к развитию отчуждения, которое также способствует дегуманизации. Незнакомца легче отбросить как бесчувственное существо, чем человека, лично знакомого.

Психологические исследования сфокусированы на растормаживающих действиях практик, которые лишают людей их человеческих качеств. Это повышенное внимание становится вполне понятным, если учесть распространенность и серьезные последствия негуманного поведения людей по отношению друг к другу. Равное теоретическое и социальное значение имеет сила гуманизма как средства противостояния вредоносному поведению. Исследования этого процесса показали, что даже в тех условиях, которые исходно способствовали ослаблению внутренних запретов, человеку трудно проявить жестокость по отношению к людям, когда они представляются как личности со всеми личностными и человеческими качествами (Bandura, Underwood & Fromson, 1975).

Приписывание вины самой жертве является одним из важнейших способов самооправдания. Вредоносное взаимодействие обычно состоит из последовательности взаимных поступков, вызывающих эскалацию насилия, в которых жертву нельзя считать полностью невиновной. Всегда в цепочке событий можно выделить причину, породившую акт самозащиты от враждебных действий, и представить его как исходную точку. Таким образом, либо самим жертвам приписывается вина за их страдания, либо в качестве оправдания безответственного поведения используется тезис об исключительных обстоятельствах данной ситуации. Осуждая других, человек ищет оправдания своим поступкам.

Поскольку внутренние средства контроля подчиняются воздействию процессов диссоциации, то значительные изменения в моральном поведении осуществляются без изменения структуры личности, моральных принципов или самооценочных систем. Именно процессы самооправдания гораздо чаще, чем личные недостатки отвечают за негуманное поведение.